

829180

829180

8P1XIX

Ш 34 Щеголев П. Е.

А. С. Пушкин: Сб. статей

1912

56-00

Берегите книги!

Не пользуйтесь книгой во время
829180 ч.

Не загибайте углов.

Не делайте надписей на книге.

Не смачивайте пальцев слюною,
передистывая книгу.

Завертывайте книгу в бумагу.

При утере или порче книги читатель
обязан купить новую или уплатить ее
стоимость.

Q

—
1

—

8607

891.7(09)

Щ-34

ШЕГОЛОВЪ П.

чи

А. С. ПУШКИНЪ

СБОРНИКЪ СЪТЕН.

49361
8528
1917

от

ЧИТАЛЬНЯ
Изд. „Шиповникъ“

СПБ 1919

1934

Щ 34 V

196

А. РИЗНИЧЪ ВЪ ПОЭЗІИ ПУШКИНА

Лит. 41

46

АМАЛІЯ РИЗНИЧЪ

въ поэзіи А. С. Пушкина.¹

829:80

„Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепеть ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота.
И мщенье—бурная мечта
Ожесточеннаго страданья“.

Полный текстъ этого прекраснаго стихотворенія былъ опубликованъ впервые въ книгѣ проф. И. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“². До тѣхъ поръ мы знали изъ него только четыре первыхъ строки; издатели относили ихъ къ 1826 году. На автографѣ этого стихотворенія, принадлежащемъ проф. И. А. Шляпкину, находимъ точную дату: „1825 Триг. 23 Тригорск. 22“.

¹ Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1904, январь; здѣсь перепечатывается съ нѣкоторыми измѣненіями.

² Этой книгѣ, дающей много новаго и для текста и для біографіи Пушкина, принадлежитъ видное мѣсто въ Пушкинской литературѣ. Правда, не всѣ выводы и сообщенія проф. И. А. Шляпкина могли быть приняты спеціальной критикой. Въ нашемъ очеркѣ мы касаемся лишь одного недоумѣнія, возбуждаемаго трудомъ проф. И. А. Шляпкина и связаннаго съ важнымъ вопросомъ о біографическомъ элементѣ въ стихахъ Пушкина, съ вопросомъ о правильности нашихъ утвержденій о посвященіи тому или другому лицу различныхъ стиховъ Пушкина. Это—одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Пушкинскаго творчества.

ЦЕНТЪ И

Отделъ
обслуживанія
по истребованію

Къ кому относится это стихотвореніе? Чьей памяти поэтъ приносить въ жертву всѣ драгоцѣнные порывы своей души? П. А. Ефремовъ въ изданіи 1882 года (т. II, стр. 398) высказалъ предположеніе, что эти стихи вызваны воспоминаніемъ объ одесской знакомой Пушкина, г-жѣ Ризничъ. Проф. И. А. Шляпкинъ полагаетъ, что въ виду даты: „1825 годъ“, раньше неизвѣстной, окончательно падаетъ предположеніе И. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится къ извѣстной Аннѣ Петровнѣ Кернъ. То или иное рѣшеніе вопроса о томъ, къ кому относятся различныя стихотворенія Пушкина, имѣетъ важное значеніе для біографій поэта. Несомнѣнными являются указанія его самого, но они рѣдки, и приходится дѣлать одни предположенія,— а между тѣмъ, въ собраніяхъ сочиненій, даже самыхъ новѣйшихъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ догматическихъ „усвоеній“ стихотвореній Пушкина тому или другому лицу,—усвоеній, которыя какимъ-то невѣдомымъ путемъ повысились изъ догадокъ на степень достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности мало достовѣрны и спутаны указанія при стихотвореніяхъ, связанныхъ съ семьей Раевского и съ пребываніемъ Пушкина на югѣ, при посланіяхъ кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихахъ, посвященныхъ Амаліи Ризничъ. Попытаемся разобраться въ томъ, кому же именно посвящено стихотвореніе: „Все въ жертву памяти твоей“, и т. д.

Относится ли оно къ А. П. Кернъ? Объ ея отношеніяхъ къ Пушкину, по крайней мѣрѣ, въ тотъ 1825-ый годъ, къ которому относятся это стихотвореніе, мы можемъ судить по письмамъ къ ней А. С. Пушкина, напечатаннымъ во всѣхъ изданіяхъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ отношеній, отмѣтимъ только общій, чувственный характеръ увлеченія Пушкина. Невозможно допустить, чтобы Пушкинъ и „мщенье—бурную мечту ожесточеннаго стра-

данья“—принесъ въ жертву той, которую онъ называлъ „вавилонской блудницей“, которой онъ писалъ въ такомъ легкомъ тонѣ: „Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! Divine!.. et puis: „ахъ мерзкая!“ Pardon, belle et douce, mais c'est comme ça“, и т. д. Врядъ ли бы сталъ Пушкинъ выражаться: „все въ жертву *памяти твоей*“, въ то время, какъ Кернъ была такъ недалеко отъ него: въ Тригорскомъ, или въ Ригѣ, или въ С.-Петербургѣ (съ момента встрѣчи въ 1825 году, Кернъ только въ этихъ мѣстахъ и была въ этотъ годъ). Всѣ эти соображенія приводятъ къ слѣдующему выводу отрицательнаго характера: предположеніе о посвященіи стихотворенія А. П. Кернъ не можетъ быть допущено. И такой выводъ имѣетъ свое значеніе.

Прежде, чѣмъ обратиться къ предположенію П. А. Ефремова, остановимся на комментаріяхъ проф. И. А. Шляпкина, которые могутъ послужить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать комментаріи. Разборъ ихъ поможетъ намъ вникнуть въ содержаніе стихотворенія, а выясненіе содержанія имѣетъ существенное значеніе для нашей цѣли. Высказавшись предположительно о посвященіи стиховъ А. П. Кернъ, проф. И. А. Шляпкинъ безъ оговорокъ распредѣляетъ партіи: „на Е. Н. Вульфъ намекаетъ поэтъ, когда говоритъ о слезахъ воспаленной дѣвы. „Трепетъ ревности моей“— конечно, намекъ на А. Н. Вульфа, уѣхавшаго съ А. П. Кернъ въ Ригу“. Необходимо указать, что подобные комментаріи могутъ опоплять стихи Пушкина и лишать ихъ всякаго художественнаго смысла. Стихотвореніе прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэтъ приноситъ въ жертву памяти о любимой женщиѣ все самое цѣнное для его души, и слезы воспаленной любовью дѣвушки, всякой дѣвушки, и мученія ревности, всякія мученія, и блескъ славы и т. д. И. А. Шляпкинъ низводитъ стихотвореніе почти до эпиграммы:—увы, поэтъ готовъ пожертвовать

памяти любимой имъ только слезы Евпраксіи Николаевны Вульфъ; поэтъ готовъ ради памяти отказаться ревновать ее къ Алексѣю Николаевичу Вульфѣ.

Но правъ ли П. А. Ефремовъ, утверждая, что это стихотвореніе относится къ Ризничъ? Эпизодъ одесскаго увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ и запутаннѣйшимъ пунктамъ біографіи поэта.

Всѣ фактическія данныя о г-жѣ Ризничъ исчерпываются всего двумя сообщеніями. Первое принадлежитъ проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось въ 1856 году въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ и тогда же было перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“¹. Проф. Зеленецкій заявилъ себя, какъ осторожный изслѣдователь, и на достовѣрность его сообщеній можно полагаться, но необходимо обратить вниманіе на особенность источника его свѣдѣній: онъ разузналъ о Ризничъ отъ одесскихъ старожиловъ, — а слѣдовательно, узналъ то, что *говорилось* о ней въ Одессѣ. Второе сообщеніе принадлежитъ проф. Халанскому: оно появилось въ „Харьковскомъ университетскомъ Сборникѣ“ 1899 года. Со словъ проф. Сречковича, г. Халанскій передаетъ рассказы мужа Ризничъ. По этимъ двумъ сообщеніямъ исторія Ризничъ выясняется въ слѣдующихъ чертахъ.

Иванъ Ризничъ, сынъ богатаго сербскаго купца, человекъ отлично образованный въ итальянскихъ университетахъ, сначала имѣлъ банкирскую контору въ Вѣнѣ, а потомъ переселился въ Одессу и занялся хлѣбными операціями. Съ Ризничемъ Пушкинъ познакомился въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева. Въ 1822 году Иванъ Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну жениться и весной 1823 года возвратился съ молодой женой. Въ началѣ

---

¹ Перепечатано въ книгѣ проф. В. А. Яковлева: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“. Одесса, 1887. Добавленіемъ къ этой статьѣ являются нѣкоторыя данныя въ „Замѣткѣ о Пушкинѣ“ въ „Библиографическихъ Запискахъ“. 1858, стр. 137.

іюня этого года Пушкинъ переселился на жительство въ Одессу. Тогда же начинается его знакомство съ женой негоціанта. Кто же была она? Пушкинъ и его одесскіе современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкій сообщаетъ, что она—дочь вѣнскаго банкира Риппа, полунѣмка, полуйтальянка, съ примѣсью, быть можетъ, еврейской крови. Сречковичъ со словъ мужа Ризничъ утверждаетъ, что она была итальянка, родомъ изъ Флоренціи. Нѣтъ основаній не вѣрить словамъ Сречковича. Относительно необыкновенной красоты г-жи Ризничъ всѣ современники согласны: высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косой до колѣнъ. Она ходила въ необыкновенномъ костюмѣ: въ мужской шляпѣ; въ длинномъ платьѣ, скрывавшемъ большія ступни ногъ. Среди одесскихъ женщинъ она была поразительнымъ явленіемъ. В. И. Туманскій писалъ въ 1824 году изъ Одессы своей пріятельницѣ объ одесскихъ дамахъ: „недостатокъ свѣтскаго образования чувствителенъ въ одесскихъ дамахъ. Женщины—первыя создательницы и истинныя подпоры обществъ. Слѣдовательно, имъ непростительно упущать всякую малость, способствующую выгодамъ сего новаго отечества. Всѣ приманки ума, ловкости просвѣщенія должны быть употреблены, дабы внушить въ мужчинѣ и охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ, и сердечную признательность къ дамамъ. У насъ ничего этого нѣтъ,—замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей“, и т. д. Ризничъ, очевидно, подходила къ тому идеалу женщины, который рисуется Туманскій. Амалія Ризничъ не была принята въ высшемъ одесскомъ обществѣ, которое и сосредоточивалось-то въ одномъ домѣ графини Воронцовой. Что преграждало ей доступъ въ высшій свѣтъ: эксцентричность одежды, необыкновенность поведенія или соціальное положеніе, или, наконецъ, другія обстоятельства, о которыхъ глухо говоритъ проф. Зеленецкій? На

этотъ вопросъ мы отвѣтить не можемъ. Поклонники ея собирались въ домъ Ризничъ. Ихъ было не мало: среди нихъ особенно настойчивымъ былъ Пушкинъ. По выраженію мужа Ризничъ, Пушкинъ увивался около Амаліи, какъ котенокъ (као маче,—по-сербски). Одесскіе старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкинъ встрѣтилъ соперника въ польскомъ шляхтѣ Собаньскомъ. Иванъ Ризничъ называетъ князя Яблоновскаго. Нользовался ли Пушкинъ взаимностью Амаліи Ризничъ? Молва утверждаетъ, а Ризничъ, приставившій къ женѣ для наблюденія стараго своего слугу, отрицаетъ. Ризничъ пробыла въ Одессѣ недолго; мужъ говорить, что она разстроила свое здоровье и уѣхала лечиться. 30 апрѣля 1824 года, изъ одесскаго городского магистрата было выдано свидѣтельство на право выѣзда за границу г-ну Ивану Ризничу съ семействомъ, а въ первыхъ числахъ мая г-жа Амалія Ризничъ, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Александромъ, слугою и двумя служанками выѣхала въ Австрію, Италію и Швейцарію. 30-го іюня Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское. Въ Одессѣ разсказывали, что вскорѣ послѣ отъѣзда Ризнича выѣхалъ и соперникъ Пушкина, Собаньскій; за границей онъ догналъ ее, проводилъ до Вѣны и бросилъ. Мужъ Ризничъ говорить, что за Ризничъ послѣдовалъ во Флоренцію князь Яблоновскій и здѣсь добился ея довѣрія. Ризничъ недолго прожила на родинѣ. По всей вѣроятности, въ началѣ 1825 года, она умерла, „кажется, въ бѣдности, призрѣнная матерью мужа“, какъ говорили въ Одессѣ. Но, по словамъ мужа, она не получала отъ него отказа въ денежныхъ средствахъ во время жизни въ Италіи. Этимъ ограничиваются всѣ наши фактическія свѣдѣнія объ Амаліи Ризничъ.

Амалія Ризничъ имѣетъ всѣ права на вниманіе по тому вліянію, которое оказала она на душу поэта и, слѣдовательно, на его творчество. Быть можетъ, когда-нибудь мы будемъ имѣть настоя-

щую біографію поэта,—не фактическую исторію внѣшнихъ событій его жизни, а исторію сокровенныхъ движеній его души, ея жизни. И будущій біографъ долженъ будетъ опредѣлить, что внесла въ эту жизнь Ризничъ, и выяснитъ, въ чемъ была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопросъ, на которомъ нужно остановиться—вопросъ о томъ, какія же произведенія Пушкина вызваны этой женщиной. Тутъ царитъ большая путаница: съ именемъ Ризничъ связываютъ различныя стихотворенія, иногда прямо противоположныя по содержанію: Анненковъ создалъ даже „трехчленную лирическую пѣснь“ изъ стихотвореній: Элегія 1825 („Подъ небомъ голубымъ“), „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальней“—и связалъ эту пѣснь съ именемъ Ризничъ. Впрочемъ, онъ осторожно замѣтилъ, что трехчленная лирическая пѣснь обращена къ одной или двумъ особамъ, умершимъ за границей. Осторожныя замѣчанія Анненкова были расширены и перетолкованы позднѣйшими изслѣдователями, и Амалия Ризничъ получила исключительное значеніе въ жизни Пушкина; комментаторы и біографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вѣчную любовь къ ней. Для рѣшенія поднятаго въ началѣ нашей замѣтки вопроса о томъ, можно ли отнести къ Ризничъ отрывокъ „Все въ жертву памяти твоей“,—необходимо разобраться въ путаницѣ различныхъ приуроченій поэтического матеріала къ Амаліи Ризничъ. Намъ представляется далеко не лишней попытка опредѣлить характеръ отношеній поэта къ женѣ одесскаго негодіанта и выяснитъ, какія именно стихотворенія Пушкина запечатлѣны ея вліяніемъ.

II.

Намъ кажется, что внимательный анализъ стихотвореній Пушкина поможетъ намъ разобраться въ біографическихъ вопросахъ, вызываемыхъ ими. Начнемъ съ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“;

относительно этого стихотворенія можно съ достовѣрностью сказать, что оно относится къ Амаліи Ризничъ. Обратимъ вниманіе на обстоятельства, при которыхъ оно написано.

Амалія Ризничъ выѣхала изъ Одессы за границу въ первыхъ числахъ мая 1824, а Пушкинъ отправился въ ссылку 30 іюля,— должно быть, раньше, чѣмъ распространились слухи о томъ, что вслѣдъ за Ризничъ отправился его соперникъ. Послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Одессѣ мысли Пушкина были заняты другой женщиной. Въ стихотвореніи „Къ морю“, написанномъ непосредственно передъ отъѣздомъ, въ іюлѣ, поэтъ обращается къ морю:

„Ты ждалъ, ты звалъ... Я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я“.

Эти строки никакъ нельзя считать свидѣтельствомъ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которая въ это время была за границей: если бы онъ былъ окованъ могучей страстью къ Ризничъ,—незачѣмъ было бы оставаться у береговъ! Изъ этого можно было бы сдѣлать слѣдующій выводъ: увлеченіе Ризничъ нужно отнести къ начальному періоду пребыванія Пушкина въ Одессѣ. Въ стихотвореніяхъ 1830 года „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальней“ поэтъ рисуетъ слѣдующими чертами разлуку съ неизвѣстной намъ женщиной, въ которой комментаторы видятъ Ризничъ.

„Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой“. („Заклинаніе“).

„Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;

Томленья страстнаго разлуки
 Мой стонъ молилъ не прерывать.
 Но ты отъ горькаго лобзанья
 Свои уста оторвала:
 Изъ края мрачнаго изгнанья
 Ты въ край иной меня звала“, и т. д.

Но если принять во вниманіе, что поэтъ въ это время былъ очарованъ могучей страстью, приковывавшей его къ берегамъ Чернаго моря, если вспомнить, что вслѣдъ за Ризничъ уѣзжалъ и соперникъ поэта, то придется усомниться въ томъ, что оба эти стихотворенія вызваны воспоминаніемъ о разлукѣ съ Ризничъ.

Если бы моментъ разставанія поэта съ Ризничъ соотвѣтствовалъ описанному въ этихъ строкахъ, то мы въ правѣ были бы предположить, что и въ Михайловскомъ въ своихъ воспоминаніяхъ поэтъ обращался все къ той же Амаліи Ризничъ, страсть въ которой была такъ могуча. Но въ это время,—пишетъ Анненковъ,—настоящая мысль поэта постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ—далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ: послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина“ онъ дѣлаетъ приписку: „1 сентября 1824 года—Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Навлищева, рассказывала Анненкову, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата,—последній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ¹. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его

¹ Совершенно непонятно, на основаніи какихъ данныхъ В. Я. Брюсовъ въ своей статьѣ „Изъ жизни Пушкина“ („Новый Путь“, 1903, іюнь) сообщаетъ: „Когда въ Михайловскомъ приходили письма отъ Ризничъ, Пушкинъ запирался себя въ кабинетъ и старался весь день не видаться ни съ кѣмъ“.

произведеніяхъ стихотвореніе „Сожженное письмо“ 1825 года. Къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія „Ненастный день потухъ“. Она и самимъ поэтомъ отнесена въ изданіи стихотвореній 1826 года, къ 1823 году—и всеми издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержанія даетъ несомнѣнныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первыхъ четырехъ стихахъ поэтъ рисуетъ обстановку, которая окружаетъ его:

„Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
 По небу стелется одеждою свинцовой,
 Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
 Луна туманная взошла...
 Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ“.

Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный. и въ 1823 году поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противопоставляетъ слѣдующую картину.

„Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ,
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой,
 Тамъ море движется роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...
 Вотъ *время*: по горѣ теперь идетъ она
 Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами,
 Тамъ, подъ *завѣтными* скалами,
 Теперь она сидитъ, печальна и одна“...

Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничъ, но это невѣрно, потому что Ризничъ въ это время была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина „завѣтныхъ“ скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ. П. О. Морозовъ дѣлаетъ совершенно неосновательное предположеніе, что „она“—это Марія Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 го-

да кн. Сергій Григорьевичъ Волконскій, декабристъ, писалъ изъ Петербурга Пушкину: „имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ приятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріей Николаевной Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастиі“. Врядъ ли можетъ быть отнесено къ М. Н. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки:

„Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ, печальна и одна...
 Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
 Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
 Одна... Ничьимъ устами она не предастъ
 Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
 . . . . .
 Никто ея любви небесной не достоинъ.
 Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? я спокоенъ.
 . . . . .
 Но если . . . . .“

Точки поставлены самимъ Пушкинымъ; рукопись этого стихотворенія намъ неизвѣстна. Итакъ, этой элегіи нельзя отнести ни къ М. Н. Раевской, ни къ Амаліи Ризничъ. Не относится ли она къ той особѣ, о которой такъ туманно говорить Анненковъ?

Среди стихотвореній, написанныхъ въ Михайловскомъ, мы встрѣтили еще одно, которое также даетъ доказательство того, что не Ризничъ владѣла мыслью поэта въ его уединеніи, что не она была могучей страстью Пушкина въ Одессѣ. Это—„Желаніе славы“ (7 іюля 1825 года); лицо, къ которому обращено это стихотвореніе, опять-таки мы должны искать не въ Тригорскомъ, а тамъ, гдѣ поэтъ былъ до ссылки въ Михайловское; стихотвореніе заключаетъ, по нашему мнѣнію, важное автобіографическое свидѣтельство, указаніе на обстоятельства, сопровождавшія разлуку поэта съ этой особой, и намекъ на какую-то связь этой любви поэта съ его ссылкой изъ Одессы.

„Когда, любовію и вѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
 Я на тебя глядѣль и думалъ: ты моя,—
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
 Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
 Скучая суетнымъ призваніемъ поэта,
 Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
 И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
 Шептала ты: „Скажи, ты любишь, ты счастливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я стѣсненное молчаніе хранилъ;
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ; я мнилъ,
 Что вѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... *И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета,— все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, идъ я? Стою,
 Какъ путника, молніей постигнутаго въ пустынь,
 И все передо мной затмилося!* И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
 Окружена была; чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья“.

О минутѣ разлученья идетъ рѣчь и въ отрывкѣ, который находится въ одесской тетради Пушкина.

„Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
 Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
 Произношу я горестныя пени.
 Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
 Обманывать себя не стану,
 Тебя (роптаниемъ) преслѣдовать не буду
 (И невозвратное), быть можетъ, позабуду.
 (Я зналъ: не для меня) блаженство,
 Не для меня сотворена любовь...
 Ты молода, душа твоя прекрасна,
 И многими любима будешь ты“...

И въ этомъ, и въ предыдущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. „Послѣднія моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья“ перваго стихотворенія („Желаніе славы“) напоминаютъ „горестныя пени“ отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ внѣшнихъ событій... „Слезы, муки, измѣны, клевета“, все вдругъ обрушилось на голову поэта. Въ отрывкѣ, по неяснымъ причинамъ, любимая поэтомъ приходитъ къ мысли о необходимости разорвать свои интимныя отношенія съ нимъ

Наблюденія надъ рукописями этихъ пьесъ могутъ при дальнѣйшемъ разслѣдованіи исторіи увлеченій Пушкина, дать матеріалъ для любопытныхъ выводовъ. Отрывокъ по положенію его въ тетради (2369-ой) датируется 1824 годомъ; если отъ датировки требовать точности, то его можно было бы отнести и къ 1823 году, но во всякомъ случаѣ его не должно относить ко времени *позже 8 февраля 1824 года*, ибо на той страницѣ тетради, гдѣ онъ вписанъ, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ находится несомнѣнно писанный позже отрывокъ черновикъ письма къ Бестужеву, которое въ бѣловомъ помѣчено 8 февраля 1824 года. Слѣдовательно, то дѣйствительное

[Цалуешь] поцалуемъ—

Дыханье жар-
кихъ усть [За чемъ тогда] [мрачить?]
[съ любовію] мы
вливаешь [Мы] [ждемъ тоскуемъ]

[И] [на гла- Свое дыханье вливаешь
захъ] [ты дум] я
[И имъ]

Щастливъ ли [я].

Я не завидую богамъ

Въ пушкинской литературѣ укрѣпилось предположеніе, что та особа, къ которой летѣла мысль поэта въ Михайловскомъ и о которой такъ туманно говорить Анненковъ,—жена начальника по одесской службѣ Пушкина, графиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова; отношенія ея къ Пушкину совершенно не обслѣдованы біографами поэта. Такому разслѣдованію долго мѣшало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только въ 1880 году. „Преданія эпохи,—писалъ въ 1874 году Анненковъ,—упоминаютъ еще о женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой она управляла мыслью и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, сповойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни“. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ критическаго разслѣдованія отношеній Пушкина къ княгинѣ Е. К. Воронцовой, которое дало бы намъ право притти къ опредѣленному на этотъ счетъ мнѣнію ¹.

¹ Сравни. выше примѣчаніе на стр. 178.

III.

Одесскія новости доходили до Пушкина очень туго; онъ постоянно жалуется въ своихъ письмахъ изъ Михайловскаго на ихъ отсутствіе и проситъ ихъ. Не много зналъ онъ и о Ризничъ. 21 августа 1824 года А. Н. Раевскій сообщалъ Пушкину о мужѣ Ризничъ, о томъ, что онъ „оиятъ принялъ бразды театральнаго правленія, и актрисы ему одному повинуются“. Профессору Зеленецкому рассказывали люди, близкіе къ Ивану Ризничу, что онъ былъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ; трудно повѣрить этому извѣстію: что же было общаго между обманутымъ мужемъ и любовникомъ его жены? Врядъ ли къ кому другому, а не къ Амаліи Ризничъ, можетъ быть отнесенъ отрывокъ изъ описанія Одессы въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„А только ль тамъ (въ Одессѣ) очарованій?
 А розыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А prima donna? а балетъ?
 А ложа, гдѣ, красой блистая,
 Негоціантка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?
 Она и внемлетъ, и не внемлетъ
 И каватинѣ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ „фора!“ закричитъ,
 Звѣнетъ—и снова охранить“

Съ этимъ-то мужемъ врядъ ли бы сталъ переписываться Пушкинъ, и не изъ его писемъ узналъ Пушкинъ о смерти Амаліи Ризничъ за границей. Ризничъ умерла въ первой половинѣ 1825 года, во всякомъ случаѣ, къ іюлю 1825 года въ Одессѣ уже знали о ея смерти и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти: гово-

рили и о томъ, что Иванъ Ризничъ предоставилъ ей умереть въ нищетѣ (мы видѣли, что самъ Ризничъ, въ разговорѣ съ Сречкови-чемъ, отрицалъ это). Подпись: „іюль 1825“, мы встрѣчаемъ подъ сонетомъ одного изъ поклонниковъ Ризничъ, В. И. Туманскаго: „На кончину Р.“ Этотъ сонетъ напечатанъ въ альманахѣ Раича и Ознобишина: „Сѣверная лира на 1827 годъ“ (цензурное разрѣшеніе на печатаніе дано 1 ноября 1826 года) съ посвященіемъ А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ прочелъ этотъ сонетъ только въ печати. Пушкинъ переписывался съ В. И. Туманскимъ: до насъ дошло по нѣскольку писемъ того и другого, между прочимъ, и письмо Пушкина къ Туманскому, отъ 13 августа 1825 года. Анализируя содержаніе этого письма, мы не найдемъ въ немъ ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина къ Туманскому—не первое, имъ писанное. Между прочимъ, Пушкинъ писалъ въ немъ: „Объ Одессѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что-нибудь“. Последняя фраза даетъ основаніе думать, что отвѣтъ Туманскаго былъ первымъ его письмомъ къ Пушкину. Вполнѣ естественно предположить, что Туманскій подѣлился съ Пушкинымъ своимъ стихотвореніемъ, написаннымъ на смерть Ризничъ и посвященнымъ Пушкину. Свое стихотвореніе онъ долженъ былъ сопроводить нѣкоторыми фактическими разъясненіями, безъ которыхъ не все въ немъ было бы понятно Пушкину. Вотъ что писалъ Туманскій о Ризничъ:

¹ Первые строки этого письма (Сочин. Пушкина. Переписка Изд. Академіи Наукъ т. II, стр. 261) для насъ не совсѣмъ понятны: „бура, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда“. Любопытно, что эти строки дословно совпадаютъ съ началомъ черноваго наброска письма къ Княжевичу, написаннаго въ концѣ ноября, въ началѣ декабря 1824 года. Это письмо тамъ же, стр. 154. И въ этомъ наброскѣ поэтъ жадно проситъ вѣстей изъ Одессы: „Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами“ и т. д.

„Ты на землѣ была любви подруга:
 Твои уста дышали слаще розъ,
 Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
 Горѣла страсть, блистало небо юга.
 Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга
 Склонялся міръ—твой оковы несъ.
 Но Гименей, какъ сѣвернымъ морозъ,
 Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.
 И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
 Блестящій рой? Гдѣ страстные рыданья?
 Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,
 Ужъ новый огонь волнуетъ души ихъ;
 И для тебя сей юлосъ струнь чужихъ—
 Единственный завѣтъ воспоминанья!“

Посвящая Пушкину это стихотвореніе, не думалъ ли о немъ Туманскій, когда писалъ о разсѣявшихся поклонникахъ, которыхъ уже къ другимъ красавицамъ влекутъ желанья, и души которыхъ волнуетъ новый огонь? Если думалъ, то вѣдь онъ разумѣлъ подъ новыми увлеченіями поэта не увлеченія сельца Михайловскаго, а одесскія увлеченія, которыя одни только и могли быть ему извѣстны. Въ стихахъ Туманскаго необходимо отмѣтить легкой отгѣнокъ сожалѣнія, укора, обращеннаго къ умершей.

Отвѣтомъ на извѣстіе о смерти Ризничъ, полученное поэтомъ или отъ Туманскаго или отъ кого-либо другого (мы больше склонны къ первому предположенію), была извѣстная, прекрасная элегія: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной она томилась, увядала“. Уже первыя строки показываютъ, что поэту была извѣстна одесская версія разсказа о смерти Ризничъ, въ бѣдности, брошенной и любовникомъ, и мужемъ.

„Увела, наконецъ, и вѣрно надо мной
 Младая тѣнь уже летала;
 Но недоступная черта межъ нами есть;
 Напрасно чувство возбуждалъ я:
 Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я“.

Намъ необходимо запомнить то впечатлѣніе, съ которымъ поэтъ принялъ извѣстіе о смерти когда-то любимой имъ женщины. Онъ былъ равнодушенъ; въ его сердцѣ уже не было любви къ ней. Въ этихъ стихахъ обращаетъ вниманіе выраженіе: „изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть“; эти слова хочется сопоставить съ той характеристикой, которую даетъ своему сонету Туманскій: „сей голосъ струнъ чужихъ“. Но откуда же такое полнѣйшее равнодушіе у Пушкина, который когда то былъ страстно увлеченъ Ризничъ? Ея образъ запечатлѣлся въ его представленіи; не затмили ли его тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ ему или Туманскій, или кто-нибудь изъ одесскихъ пріятелей, по слухамъ, циркулировавшимъ въ Одессѣ?

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою нѣжною томительной тоской,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
 Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
 Для бѣдной легковѣрной тѣни,
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ, ни пени“.

Какое тяжелое осужденіе тому, кто былъ такъ любимъ прежде! Бѣдная легковѣрная тѣнь! Легковѣрная, потому что легко вѣрила въ клятвы любви... Трудно повѣрить, что на Пушкина такъ подѣйствовало только одно сообщеніе о томъ, что его соперникъ уѣхалъ вслѣдъ за Ризничъ: было что-то и другое, для насъ исчезнувшее.

Итакъ, эта элегія, несомнѣнно, относящаяся къ Ризничъ, даетъ немногочисленныя, правда, но опредѣленныя указанія на характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ и свидѣтельство о судьбѣ его отношеній къ ней послѣ отъѣзда изъ Одессы. Опираясь на эти данныя, можно уже прямо выбрасывать изъ цикла

Ризничъ тѣ стихи, въ которыхъ мы найдемъ противорѣчашую характеристику Ризничъ; но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору, остановимся еще на разобранной элегии. Когда написана она? Въ изданіи 1829 года элегія отнесена самимъ поэтомъ къ 1825 году, но автографъ элегіи, вновь найденный въ 1899 году, даетъ указаніе на 1826 годъ, какъ на годъ созданія этой піесы ¹. Въ этой рукописи вверху передъ стихотвореніемъ имѣется помѣта „29 іюля 1826 года. Кромѣ того, подъ стихотвореніемъ читаемъ еще слѣдующія помѣты.

29 іюля 1826 г.

Усл. о см. 25.

У. о. с. Р. П. М. К. Б. 24.

Пока этотъ автографъ считался утеряннымъ и мы знали о немъ только по неточнымъ сообщеніямъ Анненкова, можно было толковать о томъ, что помѣта „Усл. о см. 25“ содержитъ указаніе на годъ (1825-ый), въ который Пушкинъ услышалъ о смерти Ризничъ. Но теперь, когда мы можемъ прочитать помѣты на ново-найденномъ автографѣ, мы, кажется не должны сомнѣваться, что „Усл. о см. 25“ означаетъ „услышалъ о смерти [Ризничъ] 25 іюля“, а „У. о. с. Р. П. М. К. Б. 24, „услышалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 [іюля] ². Чтобы покончить съ исторіей этого стихотворенія, нужно указать, что Пушкинъ въ рукописи сообщилъ его Туманскому; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 2 марта 1827 года, В. И. Туманскій писалъ Пушкину: „Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестрѣ Собаньской, Виттовой любовницѣ. Въ приданое

¹ Сапожниковъ Д. Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи Пушкина. СПб. 1899, стр. 34—35.

² Они были повѣшены въ С.-Петербургѣ 13 іюля 1826 года.

за ней получилъ Ризничъ въ будущемъ 6000 черв., а въ настоящемъ—Владимірскій крестъ за услуги оказанныя одесскому лицу. Надобно знать, что онъ въ лицѣ никогда ничего не дѣлалъ. Новая м-мъ Ризничъ, вѣроятно, не заслужитъ ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это—малютка съ большимъ ртомъ и съ польскими ухватками“¹. Очевидно, тутъ говорится объ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“, потому что никакихъ другихъ мы не знаемъ. А эта элегія появилась въ печати лишь въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ“. Пушкинъ отослалъ ее Дельвигу только при письмѣ отъ 31 іюля 1827 года.

IV.

Еще разъ остановимся на той строфѣ элегіи, которая рисуешь характеръ увлеченія Пушкина Ризничъ. Въ 1828 году Пушкинъ писалъ о себѣ:

„Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Везъ робкой нѣжности и тайнаго волненья,
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой!“

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характеръ имѣла любовная схватка Пушкина въ 1823 году? Страсть къ Ризничъ оставила глубокой слѣдъ въ сердцѣ Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!“

¹ А. С. Пушкинъ. Изд. Бартенева, вып. 2 М. 1885, стр. 127.

Тяжелое напряженіе любви, нѣжная, томительная тоска, безумство и мученье—вотъ характерные признаки увлеченія Пушкина, его страсти.

Послѣднее—вѣриѣ. Современники рассказывали проф. Зеленецкому, что Ризничъ любила быть окруженной толпой поклонниковъ, что Пушкину приходилось соперничать изъ-за ея любви. Яркое изображеніе своихъ мукъ Пушкинъ оставилъ въ элегіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Многочисленные намеки на дѣйствительность объясняются только при предположеніи, что элегія обращена къ Ризничъ; проф. Зеленецкій въ своей статьѣ доказалъ это вполне убѣдительно ¹.

„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
 Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣдѣ чуждѣ, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводить ли красавица другая

¹ П. О. Морозовъ (Соч. Пушкина. 1903, т. I, стр. 652) отказывается признавать это стихотвореніе относящимся къ Ризничъ на томъ основаніи, что въ немъ говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а г-жа Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ. Какъ разъ это обстоятельство и даетъ лишній мотивъ относить элегію къ Ризничъ, потому что, какъ указываетъ проф. Зеленецкій, первые шесть мѣсяцевъ по отъѣздѣ въ Россію при Ризничъ находилась ея мать. Кстати, это сообщеніе даетъ указаніе и на время страсти Пушкина къ Ризничъ.

Двусмысленный со мною разговоръ,
 Спокойна ты; веселый твой укоръ.
 Меня мёртвить, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставъ меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи: какое право
Имѣть онъ блѣднить и ревновать?...
Въ нескромный часъ, межъ вечера и зѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
 Но я люблю... Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я люблю, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю".

Это стихотвореніе было написано въ 1823 году ¹ и напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, съ многочисленными опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина, въ „Литературныхъ Листкахъ“ (февр. 1824 г. № 4, стр. 134). Здѣсь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имѣющія автобіографическое значеніе и набранныя у насъ курсивомъ. Въ черновой рукописи подробнѣе обрисованъ соперникъ:

„Предательски тобой ободренный
 Соперникъ мой надменный,
 Всегда, всегда преслѣдуетъ меня.
 Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
 Являюсь я—блѣднѣть онъ...
 Иль иногда предупрежденный мной“...

¹ Можно датировать еще точнѣе: стихотвореніе написано не раньше 14 октября 1823 года, такъ какъ черновикъ его написанъ на л. 16 тетради 2319-ой сейчасъ же вслѣдъ за черновикомъ письма къ Вяземскому отъ 14 октября 1823 года.

И въ самомъ стихотвореніи, и въ наброскахъ—яркая картина мукъ ревности, мукъ томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображеніе страсти въ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“ набросаны однѣми и тѣми же красками. Въ нашемъ воображеніи вырисовывается образъ обольстительной женщины, которая приковывала къ себѣ властью своей красоты и чувственнаго влеченія. Она умѣла возбуждать чувства ревности, могла измучить человѣка и хотѣла овладѣть всѣми. Первые мѣсяцы пребыванія Пушкина въ Одессѣ ознаменовались „безумными волненьями“ любви къ Амаліи Ризничъ, и только подъ конецъ его пребыванія новая страсть, не похожая на эту, вытѣснила образъ Ризничъ изъ сердца Пушкина. Но періодъ увлеченія Ризничъ остался памятнымъ. Въ 1826 году Пушкинъ окончилъ въ Михайловскомъ шестую главу „Онѣгина“; въ ней мы находимъ слѣдующія строфы, въ печати выброшенныя. XV-я строфа ясно рисуетъ отношенія Пушкина къ чувству ревности:

„Да, да, вѣдь ревности припадки—
 Болѣзнь, такъ точно, какъ чума,
 Какъ черный сплянь, какъ лихорадки,
 Какъ поврежденіе ума.
 Она горячкой пламенѣетъ,
 Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
 Сны злые, признаки свои.
 Помилуй Богъ, друзья мои!
 Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
 Ея терзаній роковыхъ.
 Повѣрьте мнѣ, кто вынесъ ихъ,
 Тотъ ужъ, конечно, безъ боязни
 Взойдетъ на пламенный костеръ,
 Иль шею склонитъ подъ топоръ“.

Это описаніе ревности говоритъ о томъ, что поэту были хорошо знакомы ея муки. Слѣдующая строфа посвящена памяти

той, которая заставила поэта перенести всё терзанія, всю болѣзнь ревности:

„Я не хочу пустой укорой
 Могилы возмущать покой;
 Тебя ужъ нѣтъ, о, ты, которой
 Я въ буряхъ жизни молодой
 Обязанъ опытомъ ужаснымъ
 И рая мигомъ сладострастнымъ!..
 Какъ учать слабое дитя,
 Ты, душу нѣжную мутя,
 Учила горести глубокой;
 Ты нѣгой волновала кровь,
 Ты воспаляла въ ней любовь
 И пламя ревности жестокой.
 Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
 Почій, мучительная тѣнь.

Эта строфа является какъ бы комментариемъ къ элегїи 1823 года: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что эти строфы вызваны воспоминаніями о Ризничѣ.

V.

Къ Ризничѣ принято относить стихотвореніе „Иностранкѣ“ (Въ альбомѣ):

„На языкѣ, тебѣ невятномъ,
 Стихи прощальныя пишу,
 Но въ заблужденіи прїятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему,
 Его страстей не понимая“.

Подъ этими стихами въ рукописи стоитъ слѣдующая помѣта: „Veux-tu m'aimer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'“. Ризничъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и, по справкѣ проф. Зеленецкаго, выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы первыя числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризничъ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т. е. того времени, когда о Ризничъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризничъ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспособлять къ моменту свои старыя стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризничъ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно¹.

Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ опредѣлился совершенно ясно. Можемъ ли мы относить къ Ризничъ стихотворенія 1830 года: „Заклинаніе“, элегію „Для береговъ отчизны дальней“ и „Разставаніе“? Всѣ эти произведенія закончены Пушкинымъ осенью 1830 года, когда поэтъ сидѣлъ, окруженный карантинами, въ своемъ Болдинѣ, вдали отъ своей невѣсты, Н. Н. Гончаровой. Настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что передъ свадьбой онъ обра-

¹ Соч. Пушкина, ред. Морозова, 1903, т. I, стр. 656—658.

щался мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины. Можно предполагать, по психологическимъ соображеніямъ, что всѣ три стихотворенія обращены къ одному лицу и въ такомъ случаѣ составляютъ превосходную лирическую трилогію. „Заклинаніе“ написано 17 октября; элегія—27 ноября; „Разставаніе“, представляющее по содержанію своему какъ бы эпилогъ къ двумъ первымъ, имѣетъ помѣту 5 октября 1830 ¹. Первая строфа „Разставанія“ рисуеъ отношеніе поэта къ неизвѣстной намъ женщинѣ, вдохновившей его на трилогію:

„Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Держаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать“.

Нечего и говорить о томъ, что тутъ поэтъ говоритъ не о Ризничѣ. Никимъ образомъ не могъ Пушкинъ вспоминать съ нѣгой робкой и унылой опустошительную страсть къ Ризничѣ. „Заклинаніе“ и элегія—изображеніе мистической, загробной любви Пушкина:

„О, если правда, что въ ночи
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,

„О, если правда, что тогда
Пустьбуютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Лейлы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

. . . . .

¹ Автографы „Заклинанія“ и „Разставанія“ въ Пушкинской коллекціи, принесенной въ даръ библиотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой. См. описаніе В. И. Срезневскаго (отд. и въ изд. „Пушкинъ и современники“ вып. IV).

Зову тебя не для того,
 Чтобъ укорять того . . . . .
 . . . . .
 . . . . .но, тоскуя,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что я все твой.

(„Заклинаніе“).

Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой—
 Исчезъ и поцѣлуй свиданья..
 Но жду его: онъ—за тобой!..“

(„Для береговъ отчизны дальней“).

Возвышенный и мистическій оттѣнокъ этой любви Пушкина никакъ не подходитъ къ той совершенно опредѣленной характеристикѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которую мы выше сдѣлали. Кромѣ того, признаніе этихъ стихотвореній за посвященныя Ризничъ прямо противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы получили на основаніи анализа элегіи „Подъ небомъ голубымъ“. Въ послѣдней поэтъ говоритъ о своемъ равнодушіи къ памяти этой женщины, а въ стихахъ 1830 года—о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконецъ, мы уже указывали, что описанія разлуки въ „Заклинаніи“ и элегіи „Для береговъ отчизны дальней“ совершенно не соотвѣтствуютъ моменту разставанія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ Ризничъ и Пушкина. Если вѣрно предположеніе, что замѣтка „Иностранкѣ“ находится въ альбомѣ Ризничъ, то это только подкрѣпляетъ наше мнѣніе. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отрицать мнѣніе объ отношеніи этой поэтической трилогіи 1830 года къ Амаліи Ризничъ ¹.

¹ Нѣкоторое основаніе относить къ Ризничъ элегію „Для береговъ отчизны дальней ты покидала край чужой“ даютъ первыя строки стихотворенія. Известно, что Пушкинъ, отдавая въ печать свои стихи, всегда стремился уничтожить всѣ намеки, которые могли бы помочь добраться до дѣйствительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указаніе Анненкова на то, что рукопись элегіи начинается такъ: „Для береговъ чужбины дальней ты покидала край родной“.

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, мы можемъ притти къ тому выводу, что и стихотвореніе, которымъ начинается наша статья, „Все въ жертву памяти твоей“, написанное въ 1825 году, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Амаліи Ризничъ¹.

Остается еще сказать объ одномъ стихотвореніи, которое связываютъ съ именемъ Ризничъ. Это — извѣстное „Воспоминаніе“ (1828), доставляющее много хлопотъ біографамъ поэта. Поэтъ съ грустью и тоской вспоминаетъ свои „утраченные годы“:

„Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
 На играхъ Вакха и Киприды,
 И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
 Неотразимыя обиды.
 И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
 Встаютъ два призрака младые,
 Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
 Мнѣ ангела во дни былые.
 Но оба съ крыльями и пламеннымъ мечемъ,
 И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
 И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
 О тайнахъ вѣчности и гроба!

Біографамъ поэта хочется во что бы то ни стало разузнать, кто эти двѣ тѣни. Если понимать стихотвореніе, какъ поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тѣнями оказываются лишними. Анненковъ считаетъ весьма правдоподобнымъ, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ

¹ Въ своихъ замѣчаніяхъ объ этомъ стихотвореніи П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. VII, стр. 150) пишетъ: „мое будто бы „падающее“ мнѣніе основано на замѣчаніяхъ Анненкова, *знавшаго* дату 1825 (а не 1826 г.) и, тѣмъ не менѣе, отнесшаго стихи въ трилогіи: „Подъ небомъ голубымъ“, и т. д. Тутъ кроется недоразумѣніе: Анненковъ не высказывался по поводу отрывка „Все въ жертву памяти“. На стр. 347 перваго изданія „Матеріаловъ“, на которую ссылается П. А. Ефремовъ, Анненковъ предположительно относитъ къ трилогіи не этотъ отрывокъ, а другой (XII): „Все кончено“, и т. д. Мы видѣли насколько справедливо мнѣніе Анненкова.

госпожу Ризничъ. Мы знаемъ, чему научила Ризничъ поэта; ее-то онъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ взять въ ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спросить читатель, если не эти тѣни, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогію 1830 года и которая и за гробомъ владѣла мыслями поэта? При современномъ состояніи нашихъ данныхъ о Пушкинѣ, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, это далеко не единственный вопросъ въ исторіи внутренней жизни поэта, который мы не можемъ рѣшить.

Подводя итоги нашимъ разысканіямъ, мы можемъ утверждать, что циклъ Ризничъ въ творествѣ Пушкина обнимаетъ слѣдующіи произведенія поэта: элегію 1823 года („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“); элегію 1825 или 1826 года („Подъ небомъ голубымъ“) и XV—XVI строфы шестой главы „Онегина“, оставшіяся въ рукописяхъ. Всѣ же остальные стихотворенія, связывавшіяся съ именемъ Ризничъ, не могутъ быть относимы къ ней.

С.-Петербургъ.

1903.

Императоръ Николай I и Пушкинъ

въ 1826 году¹.

Нельзя считать изслѣдованнымъ и выясненнымъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ императора Николая I и его ближайшихъ помощниковъ по III отдѣленію къ Пушкину. Обычное представленіе, возвеличивающее монарха и выдающее въ Бенкендорфѣ съ его чиновниками досадное средостѣніе, основывается на предвзятыхъ мнѣніяхъ и не является результатомъ документальнаго изученія исторіи сношеній монарха и поэта. Но изъ всѣхъ учреждений, работавшихъ въ помощь Николаю Павловичу, ни одно не дѣйствовало въ такомъ согласіи и такой настроенности съ вершиной власти, какъ III отдѣленіе. Бенкендорфъ безъ хвастовства и лжи могъ говорить о себѣ, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ монарха. На этомъ основаніи при изученіи вопроса необходимо говорить больше о царѣ, чѣмъ о его помощникахъ, даже въ своей инициативѣ творившихъ волю пославшаго. Прежде всего слѣдуетъ отдѣлать на основаніи фактическихъ данныхъ показную сторону отъ закулисной и выяснитъ истинные, настоящіе взгляды Николая I на поэта. Мы знаемъ рядъ высказываній Николая I о Пушкинѣ; мы встрѣчаемъ рядъ мнѣній и свидѣтельствъ о его взглядахъ на Пушкина. Николай I заботливо старался, чтобы окружающіе его и самъ поэтъ думали, что онъ относится къ поэту и цѣнитъ его именно

¹ Напечатано въ журналѣ „Русская Мысль“ 1910 г., май.

такъ, какъ онъ высказывался. До сихъ поръ и изслѣдователи освѣщали отношенія царя къ поэту какъ разъ съ той точки зрѣнія, провести которую старался Николай I. Но это были не настоящіе его взгляды. Съ особеннымъ вниманіемъ мы должны уяснить, чѣмъ былъ для него Пушкинъ и какъ императоръ на него смотрѣлъ, когда былъ совершенно откровененъ, нараспашку, какъ, наирим., въ разговорахъ со своимъ братомъ Михайломъ Павловичемъ или своими друзьями-слугами: Паскевичемъ, Бенкендорфомъ. Изложеніе отношеній и мнѣній другой стороны—самого поэта, и легче, и сложнѣе. Легче потому, что вообще въ Пушкинѣ не было двойственности, какъ не было ея и въ его отношеніи къ Николаю I, а сложнѣе по слѣдующимъ причинамъ. Хотя отношенія Николая I не были просты, но они легче поддаются изученію, ибо они не имѣли исторіи, ибо взгляды царя оставались такими же при кончинѣ поэта, какъ они сложились къ моменту перваго свиданія. Отношенія же Пушкина, наоборотъ, были просты и искренни, но имѣли свою исторію, очень сложную въ своихъ психологическихъ мотивахъ. Конечно, прежде всего, для этого нужно будетъ выяснитъ всѣ фактическія воздѣйствія власти на поэта въ періодъ 1826—1837 гг., показать ту безконечную сѣрую пелену, которая окутала Пушкина въ 1826 г., развертывалась во все теченіе его жизни и не разсѣялась даже съ его смертыю. Затѣмъ придется изслѣдовать, чѣмъ былъ (и какъ сталъ быть) представитель высшей власти для ума, сердца и души поэта. Скажемъ тутъ же, что „настоящихъ“ взглядовъ царя Пушкинъ не зналъ, какъ онъ не зналъ и вообще Николая Павловича. Но ненормальность отношеній онъ созналъ довольно скоро, не могъ понять, въ чемъ дѣло, мучился темными подозрѣніями. Процессъ развитія его взглядовъ и его отношеній къ царю тѣсно связанъ съ жизнью созданнаго имъ поэтическаго образа государя въ его творествѣ, съ теоретическими представленіями о монархѣ и вла-

сти. Необходимо рассмотреть возникновение и эволюцию этих представлений. Только поставив и разрешив все эти вопросы, мы получимъ разрешение поставленной нами задачи.

Первая встреча императора Николая I съ Пушкинымъ произошла 8 сентября 1826 г. Этому свиданію охотно приписываютъ значеніе рѣшающаго момента въ отношеніяхъ царя къ поэту. Мы увидимъ дальше, что такого значенія оно не имѣло. Въ настоящей статьѣ, на основаніи изданныхъ и отчасти неизданныхъ матеріаловъ, мы намѣрены выяснитъ то представленіе о Пушкинѣ, какое сложилось у императора Николая I ко дню его встрѣчи съ поэтомъ и какимъ оно оставалось до самой кончины послѣдняго. Начало мнѣніямъ императора Николая I о Пушкинѣ, какъ и о большинствѣ лицъ русскаго общества, было положено въ эпоху работъ по разслѣдованію дѣятельности злоумышленныхъ обществъ, прикосновенныхъ къ событіямъ 14 декабря. Извѣстно, что учрежденная по этому поводу комиссія дѣйствовала подъ ближайшимъ и внимательнѣйшимъ руководствомъ самого государя. Съ этой комиссіи мы и должны начать.

I.

Въ то время, какъ слѣдственная комиссія и императоръ Николай I производили безчисленные аресты, чинили дознанія и допросы; въ то время, когда въ Россіи было мало дворянскихъ семей, которыя не имѣли бы среди своихъ близкихъ и родныхъ прикосновенныхъ такъ или иначе къ мятежу; когда панической страхъ за судьбы дорогихъ людей охватывалъ русскіе интеллигентные круги,—Пушкинъ въ своемъ захолуствѣ безпокоился за себя, несомнѣнно, гораздо меньше, чѣмъ его друзья о немъ. Ему не передалась тревожная атмосфера столицъ. Онъ совершенно ясно представлялъ себѣ свое положеніе, былъ убѣжденъ, что правительство удостовѣрится во время разслѣдованія, что „къ заговору онъ

не принадлежить и съ возмутителями 14 декабря связей политических не имѣеть“ (такъ писалъ онъ Жуковскому во второй половинѣ января 1826 г.). Но совершенно увѣреннымъ въ своей безопасности онъ не былъ: „все-таки отъ жандарма я не ушелъ, легко можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ“. Впрочемъ, отъ всего этого дѣла онъ скорѣе ожидалъ для себя поворота къ лучшему, именно полагаясь на удостовѣреніе комиссіи въ его непричастности. „Если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?“ — писалъ онъ уже въ январѣ 1826 г. То въ серьезной, то въ шутиливой формѣ Пушкинъ съ этихъ поръ непрестанно забрасывалъ своихъ друзей вопросами о своей судьбѣ: „Пусть позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Ш.-Б.“ — писалъ онъ Плетневу 3 марта. Но отъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ онъ получалъ одинъ отвѣтъ: сидѣть смиренно, жить въ деревнѣ, постараться заставить забыть о себѣ. Было не до хлопотъ за поэта, когда слѣдственная комиссія и Николай I производили свою расправу. Освѣдомленный Жуковскій сообщалъ Пушкину, очевидно, по словамъ лицъ, близкихъ къ комиссіи (изъ нихъ ближе всѣхъ къ Жуковскому былъ Д. Н. Блудовъ) слѣдующее: „Ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ“. Пушкина не потребовали къ отвѣту въ Петербургъ, и какъ только слѣдственная комиссія закончила свои дѣйствія и составила донесеніе, онъ подалъ Николаю Павловичу прошеніе. 10 іюля онъ писалъ Вяземскому: „Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились—это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя подъ именемъ Бар-

кова. Если бы я былъ потребованъ комиссiей, то я бы конечно оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и, кажется, это не къ добру“.

Посмотримъ же теперь, какими данными для сужденiя о Пушкинѣ располагала слѣдственная комиссiя по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, начавшая свои дѣйствiя сейчасъ же послѣ 14 декабря 1825 г. и окончившая ихъ 30 мая представленiемъ всеподданнѣйшаго донесенiя. Для отвѣта на этотъ вопросъ мы просмотрѣли все огромное производство комиссiи. Правда, записанныя показанiя не исчерпываютъ всего матеріала, полученнаго слѣдствiемъ: многое, конечно, говорилось на допросахъ и не записывалось. Это нужно имѣть въ виду. Кромѣ того, мы не располагаемъ и тѣми списками стиховъ Пушкина, о непрестанномъ находженiи которыхъ у арестованныхъ писалъ Жуковскiй Пушкину. Вещественныя доказательства—письма, рукописи, взятая при обыскахъ,—при дѣлѣ, за ничтожнѣйшими исключенiями, не сохранены. Но распространенность стиховъ Пушкина—фактъ общеизвѣстный (указанiя встрѣтимъ и ниже), и слова Жуковскаго можно принимать въ буквальный значенiи.

Поставивъ задачей выясненiе источниковъ вольномыслия, слѣдственная комиссiя почти всѣмъ привлеченнымъ къ дѣлу задавала одинъ и тотъ же вопросъ: „съ котораго времени и откуда заимствовали вы свободный образъ мыслей, т.-е. отъ сообщества ли, или отъ внушенiй другихъ, или отъ чтенiя книгъ, или сочиненiй въ рукописяхъ и какихъ именно? Кто способствовалъ укорененiю въ васъ сихъ мыслей?“ Очень многiе изъ декабристовъ отвѣчали уклончиво на этотъ вопросъ, ссылаясь на отсутствiе въ нихъ вольномыслия. Нѣкоторые объявляли, что они обязаны образомъ своихъ мыслей своимъ размышленiямъ. Наконецъ, многiе называли рядъ авторовъ и сочиненiй, повинныхъ въ распространенiи мятежнаго духа. Изъ русскихъ авторовъ и русскихъ сочиненiй, названныхъ декабристами, на одно изъ первыхъ мѣстъ нужно поставить Пушкина и его стихи. Приведемъ нѣсколько подобныхъ отвѣтовъ

изъ показаній: ихъ будетъ достаточно для характеристики того представленія, которое могло сложиться у членовъ комиссіи о Пушкинѣ. Петръ Бестужевъ, братъ Александра и Николая, показывалъ: „Мысли свободныя зародились во мнѣ уже по выходѣ изъ корпуса, около 1822 года, отъ чтеній различныхъ рукописей, каковы: „Ода на свободу“, „Деревня“, „Мой Аполлонъ“, разныя „Посланія“ и проч., за которыя пострадалъ знаменитый (въ другихъ родахъ) поэтъ нашъ А. Пушкинъ“¹. Мичманъ В. А. Дивовъ записалъ въ своихъ показаніяхъ: „Свободный образъ мыслей получилъ... частію отъ сочиненій рукописныхъ; оныя были свободныя стихотворенія Пушкина и Рылѣева и прочихъ неизвѣстныхъ мнѣ сочинителей“². А вотъ отвѣтъ одного изъ энергичнѣйшихъ заговорщиковъ, заплатившаго смертью за свой энтузіазмъ, Мих. Пав. Бестужева-Рюмина: „Первыя либеральныя мысли начерпнулъ я въ трагедіяхъ Вольтера, которыя къ моему несчастію слишкомъ рано попались мнѣ въ руки. Послѣ, приготавлиаясь къ экзамену, учрежденному на основаніи указа 1809 года, я тщательно занимался естественнымъ правомъ гражданскимъ, римскимъ и политической экономіей (все сіи предметы требуемые). Таковыя занятія дали мнѣ наклонность къ политикѣ; я сталъ читать извѣстныхъ публицистовъ, изъ коихъ всего болѣе вреда мнѣ надѣлалъ пустословный де-Прадтъ. Между тѣмъ вездѣ слыхалъ стихи Пушкина, съ восторгомъ читанные. Это все болѣе и болѣе укореняло во мнѣ либеральныя мнѣнія“³. Баронъ Штейнгель въ очень рѣзкомъ письмѣ изъ крѣпости къ государю, разсуждая о невозможности бороться съ идеями, писалъ: „Сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ по сему

¹ „Гос. Арх.“, I В., № 366, л. 5 об.

² „Гос. Арх.“, I В., № 365, л. 1.

³ „Гос. Арх.“, I В., № 396, л. 25 об.

преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувстваванія... Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышавшими свободой?¹ Въ этомъ же родѣ и другіе отвѣты. Можно себѣ представить тѣ чувства, которыя возникали у членовъ комиссіи по отношенію къ Пушкину. Не можетъ быть сомнѣнія, что они старались добыть свѣдѣнія о прикосновенности Пушкина къ обществу, но ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ. Имя Пушкина не пошло даже въ извѣстный и послѣднее время часто цитируемый Алфавитъ всѣмъ, имѣвшимъ хотя бы легкое касательство къ дѣлу о тайныхъ обществахъ. Алфавитъ этотъ, заключающій въ себѣ 67 фамилій, былъ составленъ для Николая Павловича и былъ его настольной книгой. Пушкинъ не былъ даже названъ членомъ „Зеленой Лампы“: названные были занесены въ эту книгу. Но все-таки въ дѣлахъ комиссіи сохранились нѣкоторые слѣды, свидѣтельствующіе о томъ, что комиссія не прочь была бы притянуть и Пушкина къ слѣдствію поближе. Два раза имя Пушкина было затронуто серьезно, два раза поэту грозила опасность.

¹ „Обществ. движ. въ первую полов. XIX в.“, т. I, изд. М. В. Пирожкова, стр. 490. Впрочемъ, въ отвѣтѣ на вопросъ о происхожденіи свободнаго образа мыслей Штейнгель, назвавъ „разныя сочиненія (кому неизвѣстныя?) Баркова, Нелединскаго-Мелецкаго, Ясвижскаго(?), кн. Горчакова, Грибоѣдова, Пушкина“, прибавляетъ: „Сія послѣднія вообще читалъ изъ любопытства и рѣшительно могу сказать, что они не произвели надъ мною много дѣйствія, кромѣ минутной забавы: подобныя мелочи игриваго ума мнѣ не по сердцу“. „Гос. Арх.“, I В, № 360, л. 6. Приблизительно такъ же отвѣчалъ Александръ Бестужевъ, стараясь, очевидно, ослабить впечатлѣніе, которое оказалось бы вреднымъ для Пушкина: „Что же касается до рукописныхъ русскихъ сочиненій, они слишкомъ маловажны и ничтожны для произведенія какого-либо впечатлѣнія. Мнѣ не случилось читать изъ нихъ ничего, кромѣ: „О необходимости законовъ“ (покойнаго фонъ-Визина), двухъ писемъ Михаила Орлова къ Бутурлину и нѣкоторыхъ блестокъ А. Пушкина—стихами“. „Гос. Арх.“, I В, № 339, л. 4.

5 апрѣля 1826 года Бестужеву-Рюмину среди множества вопросовъ былъ предложенъ и слѣдующій:

„У комиссіонера 10-го класса Иванова найдены были стихи написанные на доскутахъ и по содержанію своему означающіе неистовое вольномысліе, о коихъ Ивановъ отозвался, что получилъ отъ Громницкаго; сей же объяснилъ, что оныя дали ему въ Лешинскомъ лагерѣ при капитанѣ Тютчевѣ, который (равно Спиридовъ и Лисовскій) читали ихъ и знаютъ, что къ нему точно дошли отъ васъ, причемъ Громницкій дополнилъ, что вы будучи у Спиридова хвалили и прочитывали наизусть сочиненіе Пушкина подъ названіемъ „Бинжалъ“, которое тутъ же написали своею рукою и отдали Спиридову, а онъ, Громницкій, списалъ для себя уже у Спиридова. Справедливость сего свидѣтельствуютъ какъ Спиридовъ и Тютчевъ, такъ и Лисовскій. Капитанъ же Пыхачевъ показываетъ, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всѣмъ членамъ вольнодумскіе стихи Пушкина и Дельвига.

„Поясните чистосердечно:

„1) Когда, гдѣ и отъ кого вы получили стихи, данные Громницкому и чьею рукою оныя написаны? Точно ли оныя были ротмистромъ Паскевичемъ, какъ вы сказывали Тютчеву?

„2) Кому еще изъ членовъ давали какъ сіи, такъ и подобныя онымъ возмутительныя стихотворенія и отъ самихъ ли Пушкина и Дельвига получили оныя, или отъ кого другою?

„3) Сіи сочинители не были ли членами общества и въ какихъ сношеніяхъ находились съ вами, либо съ Сергѣемъ Муравьевымъ?“

Вопросъ былъ поставленъ прямо. Отвѣтъ М. П. Бестужева-Рюмина не далъ никакихъ указаній на причастность Пушкина къ обществу. Для насъ онъ цѣненъ, какъ сообщающій любопытную подробность къ біографіи Пушкина.

„Сіе показаніе Спиридова, Тютчева и Лисовскаго совершенно

справедливо. Пыхачевъ также правду говоритъ, что я часто читалъ наизусть стихи Пушкина (Дельвиговыхъ я никакихъ не знаю). Но Пыхачевъ умалчиваетъ, что большую часть вольнодумческихъ сочиненій Пушкина, Вяземскаго и Дениса Давыдова нашелъ у него еще прежде принятія его въ общество.

„1) Стихи Паскевича получилъ я въ Лещинѣ отъ него самого. Одни писаны рукою Жукова съ поправкою Паскевича, а другіе рукою Рославлева.

„Стихи Паскевича, какъ ихъ получилъ, такъ и отдалъ ихъ Тютчеву или Громницкому—сего уже не помню. Но говорилъ о нихъ Артамону Муравьеву и Пестелю. Списковъ съ нихъ никому не давалъ. *Рукописныхъ экземпляровъ вольнодумческихъ сочиненій Пушкина и прочихъ столько по полкамъ, что это насъ самихъ удивляло.*

„3) Принадлежатъ ли сіи сочинители обществу или нѣтъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Я Дельвига никогда не видалъ. С. Муравьевъ съ нимъ не знакомъ. *Съ Пушкинымъ я нѣсколько разъ встрѣчался въ домъ Алексѣя Николаевича Оленина въ 1819 году, но тогда еще былъ я ребенкомъ*¹. С. Муравьевъ съ тѣхъ поръ, что оставилъ Петербургъ, Пушкина не видалъ“.

Разнорѣчія въ показаніяхъ Пыхачева и Бестужева-Рюмина по вопросу о стихахъ Пушкина повели къ очной ставкѣ, которая была дана имъ въ комиссіи 26 апрѣля. На очной ставкѣ капитанъ Пыхачевъ „утвердилъ свое показаніе, прибавивъ, что кромѣ стиховъ, начинающихся: „у васъ Нева, у насъ Москва“ и пр., другихъ у него не было“. Подпоручикъ же Бестужевъ-Рюминъ „остался при своемъ показаніи“².

Въ другой разъ комиссія сдѣлала попытку привлечь Пушкина

¹ Въ 1826 г. Бестужеву-Рюмину было 24 года, а въ 1819 г. всего 17 лѣтъ.
² Г. А. I В. № 396, л. 124, 145, 150, 152, 157, 158.

поближе къ дѣлу по слѣдующему поводу. Александръ Поджіо, не ограничившись весьма откровенными показаніями передъ комиссіей, далъ къ нимъ новыя и важныя дополненія въ письмѣ на имя члена комиссіи генерала В. В. Левашева отъ 12 марта 1826 года. Тутъ онъ рассказывалъ подробно о своемъ пребываніи въ 1823 году въ Петербургѣ и между прочимъ писалъ: „Передъ выѣздомъ моимъ съѣхались къ Митькову. Между прочимъ былъ здѣсь и Рылѣвъ; я въ немъ видѣлъ человѣка, исполненнаго рѣшимостью. Здѣсь онъ говорилъ о намѣреніи его писать какой-то катихизисъ свободнаго человѣка, знаю, весьма преступный; и о мѣрахъ дѣйствовать на умъ народа какъ-то: сочиненіемъ пѣсенъ, пародіями существующихъ нныхъ па подобіе „Боже спаси царя“ Пушкинымъ пародированной, и пѣсни „Скучно мнѣ на чужой сторонѣ“¹. Съ умысломъ или безъ умысла, но комиссія сообщеніе Поджіо поняла такъ, будто Пушкинъ пародировалъ „Боже спаси царя“ на собраніи членовъ общества въ С.-Петербургѣ въ 1823 году—какъ разъ тогда, когда Пушкинъ жилъ на югѣ Россіи. Въ такомъ смыслѣ комиссія и запросила о справедливости словъ Поджіо Матвѣя Муравьева-Апостола. Но Муравьевъ-Апостоль, давая подробно объясненія, рѣшительно заявилъ: „При семъ совѣщаніи не было Пушкина, который никогда не принадлежалъ обществу“².

Послѣ этого отвѣта другихъ членовъ комиссія уже и не запрашивала о томъ, былъ ли членомъ общества Пушкинъ. По крайней мѣрѣ, указаній на это мы не имѣемъ. Вотъ и все, что мы могли

---

¹ Г. А. I В. 402, л. 41 об. Цитируемъ по подлиннику. Мы уже имѣли случай (въ статьѣ „Катихизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола“ Минувшіе Годы, 1908 г., ноябрь) указать, что въ неисправномъ изданіи г. Довнаръ-Запольскаго „Мемуары декабристовъ“ (Кіевъ, 1906 г., стр. 203) письмо Поджіо напечатано съ существенными искаженіями какъ разъ въ цитированномъ нами отрывкѣ.

² Г. А. I В. 397, л. 98.

извлечь изъ производства комиссіи непосредственно относящагося къ Пушкину.

Итакъ, данныхъ оказалось слишкомъ недостаточно, чтобы можно было предъявить Пушкину обвиненіе въ принадлежности къ тайному обществу, потребовать его и наказать, но зато по этимъ даннымъ члены комитета могли составить совершенно определенное представленіе о поэтѣ, чьи стихи были источникомъ пагубной заразы вольномыслія и принести столько бѣдъ и заговорщикамъ, и государству. Конечно, члены комитета и до 14 декабря слышали и знали о Пушкинѣ, какъ авторѣ вольнодумскихъ одъ и посланій, но только во время слѣдствія они увидѣли всю значительность и фактическую пагубность ихъ дѣйствія, воочію убѣдились, что они сыграли важную роль въ развитіи мятежнаго настроенія декабристовъ. Изъ воспоминаній современниковъ, изъ мемуаровъ самихъ декабристовъ въ настоящее время мы знаемъ *это значеніе* поэзіи Пушкина, но для членовъ комиссіи оно, пожалуй, было и ново, и неожиданно: имъ блеснула въ глаза сила художественнаго и политическаго слова, сила мысли. Вредоносность Пушкина не подлежала сомнѣнію съ государственной точки зрѣнія слѣдователей-генераловъ и ихъ руководителя—царя. Быть можетъ, въ это время они осмыслили всю необходимость борьбы съ силой слова и мысли, въ это время они и поставили завѣтъ борьбы, которому безъ колебаній остались вѣрны на всю свою жизнь. Самый дальновидный изъ нихъ, Николай I не могъ не сознавать, что борьба съ вредоносностью художественнаго слова Пушкина, съ этимъ блестящимъ, обильнымъ источникомъ вольномыслія, не могла укладываться въ рамки расправы слѣдственной комиссіи и требовала иныхъ средствъ. Нужна была увѣренность, что поэтъ не будетъ создавать блесокъ неистоваго вольномыслія, а этой увѣренности какъ разъ и нельзя было достигнуть ссылками, за-

ключеніями и т. п. Иное средство укрощенія строптивыхъ должно было быть примѣненнымъ къ Пушкину.

Все реальное, фактическое значеніе того обстоятельства, что члены комиссіи составили себѣ опредѣленное и прочное представленіе о политической неблагонадежности и зловредности политическаго таланта Пушкина, можно оцѣнить, вспомнивъ, кто были членами комиссіи. Все это люди, которымъ суждена была огромная роль въ правительствѣ Николая I, которые были облечены полнымъ довѣріемъ и имѣли большое вліяніе на него, съ которыми Пушкину въ послѣдующей его жизни случалось приходиться нерѣдко въ соприкосновеніе далеко не дружественнаго характера. И прежде всего надо упомянуть объ А. Х. Бенкендорфѣ. Проявлявшаяся имъ кипучая дѣятельность въ комиссіи выдѣлила его и навсегда сблизила съ Николаемъ I. Никто такъ остро не ощутилъ всего смысла борьбы съ мыслью и словомъ, какъ онъ и Николай I, и никто болѣе его не потрудился на этомъ поприщѣ. Не лишнее отмѣтить, что въ самомъ же началѣ дѣйствій комитета на него былъ возложенъ разборъ бумагъ, взятыхъ во время обысковъ. За Бенкендорфомъ идутъ великій князь Михаилъ Павловичъ, недружелюбіе котораго къ Пушкину можетъ быть засвидѣтельствовано документально; начальникъ главнаго штаба Дибичъ, дежурный генераль (по секретной части) Потаповъ, кн. А. Н. Голицынъ (ему не могли быть безызвѣстны „пушкинскія“ эпиграммы на него), генералы Голенищевъ-Кутузовъ, Левашевъ и Чернышевъ—все представители высшей и вліятельной бюрократіи, задававшіе тонъ и мнѣніямъ и поведенію сановнаго міра ¹. Всѣ они (не исключая и царя) были безпечны по части литературы, и можно сказать, что Пушкинъ-

---

¹ Предсѣдателемъ комиссіи былъ военный министръ Татищевъ. Изъ чиновниковъ комиссіи надо упомянуть объ А. О. Ивановскомъ, который впоследствии по должности своей въ III отдѣленіи объяснялся съ Пушкинымъ.

поэтъ для нихъ не существовалъ, а былъ только вольнодумецъ и политически неблагонадежный человѣкъ. Изъ этихъ-то отношеній, создавшихся въ первой половинѣ 1826 г., и надо исходить при оцѣнкѣ политическаго положенія Пушкина въ царствованіе Николая I.

Дополненіе къ даннымъ, полученнымъ офиціально изъ показаній привлеченныхъ къ дѣлу, и укрѣпленіе создаваемаго о Пушкинѣ представленія приносили доносы. Всегда была обильна допосами русская земля, а въ то время доносительство достигло степеней чрезвычайныхъ ¹. Во все концы Россіи были разсланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собиранія подъ рукою доносовъ и свѣдѣній, не укрываются ли еще гдѣ-нибудь гидра революціи и остатки вольнаго духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесенія о положеніи дѣлъ въ губерніяхъ, университетахъ и т. д. Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ мы очень мало знаемъ; обрывки донесеній встрѣчаются въ дѣлѣ слѣдственной комиссіи, но все собраніе ихъ намъ еще недоступно. Былъ посланъ такой соглядатай и въ прибалтійскій край, въ область управленія эстляндскаго генераль-губернатора Паулуччи. Проѣзжая черезъ Псковъ, этотъ агентъ собралъ свѣдѣнія о Пушкинѣ. Но донесеніе его намъ неизвѣстно ². Анненковъ безъ всякихъ основаній пола-

¹ Любопытные образцы доносовъ приведены у Н. К. Шильдера „Императоръ Николай I, жизнь и царствованіе“. Спб., т. I, стр. 426—430 и въ примѣчаніяхъ, стр. 541—542.

² Анненковъ слышалъ о посылкѣ „особеннаго агента въ началѣ 1826 года, съ порученіемъ объѣхать нѣсколько западныхъ губерній для узнанія мѣстныхъ злоупотребленій и, при проѣздѣ черезъ Псковъ, собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о самомъ поэтѣ, что по связямъ послѣдняго со многими декабристами, было тогда мѣрой, входившей въ общій порядокъ начатаго слѣдствія надъ заговорщиками“. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“. Спб. 1874 г., стр. 320.

гаетъ, что содержаніе его было благопріятно для Пушкина ¹. Мы же думаемъ, что донесеніе вѣроятно же всего не расходилось съ тѣми данными, которыя были получены слѣдственной комиссией.

А что Пушкинъ въ глазахъ высшихъ представителей власти былъ дѣйствительно опаснымъ человѣкомъ, объ этомъ свидѣтельствуесть дознаніе о связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ, произведенное внѣ слѣдственной комиссіи, но, очевидно, находящееся въ (неясной еще для насъ) связи съ ходомъ слѣдствія. Дознаніе это приходится какъ разъ на то время, когда комиссія занималась разслѣдованіемъ по сообщенію Поджіо и Пыхачева. Отмѣтимъ также и то, что всѣ лица, принимавшія участіе въ этомъ дознаніи, состояли членами слѣдственной комиссіи. Первый документъ, который мы имѣемъ, относится къ 4 апрѣля. Это—составленная, очевидно, на основаніи перлюстрированныхъ писемъ, записка дежурнаго генерала Потапова, сообщающая о проектѣ изданія „Цыганъ“ и о томъ, что по сему предмету комиссіонеромъ является Плетневъ. Эта записка была препровождена начальникомъ главнаго штаба Дибичемъ петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, который долженъ былъ дать объясненія по этой запискѣ. 16 апрѣля послѣдній отправилъ объяснительную записку, изложивъ въ ней исторію составленія рукописи „Цыганъ“ и характеристику Плетнева. „Плетневъ—поведенія весьма хорошаго, характера тихаго и даже робкаго... особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ, а знакомъ съ нимъ, какъ литераторъ. Входя въ бѣдное положеніе Пушкина, онъ по просьбѣ его отдаетъ по комиссіи на продажу напечатанныя его сочиненія, и вырученныя деньги или купленныя на нихъ книги и вещи пересылаетъ къ нему“.

---

¹ Намъ не удалось разыскать этого донесенія; скорѣе всего оно находится или въ собственной Е. В. библиотекѣ, или въ секретномъ отдѣлѣ архива главнаго штаба.

Совершенно ясно было, что въ отношеніяхъ Плетнева и Пушкина нѣтъ и намека на какую-либо злокозненность, но все дѣло было доложено императору, и онъ повелѣлъ Голенищеву-Кутузову „усугубить возможное стараніе узнать достовѣрно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и беретъ на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и приказать имѣть за Плетневымъ ближайшій надзоръ“. Объ этой Высочайшей волѣ Дибичъ сообщилъ Голенищеву-Кутузову 23 апрѣля. А 29 мая послѣдній доносилъ объ исполненіи повелѣнія и о результатахъ сугубаго надзора. „Плетневъ дѣйствительно не имѣетъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ, а только по просьбѣ г. Жуковского смотрѣлъ за печатаніемъ сочиненій Пушкина и вырученныя за продажу оныхъ деньги пересылалъ къ нему, но и сего онъ нынѣ не дѣлаетъ и совершенно прекратилъ всякую съ нимъ переписку“¹. Такъ вотъ какой неблагонадежный и опасный человекъ былъ Пушкинъ, если даже богобоязненный и скромнѣйшій Плетневъ попалъ изъ-за невинныхъ сношеній съ нимъ подъ секретный надзоръ.

¹ Документы о связяхъ Плетнева и Пушкина напечатаны въ Русской Старинѣ (1899 г., т. ХCVIII, май, стр. 509—510) и въ книгѣ Я. Грота „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ (Изд. 2-е, Спб., 1899 г., стр. 255—256). Довнаніе было вчинено на основаніи перлюстраціи писемъ. Вообще трудно допустить, чтобы письма Пушкина въ это тревожное время не просматривались, но явное доказательство мы находимъ въ самой же „Запискѣ“ Голенищева-Кутузова, который пишетъ: „относительно трагедіи Борисъ Годуновъ извѣстно, что Пушкинъ писалъ къ Жуковскому, что она не прежде имъ выдана будетъ въ свѣтъ, какъ по снятіи съ него запрещенія выѣзжать въ столицу“. Письма Пушкина къ Жуковскому съ подобной фразой мы не имѣемъ въ „Перепискѣ“ Пушкина. (Въ письмѣ къ Плетневу отъ 3 марта есть подходящее сообщеніе). Очевидно, свѣдѣнія Голенищева-Кутузова идутъ изъ перлюстраціи. До насъ не дошло извѣстій, какъ подѣйствовала вся эта исторія на Плетнева, конечно, освѣдомленнаго о ней; но въ „Перепискѣ“ за 1826 годъ письма Плетнева обрываются на письмѣ отъ 14 апрѣля. Впрочемъ, м. б., они случайно лишь не дошли до насъ.

Теперь понятно, почему друзья Пушкина совѣтовали ему тихо жить въ деревнѣ и не возбуждать никакихъ просьбъ. Слишкомъ несвоевременной оказалась бы попытка просить объ освобожденіи отъ наказанія въ тотъ моментъ, когда Пушкинъ на волосокъ висѣлъ отъ новыхъ каръ и новаго усугубленія своей участи. Отголоскомъ сужденій о Пушкинѣ въ высокихъ петербургскихъ сферахъ служить письмо Жуковского отъ 12 апрѣля. „Что могу тебѣ сказать на счетъ твоего желанія покинуть деревню? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя остаться покойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ дружить съ правительствомъ. Ты знаешь какъ я люблю твою музу и какъ дорожу твоею *благотриобрѣтенною* славою: ибо умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честью и драгоценностью Россіи. Но я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то-есть все зрѣющее поколѣніе), при плохомъ воспитаніи, которое не даетъ имъ никакой поддержки для жизни, познакомились съ твоими буйными, одѣтыми прелестію поэзіи мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый—это должно заставить тебя трепетать. Талантъ ничто. Главное: величіе нравственное... Не просись въ Петербургъ. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворять дверь свободы“...

Для насъ ясно, что такое письмо могло бы быть написано только на основаніи бесѣдъ съ кѣмъ-либо изъ членовъ комиссіи: до того вѣрно оно передаетъ тѣ ихъ впечатлѣнія и настроенія, о которыхъ мы писали раньше. Конечно, Жуковский могъ знать, что

дѣлалось въ комиссіи относительно Пушкина, хотя бы отъ своего друга Д. Н. Блудова, который въ это время уже работалъ на основаніи всѣхъ слѣдственныхъ матеріаловъ надъ составленіемъ донесенія. Значительная фраза „Пушкинъ уже многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый“ не принадлежитъ Жуковскому, который не располагалъ матеріалами для подобнаго сужденія. Она сказана тѣмъ, кто слышалъ или читалъ многочисленныя признанія о губительномъ дѣйстви вольнодумной поэзіи Пушкина. Можно даже предположить, что это письмо—отголосокъ разговоровъ Жуковского съ самимъ Николаемъ Павловичемъ. Тутъ намѣченъ и тотъ мотивъ, который выставляли друзья, хлопотавшіе объ освобожденіи: „Пушкинъ—великій поэтъ, честь и драгоцѣнность Россіи“. Лично для Николая I этотъ мотивъ, конечно, не имѣлъ душевной убѣдительности: и Рылѣевъ былъ поэтъ ¹. Поэзія, литература, искусство не имѣли въ его глазахъ никакой абсолютной цѣнности: даже изъ стыдливаго изложенія Н. К. Шильдера мы видимъ, насколько Николай Павловичъ по условіямъ воспитанія и образованія не могъ воспринимать красоту поэзіи и искусства. Но такіе люди, какъ Карамзинъ и Жуковскій, говорили объ абсолютной цѣнности творчества, о необходимости охраненія его; указывали, наконецъ, что художественная дѣятельность Пушкина—честь и великое сокровище Россіи. Изъ нихъ убѣжденій Николай Павловичъ могъ вывести хоть то заключеніе, что поэзія и поэты—одно изъ принятыхъ при дворахъ королей и монарховъ украшеній. А по части украшеній своего царствованія онъ былъ очень заботливъ. Но если желаніе сохранить блестящее украшеніе своего царствованія и могло быть сильно въ

¹ Совершенно ложно извѣстіе А. О. Смирновой о томъ, будто бы Николай I не зналъ, что Рылѣевъ—поэтъ, и сказалъ Жуковскому: „я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ“. Документы слѣдственной комиссіи не допускаютъ даже мысли о подобной неосвѣдомленности Николая Павловича.

Николаѣ Павловичѣ, то все-таки первой задачей было устраненіе, уничтоженіе навсегда источника дерзкаго вольномыслія. Мы уже указывали на то, что борьба съ вредоносностью идей требовала особыхъ путей. Положеніе дѣль подсказывало выводъ: Пушкина нужно было поставить въ такое положеніе, чтобы онъ самъ искренно отказался писать противъ правительства.

Друзья Пушкина взяли на себя заботу подготовить къ этому поэту. Уже въ письмѣ Жуковского намѣчался этотъ путь освобожденія, а Вяземскій 12 іюня давалъ изъ Петербурга слѣдующій совѣтъ: „на твоёмъ мѣстѣ я написалъ бы письмо къ государю искреннее, убѣдительное: сознался бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однако же, что поступки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣль и невредимъ въ общую бурю; обѣщаль бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятія, которыя могутъ быть признаваемы (а пуще всего сдержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петербургъ, Москву или чужіе края“. Этотъ совѣтъ не принадлежалъ единолично Вяземскому: онъ былъ коллективнымъ мнѣніемъ друзей, хлопотавшихъ за Пушкина. Еще до полученія этого письма Вяземскаго Пушкинъ отправилъ прошеніе государю, написанное въ духѣ совѣтовъ друзей. „Съ надеждой на великодушіе В. И. В.,—писалъ Пушкинъ,—съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязатъя подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ В. И. В. со всеподданнѣйшей моей просьбой... Осмѣливаюсь просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края“. Ходъ этому прошенію, отправленному псковскому гражданскому губернатору, былъ данъ эстляндскимъ генераль-губернаторомъ маркизомъ Пауллуччи. 30 іюля Пауллуччи препроводилъ

прошеніе Пушкина графу Нессельроде, „побуждаясь въ уваженіи приносимаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить общепринятому порядку“.

Такъ обстояли дѣла Пушкина у Николая Павловича и высшаго правительства въ первую половину 1826 года. Настроеніе царя и вліятельныхъ сановниковъ было рѣзко враждебно по отношенію къ Пушкину...

II.

Съ самаго начала дѣйствій слѣдственной комиссіи Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на негодность высшей и тайной полиціи и поставилъ своей задачей реорганизацію ея. Существенныя услуги оказалъ ему А. Х. Бенкендорфъ. Уже въ январѣ 1826 года онъ подавъ Николаю первый проектъ министерства полиціи, за нимъ послѣдовали дополнительныя и разъяснительныя записки. „Императоръ Николай,—пишетъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ,—стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обогрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончателно стекался бы въ одно средоточіе; государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными. Число послѣднихъ возросло до ужащающей степени съ тѣхъ поръ, какъ множество французскихъ искаателей приключеній, овладѣвъ у насъ воспитаніемъ юношества, занесли въ Россію революціонныя начала своего отечества, и еще болѣе со времени послѣдней войны, черезъ сближеніе нашихъ молодыхъ офицеровъ съ либералами тѣхъ странъ Европы, куда завозили насъ наши побѣды... Рѣшено было учредить подъ моимъ на-

чалъствомъ корпусъ жандармовъ. Всю имперію раздѣлили въ семь отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу, и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру. Учрежденное въ то же время третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи представляло подѣ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей секретной полиціи, которая, въ лицѣ тайныхъ агентовъ, должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ“¹.

25 іюня 1826 года Бенкендорфъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и командующимъ императорской главной квартирой; 3 іюля взамѣнъ особой канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ было образовано третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, а Бенкендорфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что фактически готовится къ этой службѣ Бенкендорфъ началъ гораздо раньше только что названныхъ официальныхъ событій. Въдѣ помимо общей задачи вытравить малѣйшіе остатки духа 14 декабря 1826 года была и очень важная частная. Предстояла коронація въ Москвѣ, а перепуганному Николаю Павловичу и его высшему правительству все казалось, что злоумышленники могутъ устроить какія-либо непріятности—отъ манифестацій до покушеній. Нужно было принять мѣры къ тому, чтобы торжественное событіе прошло совершенно гладко, чтобы ни одинъ дерзкій возгласъ, ни одинъ пущенный темный слухъ не омрачилъ спокойствіе этихъ мѣсяцевъ. Организацией секретнаго надзора на этотъ случай и занялся Бенкендорфъ еще въ то время, когда онъ не носилъ никакого соотвѣтствующаго официального званія. Надлежало намѣтить людей, выбрать помощниковъ, создать штаты агентовъ. Тутъ подвернулся ему генераль-майоръ И. Н. Скобелевъ,

---

¹ Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай I, жизнь и царствованіе. Т. I. Спб., 1903 г. Ст 465, 466.

съ 1818 года занимавшій мѣсто генераль-полицеймейстера 1-й арміи (а въ 1824 г. назначенный къ генераль-губернатору Балашову, генераль-губернатору пяти губерній) и специализовавшійся на политическихъ доносахъ. Это былъ истый доносчикъ со всѣми яркими и пахучими чертами этого типа. Его невѣжество и до сихъ поръ бьетъ въ носъ; его бумаги, безграмотныя до забавности, писанныя елейнымъ стилемъ, можно бы и теперь приводить какъ примѣры на доносы; свое предательство и невѣжество онъ старался освѣтить свѣтомъ любви къ отечеству и преданности престолу, тогда какъ въ сущности, какъ это обычно въ такихъ случаяхъ, въ немъ лишь проявлялось узкоуміе и копеечное корыстолюбіе. Отъ доносовъ на мелкихъ обывателей, писателей, офицеровъ онъ перешелъ къ доносамъ на лицъ чиновныхъ и сановныхъ, на первѣйшихъ вельможъ вродѣ Голицына, Закревскаго, Мордвинова, и кончилъ тѣмъ, что написалъ доносъ на своего ближайшаго и непосредственнаго начальника—бывшаго министра полиціи генераль-адъютанта Балашова. Эту одержимость можно было бы счесть прямо болѣзненнымъ явленіемъ, если бы, впрочемъ, по мѣрѣ достиженія мѣсть и чиновъ не утихала энергія доносительства и шпионства: извѣстно, что И. Н. Скобелевъ скончался въ чинѣ полнаго генерала на должности коменданта петербургской крѣпости, „окруженный всеобщимъ почтеніемъ и обласканный благоволеніемъ императора“¹.

Самъ ли Скобелевъ предложилъ Бенкендорфу свои услуги, или же Бенкендорфъ, наслышавшись, призвалъ его къ службѣ, но только сохранилась слѣдующая записка отъ 11 апрѣля 1826 года (на французскомъ языкѣ): „Генераль Скобелевъ былъ у меня; кажется,

¹ Объ И. Н. Скобелевѣ есть работа И. А. Кубасова (Ив. Никол. Скобелевъ. Опытъ характеристики. Спб., 1900 г. и въ Русской Старинѣ). Къ сожалѣнію, авторъ характеристики совершенно не останавливается какъ разъ на самой характерной особенности этого доносчика, сохранявшаго столь патріархальный видъ.

что онъ какъ нельзя лучше понимаетъ свойства и важность порученій, на него возложенныхъ. Онъ рекомендовалъ мнѣ Фрейганга и еще 7 другихъ изъ его чиновниковъ; я буду имѣть о нихъ попечение и къ маю мѣсяцу пошлю ихъ въ Москву“. А самъ Скобелевъ, крайне желая попасть на службу, въ патріархальныхъ выраженіяхъ писалъ Бенкендорфу: „Повергая въ начальниче вашего превосходительства покровительство кол. сов. Фрейганга и всѣхъ добрыхъ сотрудниковъ моихъ, коимъ, по похвальной цѣли и поведенію рвенія, усердія и любви къ престолу преисполненнымъ, не могу дать другого имени. Желаю всѣмъ сердцемъ, чтобы полиція, какъ спасательная система монархіи и полезнѣйшій бальзамъ къ излѣченію недуговъ ея, воспріяла благія начала въ особѣ вашей. Желаю вмѣстѣ, чтобы чины, въ составъ полиціи поступить имѣющіе, даромъ души и сердца отвѣчали достоинствамъ сей службы въ равномѣрной цѣнѣ, какую дозналъ я на самомъ опытѣ въ представляемыхъ при семь. Желаю, наконецъ, чтобы при дѣйствіяхъ ко благу общей возникающей полиціи, добрые, не опасаясь подлой клеветы, спали въ объятіяхъ покоя, а бездѣльники, соскуча трепетать, обращались на путь чести. Достигнувъ сей точки славы, душевная благодарность вѣрныхъ сыновъ Россіи будетъ неразлучнымъ спутникомъ вашимъ и за предѣлы жизни; а до того, слѣдуя уваженія достойному примѣру, въ вашемъ превосходительствѣ вчера мною замѣченному, я, до окончанія коронаціи, буду полицейскимъ въ полномъ смыслѣ слова, и, признаюсь, что вмѣстѣ съ вами вижу въ томъ крайность, обязывающую меня покорнѣйше просить объ отправленіи сихъ чиновниковъ въ Москву къ 10 числу будущаго мѣсяца, дабы къ прибытію вашему успѣлъ я, по мѣрѣ возможности, ввести порядокъ, къ предупрежденію зла служить могущій, и познакомить васъ со всѣмъ тѣмъ, что къ свѣдѣнію вашему будетъ необходимымъ“¹. Читая эти высокопарныя фразы, только уди-

¹ Русская Старина, 1886 г., т. LII стр. 584.

вляешься, зная, для чего тратилась вся эта напыщенность и торжественность.

А 7 апрѣля Скобелевъ вновь докладывалъ Бенкендорфу: „если справедливо, что неблагонамѣренные люди (какъ извѣщенъ я), при неудачахъ произвести какой-либо комеражъ въ столицахъ, обратились къ поселянамъ и партизанютъ, то все чаянїя мои и опасенїя оправдываются, а увѣряющіе въ совершенномъ спокойствїи должны бы краснѣть (разумѣя подъ симъ неопытность“) ¹.

Итакъ, Скобелевъ и его добрые сотрудники прибыли въ Москву и начали дѣйствовать прогнвъ злоумышленниковъ и коварныхъ предпрїятїй въ Первопрестольной, приготавливая ее къ коронаціи. Нечего говорить, что о какихъ-либо „комеражахъ“ въ Москвѣ не было и помину, а злонамѣренные люди были тише воды, ниже травы. Но какъ бы тамъ ни было, Скобелевъ, рисовавшїй столь страшныя картины возможныхъ потрясенїй, долженъ былъ проявлять свою дѣятельность, ибо вѣчная цѣль шпиона и агента—не дать поселиться въ лицахъ, власть имѣющихъ, увѣренности въ совершенномъ спокойствїи. Съ этой цѣлью, за отсутствїемъ проявленїй злоумышленной дѣятельности, дѣла создаются искусственно. Такъ поступилъ и Скобелевъ, создавъ громкое дѣло о распространенїи стиховъ Пушкина изъ элегіи „Андрей Шенье“ и предсмертнаго письма Рылѣева,—дѣло, которое разыгрывалось довольно сильно на протяженїи двухъ лѣтъ. Быть можетъ, Скобелевъ ухватился съ особеннымъ старанїемъ за это дѣло, потому что тутъ былъ замѣшанъ Пушкинъ, который уже не первый разъ являлся предметомъ его злобнаго доноительства. Еще въ 1824 году, когда успѣхи генерала по службѣ сильно пошатнулись и онъ поневолѣ долженъ былъ привыкать „къ имени чловѣка, черезъ праздность ничтожнаго“, онъ задумалъ поправить свои дѣла доносомъ на Пушкина,

¹ Тамъ же, стр. 584.

въ это время жившаго въ Одессѣ. Докладывая о стихахъ, приписанныхъ Пушкину („Мысль о свободѣ“), Скобелевъ 17 января 1824 года рапортовалъ: „не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядныя свои дарованія употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазны ли они для людей, къ воспитанію коихъ приобщено спасительное попеченіе?... Если бы сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ ключевъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда—неумѣстною къ негодыямъ нѣжностью! Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить дѣтей равномѣрно развратныхъ, слѣдовательно, большой еще перевѣсъ на сторонѣ благочестія,—надобно только зло умерщвлять въ началѣ рожденія его“¹.

Можно себѣ представить, какъ воспрянулъ духомъ Скобелевъ, когда его соглядатаи донесли ему, что въ Москвѣ по рукамъ ходитъ новый пасквиль вертопраха, да еще озаглавленный „на 14 декабря“. Одинъ изъ его „добрыхъ сотрудниковъ“ помѣщикъ Коноплевъ (онъ же чиновникъ 14 класса) узналъ, что преступныя стихи имѣются у его пріятеля Леопольдова. Леопольдовъ въ этомъ году только что завершилъ свое университетское образованіе. Это былъ очень бойкій молодой человѣкъ. Еще будучи студентомъ, онъ уже былъ опредѣленъ надзирателемъ въ университетскій благородный пансіонъ. Начальство къ нему благоволило, профессора оказывали ему вниманіе или, какъ онъ выражался, „мои наставники-старцы въявь при сверстникахъ указывали мнѣ дорогу“. Смышленный и способный Леопольдовъ занимался и литературой,

¹ Русск. Стар., 1871 г., т. IV, стр. 670—672.

печатающа кое-что въ московскихъ журналахъ. Преподавая въ частныхъ домахъ, онъ завязалъ связи съ хорошими московскими семьями. Вообще онъ былъ типичнымъ представителемъ мелкаго разночиннаго и интеллигентнаго круга. За слоемъ извѣстныхъ писателей, тоже людей богатыхъ или родовитыхъ, за немногочисленнымъ кругомъ европейски образованныхъ сановниковъ стояла толпа, читавшая писателей, критиковавшая правительство и порядки, усваивавшая и по-своему передѣлывавшая оппозиціонное настроеніе верхнихъ слоевъ. Это были мелкіе дворяне; разночинцы, выходящіе въ люди; офицерская молодежь средней руки, по большей части спеціальныхъ родовъ оружія; мелкіе чиновники, канцеляристы. Оппозиціонная мысль все время тлѣла въ жалкихъ для насъ распространителяхъ пасквильныхъ стиховъ; въ кружкахъ, изъ которыхъ „добрые сотрудники“ устраивали тайныя злоумышленныя общества (дѣло Ипполита Завалишина въ Оренбургѣ); въ группахъ студенческой молодежи, устраивавшихъ университетскія исторіи и задумывавшихся надъ общественнымъ устройствомъ.

Въ такихъ-то кругахъ въ Москвѣ въ 1826 году бурлила жизнь. Какъ разъ въ это время молодой студентъ университета Иолежаевъ пускалъ въ свѣтъ своего „Сашку“ и другіе плоды своей музы, которые были тоже своеобразнымъ бунтомъ противъ общепринятой морали и устоевъ. Въ этой средѣ распространились запретныя строфы стихотворенія Пушкина „Андрей Шенье въ темницѣ“. Оно написано Пушкинымъ въ январѣ 1825 года и напечатано впервые въ собраніи стихотвореній, которое появилось въ первой половинѣ января слѣдующаго года. Цензурное же разрѣшеніе дано 8 октября 1825 года. Въ маѣ этого года Пушкинъ въ письмѣ спрашивалъ Вяземскаго: „читалъ ты моего „А. Шенье въ темницѣ“? Суди о немъ, какъ іезуитъ, по намѣренію“. Эта элегія имѣетъ важнѣйшее значеніе въ развитіи творчества и міросозер-

чанія Пушкина, но въ настоящее время въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе „намѣреній“ поэта, ибо его скрытыя намѣренія были не при чемъ въ возникновеніи интереса къ этому стихотворенію. Цензура не пропустила цѣликомъ элегіи, но непропущенныя строфы распространились, получили широкую извѣстность, а послѣ событій 14 декабря были приурочены къ этому возстанію. Въ той предсмертной пѣснѣ, которую Пушкинъ вложилъ въ уста Шенье въ темницѣ, были стихи, фразы и слова, которые подходили къ современному положенію:

„Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ...
...самовластію безтрепетный отвѣтъ“.

Все это было отнесено къ возставшимъ на Сенатской площади. А изображеніе состоянія общества послѣ гибельно окончившейся попытки, погасившей мечты о царствѣ свободы, русскіе читатели того времени усматривали въ стихахъ:

И мы воскрикнули: „Блаженство!...
О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ“!..

Послѣ 13 іюля 1826 года, дня казни пяти декабристовъ, неслыханно дерзкимъ казалось это названіе въ приложеніи къ Николаю I и его главнымъ помощникамъ. Понятно ихъ негодованіе, когда эти строфы съ заголовкомъ на 14 декабря попались въ ихъ руки. А Пушкинъ убійцей и палачами называлъ всего-на-всего Робеспьера и Конвентъ. Такъ противъ смысла стихотворенія, вопреки какому-либо желанію автора, произошло приуроченіе ихъ къ 14 декабря русскимъ читателемъ; но въ этомъ нѣтъ ничего диковиннаго, если русскіе вольнодумцы въ концѣ первой четверти

XIX вѣка вычитывали намеки на современность въ „шутно-трагедіи“ И. А. Крылова „Трумфъ“, которая, какъ извѣстно, написана была въ 1800 г.

Исторія распространенія списка со стихами Пушкина, какъ она выясняется изъ слѣдственныхъ документовъ, относитъ начало этого распространенія къ штабсъ-капитану лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка Александру Ильичу Алексѣеву. Откуда же получилъ онъ запретный отрывокъ, остается невыясненнымъ. На слѣдствіи Алексѣевъ показалъ, что онъ получилъ эти стихи въ октябрѣ или ноябрѣ 1825 года въ Москвѣ, но отъ кого не помнить. Правительство употребило мѣры, чтобы заставить его сказать, кто ему далъ стихи. Убѣждалъ его сознаться и Дибичъ и Потаповъ; изъ тюрьмы привозили его домой къ больному отцу. Отецъ грозилъ ему проклятіемъ, если онъ не откроетъ, отъ кого получилъ рукописи. Запирательство ухудшило его положеніе, но другого показанія онъ не далъ: „какъ ни былъ онъ тронуть, какъ ни плакалъ, а все утверждалъ, что не помнить“. Этотъ Алексѣевъ по тому, какъ онъ держался на слѣдствіи, производитъ пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ сынъ извѣстнаго генерала Ильи Ивановича Алексѣева и Натальи Филипповны, урожд. Вигель и, слѣдовательно, приходился племянникомъ извѣстному Ф. Ф. Вигелю, автору „Записокъ“. Его дядя оставилъ въ „Запискахъ“ его характеристику. А. И. Алексѣевъ учился въ пажескомъ корпусѣ и былъ выпущенъ въ военную службу въ 1819 году, 19 лѣтъ отъ роду. Благодаря высокому положенію отца и его связямъ, благодаря собственной ловкости и умѣнію расположить къ себѣ начальство, онъ легко дѣлалъ свою карьеру. Въ 1826 году—26 лѣтъ отъ роду—онъ былъ

¹ См. наше сообщеніе „Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828“. Спб., 1909 г. (и въ XI выпускѣ изданія „Пушкинъ и его современники“). Тамъ изложены данныя слѣдствія. Оно перепечатано ниже.

штабсъ-капитаномъ лейбъ-гв. конно-егерскаго полка, стоявшаго въ Новгородѣ, но онъ мало жилъ въ полку, часто бывалъ въ Петербургѣ и у своихъ домашнихъ въ Москвѣ. Обладая счастливою наружностью, онъ пользовался успѣхомъ у женщинъ и былъ желаннымъ танцоромъ на московскихъ балахъ. Ф. Ф. Вигель вспоминаетъ о томъ, какъ онъ отличался на балу у Алексѣя Михайловича Пушкина ¹, родственника поэта. Въ февралѣ 1826 года А. И. Алексѣевъ находился въ Новгородѣ. Къ нему зашелъ прапорщикъ конно-піонернаго эскадрона Молчановъ, приходившій съ ремонтомъ въ Петербургъ ². Зашелъ разговоръ о стихахъ Пушкина, и Алексѣевъ сообщилъ, что у него есть послѣднее его сочиненіе, и показалъ ему запрещенныя строфы изъ элегіи „А. Шенье“. Молчановъ выпросилъ у него этотъ списокъ для того, чтобы переписать стихи для себя. Съ тѣхъ поръ Алексѣевъ уже не видалъ этого собственноручно имъ сдѣланнаго списка. Молчановъ не вернулъ его, а увезъ съ собою. Въ Москвѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ увидалъ у него стихи „русскій учитель“ Леопольдовъ и попросилъ тоже списать. Выпустивъ изъ своихъ рукъ списокъ Алексѣева, Молчановъ не получилъ его обратно. Неясно, съ какимъ умысломъ доставалъ эти стихи Леопольдовъ. На слѣдствіи онъ (можетъ быть, желая оправ-

---

¹ Въ этомъ домѣ А. И. Алексѣевъ могъ много слышать о Пушкинѣ; кромѣ того, былъ и еще источникъ, черезъ который могли доходить рассказы о Пушкинѣ. Въ это время командиромъ эскадрона лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, стоявшаго въ Новгородѣ, былъ Павелъ Ивановичъ Павличевъ (Л. Павличевъ: „Воспоминанія о Пушкинѣ“. М., 1890 г., стр. 45—46). Его братъ Ник. Ив. впоследствии женился на сестрѣ Пушкина. О немъ писала Анна Ник. Вульфъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 20 апрѣля 1826 года изъ Малинниковъ: „Il nous est arrive encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien; il m'a dit qu'il vous connaissait“. Любопытно отмѣтить, что Пав. Ив. Павличевъ былъ однимъ изъ судей (ассесоровъ) въ той комиссіи, которая судила Алексѣева, посылая допросы Пушкину и т. д.

² Едва ли не братъ Молчанова, привлекавшася по дѣлу о возстаніи Черниовскаго полка.

даться) показывалъ, что если онъ и не представилъ ихъ свое- временно по начальству, то только потому, что высшее начальство въ это время по случаю предстоящей коронаціи переѣжало изъ Петербурга въ Москву и было не легко находимо, а кромѣ того, онъ хотѣлъ поточнѣе разузнать, кто распускалъ подобные стихи. Но Леопольдовъ зналъ, чѣмъ занимался его знакомецъ, калужскій помѣщикъ XIV класса, Коноплевъ, которому онъ передалъ стихи: „передача же,—показывалъ онъ на судѣ,—или временное оставленіе мое оныхъ стиховъ у одного знаконца, черезъ котораго обнаружились оные предъ правительствомъ, извѣстна высокому начальству, которое положило начало сему дѣлу“. Какъ бы тамъ ни было, но Леопольдовъ аккуратненько переписалъ стихи на листъ бумаги и тутъ же на листѣ прибавилъ къ нимъ копію предсмертнаго письма Рылѣева, которое получило широкую извѣстность въ то время. И до сихъ поръ попадаетъ еще немало современныхъ списковъ письма. Въ Москву это письмо пришло очень скоро послѣ смерти Рылѣева вмѣстѣ съ прибывшими изъ Петербурга чинами, писцами и т. д. Переписанное имъ онъ вручилъ Коноплеву. По всей вѣроятности, Леопольдовъ въ это время не думалъ, что придется выдавать лицъ, сообщившихъ ему эти стихи, а просто желалъ и самъ выиграть что-либо своимъ сообщеніемъ, и дать выслужиться своему знакомцу Коноплеву. Коноплевъ же полагалъ, что въ силу своей службы по секретнымъ порученіямъ при генералѣ Скобелевѣ онъ останется не названнымъ во всей этой исторіи и въ сторонѣ отъ всякихъ слѣдствій. По крайней мѣрѣ, представляя Скобелеву стихи Пушкина, онъ и не считалъ нужнымъ рассказывать, отъ кого онъ ихъ получилъ, да и генералъ Скобелевъ тоже не интересовался. Для него было важно лишь одно обстоятельство, что стихи эти принадлежатъ перу Пушкина; Скобелевъ полагалъ, что отвѣтчикомъ за эти стихи явится одинъ Пушкинъ. Такимъ образомъ, снова Пушкинъ былъ близокъ бѣдѣ.

III.

13 іюля были повѣшены декабристы, 14 іюля совершенно очистительный молебенъ, а затѣмъ царь, дворъ, министры выѣхали въ Москву. 20 іюля Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву, 24 состоялся торжественный въѣздъ, а затѣмъ до 22 августа—дня коронаціи—царь предавался главнымъ образомъ смотрамъ, маневрамъ, не переставая заниматься и государственными дѣлами, среди нихъ тѣми, которыя задерживались до окончанія слѣдствія и суда надъ декабристами.

Въ началѣ августа (до маневровъ, бывшихъ 17, 18 августа) ¹ Скобелевъ, по болѣзни не выходившій изъ дома, препроводилъ стихи Пушкина къ Бенкендорфу. Не сохранилось препроводительной бумаги Скобелева, но изъ послѣдовавшихъ за ней запросовъ видно, что Скобелевъ не останавливался на вопросахъ о распространеніи, ограничившись сообщеніемъ ненавистнаго ему имени автора. Когда онъ, Бенкендорфъ, прочелъ въ бумагѣ Скобелева, что это стихи Пушкина, онъ вспомнилъ, очевидно, то впечатлѣніе о Пушкинѣ, которое создано въ слѣдственной комиссіи. Не имѣя возможности „по причинѣ крайняго недостатка времени и предстоящихъ маневровъ“ побывать у больного Скобелева и лично объясниться, онъ попросилъ его запиской разрѣшить нѣкоторыя сомнѣнія. И первый вопросъ, обращенный къ Скобелеву—„какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который живетъ въ Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ?“ „Если не тотъ,—былъ другой вопросъ,—то, кто именно, гдѣ служить и гдѣ живетъ?“ Наконецъ, третье: „Стихи сіи самимъ ли Пушкинымъ подписаны и не поддѣлана ли подпись подъ чужое имя? также тотъ листъ, на которомъ они сообщены ген.-ад. Бенкендорфу, суть ли подлинный или копія съ подлиннаго? гдѣ под-

¹ Th. Schiemann. „Geschichte Russlands unter Nicolaus I“. B. II, s. 149.

линникъ находится и чрезъ кого именно они доставлены къ вашему превосходительству? На первые два вопроса Скобелевъ собственноручно писалъ: „Мне сказано что тот каторгой писать подобные стихи имѣеть уже запрещеніе, но отославъ к атцу его“. На третій вопросъ Скобелевъ отвѣтилъ: „Я представилъ копію которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорить прислана изъ Пѣтербурха, о чемъ вѣрнѣе объяснить чиновникъ коего буду имѣть честь представить“¹.

Бенкендорфъ обратилъ особенное вниманіе на это дѣло хотя бы ужъ въ силу одного того соображенія, что оно было однимъ изъ первыхъ въ практикѣ новорожденнаго III отдѣленія, бывшаго подъ его начальствомъ. Понятно, ему хотѣлось провести его возможно тщательнѣе. Кромѣ этого, не могъ не поразить его самый тонъ стиховъ, приуроченныхъ къ 14 декабря. По характерному выраженію Леопольдова: „увидавъ стихи, подумали: щука съѣдена, остались зубы; а потомъ возбудили вопросъ: не остатокъ ли это духа недавно у насъ погашенной булги“². Поэтому онъ и послѣшилъ выяснить, кто участвовалъ въ распространеніи. Сообщение же объ авторѣ стиховъ пріобрѣтало особое значеніе въ виду того, что объ освобожденіи автора хлопотали у государя, что авторъ самъ, заявляя о раскаяніи, просилъ о милости во всеподданнѣйшемъ

¹ Этой запиской съ вопросами Бенкендорфа и отвѣтами Скобелева начинается обширное дѣло III отдѣленія о Пушкинѣ („Арх.“, III отд., I эксп., № 62; началось въ 1826 году и кончилось въ 1854 году). Всѣ дѣла III отд. о Пушкинѣ изданы С. Сухонинымъ, Спб., 1906 г., но въ высшей степени не-исправно, въ чемъ мы убѣдились, свѣряя его изданіе съ подлинникомъ во время нашихъ занятій въ арх. денарт. полиціи. Примѣромъ неряшливости можетъ служить какъ разъ записка, о которой идетъ рѣчь. Правильно она была издана еще въ 1883 году въ Русской Старинѣ (т. XXXVIII, іюнь, стр. 690—692).

² Леопольдовъ. Автобіографія. Рукоп. саратовской ученой архивной комиссиі. Булга—тревога, безпокойство.

прошеніи. Отмѣтимъ, что прошеніе Пушкина только 30 іюля было отправлено марезисомъ Паулуччи къ министру иностранныхъ дѣлъ Нессельроде. Въ то время, когда началось дѣло о стихахъ „Шенье“, прошеніе—надо думать—было наканунѣ доклада. По полученіи въ Москвѣ, оно было передано начальнику главнаго штаба и позднѣе имъ же доложено. Бенкендорфъ не могъ не знать этихъ обстоятельствъ.

Скобелевъ направилъ къ Бенкендорфу своего добраго сотрудника Коноплева. Онъ не ожидалъ подобнаго оборота дѣла, потому что, получивъ отъ Леопольдова рукопись со стихами, онъ не спросилъ его, отъ кого онъ получилъ ихъ, и поэтому не могъ удовлетворить любопытству Бенкендорфа. Ему онъ могъ только донести, что стихи списаны для него Леопольдовымъ. А Леопольдова въ это время уже не было въ Москвѣ: получивъ кандидатскій аттестатъ, онъ уѣхалъ къ себѣ на родину въ Саратовскую губернію. 21 августа Коноплевъ получилъ отъ Скобелева приказаніе „въ тотъ же часъ отправиться для отысканія г. Леопольдова и отобранія отъ него инкогнито, отъ кого онъ стихи сіи получилъ или самъ сочинилъ“. Такъ въ послѣдствіи объяснялъ Коноплевъ свои дѣйствія по требованію новгородскаго уѣзднаго суда. „Отыскавши Леопольдова,—заканчивалъ свое объясненіе Коноплевъ,— и отобравши отъ него свѣдѣніе, возвратился въ Москву и доставилъ оное г. генералъ-майору Скобелеву, который въ то же время свезъ оное къ г. генералъ-ад. Бенкендорфу, на другой же день всѣ прикосновенныя лица были взяты, а мнѣ объявлена благодарность отъ начальства“.

Задача, возложенная на Коноплева, — разысканіе распространителей; но авторъ былъ уже названъ. Правда, могло еще быть сомнѣніе, не поддѣлка ли имени, но Скобелевъ утвердилъ еще разъ принадлежность стиховъ Пушкину. Но если авторъ дѣйствительно Пушкинъ, сочинитель вольныхъ стиховъ, являлась сама собой мысль:

значить, всё преслѣдованія его не угомонили! значить, одной рукой подписывая прошеніе о помилованіи, другой онъ пишетъ проклятія убійцѣ съ палачами (это послѣ 13-го-го іюля!)! значить, его объщаніе не противорѣчитъ общепринятому порядку не искренне! При той близости, которая была между Николаемъ I и Бенкендорфомъ; при томъ усиленномъ вниманіи, которое удѣлялъ царь любезной его сердцу дѣятельности III отдѣленія всегда (а тѣмъ болѣе на первыхъ шагахъ этого учрежденія); наконецъ, при чрезмѣрно изощренной любви къ сыску нельзя допустить предположенія, что Бенкендорфъ не довелъ до свѣдѣнія Николая I полученнаго имъ доноса Скобелева объ авторствѣ Пушкина. Конечно, онъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ царю, передъ которымъ лежала и просьба Пушкина. Для насъ ясно, что резолюція, положенная Николаемъ на прошеніе Пушкина, находится въ связи съ возникновеніемъ дѣла о распространеніи стиховъ изъ элегіи. Эту резолюцію 28 августа записалъ начальникъ главнаго штаба Дибичъ такъ: „Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому губернатору“. Мнѣ всегда казалось странной эта резолюція, которую біографы и изслѣдователи считали извѣщеніемъ о помилованіи: „Государь излилъ свою милость, вызвавъ Пушкина сейчасъ же послѣ коронаціи въ Москву къ себѣ“—такъ пишутъ біографы. Но стоитъ прочесть внимательнѣе резолюцію, и сейчасъ же бросится въ глаза весьма необыкновенная манера призывать человѣка, на котораго собираются излить милосердіе и которому разрѣшается „ѣхать свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря“. Не помилованіе тутъ имѣлось въ виду. Пушкинъ лично передъ Николаемъ I долженъ былъ разрѣшить недоумѣніе, вызываемое авторствомъ стиховъ

„На 14 декабря“, и дальнѣйшая участь его зависѣла отъ его отвѣта. Судьба его висѣла на волоскѣ, но мы знаемъ, что ему легко было оправдаться въ обвиненіи, возводимомъ на него: стоило только указать, что все стихотвореніе написано имъ еще до 14 декабря. Для насъ очевидно, что подобное объясненіе было сдѣлано Пушкинымъ передъ Николаемъ и принято во вниманіе. Только допущеніемъ этого факта и можетъ быть объяснена исторія слѣдствія о распространеніи стиховъ въ первой стадіи процесса (производство въ военно-судной комиссіи). Правительство проявило чрезвычайную энергію и быстроту въ размысканіи распространителей и виновниковъ прѣвротченія, и чрезмѣрную жестокость въ наказаніяхъ офицерамъ, признаннымъ въ этомъ виновными. Николай I былъ хорошо освѣдомленъ о ходѣ дѣла о распространеніи *стиховъ Пушкина*; онъ самъ предписывалъ быстроту и энергію. Но Пушкинъ не былъ потребованъ къ дѣлу въ то время, какъ оно производилось въ Москвѣ въ военно-судной комиссіи. Онъ былъ оставленъ въ сторонѣ. Но какъ могло бы случиться это, если бы Пушкинъ не далъ нужныхъ разъясненій или если бы эти разъясненія не удовлетворили Николая I? Это противорѣчило бы истиннымъ традиціямъ сына; не даромъ послѣдующія инстанціи, производившія дѣло и не знавшія объ объясненіяхъ Пушкина, признавали ненормальнымъ тотъ фактъ, что Пушкинъ не былъ привлеченъ къ дѣлу, и старались притянуть Пушкина поближе. Пушкинъ объяснился и считалъ дѣло поконченнымъ; поэтому, когда его начали въ 1827 и 1828 годахъ беспокоить допросами, онъ не могъ не возмутиться повтореніемъ стараго и отвѣчалъ съ излишнею рѣзкостью, которая и была при окончательномъ рѣшеніи дѣла поставлена ему въ счетъ.

Въ своемъ изложеніи мы забѣжали немного впередъ, но мы должны были сдѣлать такъ, чтобы доказать наше положеніе: резолюція о вызовѣ Пушкина еще не предвѣщала помилованія; она не

была результатомъ предпринятаго опредѣленнаго рѣшенія, благоприятнаго просьбѣ поэта. Напротивъ, окончательное рѣшеніе откладывалось. Хлопотами Карамзина и Жуковского, желаніемъ сохранить изысканное украшеніе царствованія, наконецъ, боязнью вызвать отказомъ вновь къ жизни ненавистный источникъ вольномыслія была подготовлена возможность помилованія Пушкина, но возможность вдругъ встрѣтила серьезное препятствіе—въ инцидентѣ со стихами „На 14-е декабря“. Пушкинъ самъ долженъ былъ дать отвѣтъ, и оказался, что онъ дѣйствительно въ стихахъ мѣтилъ на 14-е декабря, не тѣмъ бы кончилось его „призваніе“ въ Москву. Намъ приходится теперь возстановлять связь увоза Пушкина изъ Михайловскаго съ дѣломъ о стихахъ на 14-е декабря, въ славу Николая I порванную біографами, но сохранились современныя извѣстія о томъ, что Пушкинъ былъ затребованъ въ Москву именно по этому дѣлу. Таковы были преданія Тригорскаго, о которыхъ сообщаетъ М. И. Семевскій. Такъ рассказываетъ и Витель, который могъ быть освѣдомленъ о несчастьи своего племянника, пострадавшаго за распространеніе стиховъ Пушкина.

IV.

Въ то время какъ дѣлали распоряженія о „призывѣ“ Пушкина въ Москву, агентъ Скобелева Коноплевъ съѣздилъ въ Сердобскій уѣздъ Саратовской губерніи, разыскалъ проживавшаго у родителей Леопольдова и узналъ отъ него, что стихи Пушкина были взяты имъ у прапорщика Молчанова. Леопольдовъ сейчасъ же сообразилъ, что при подобномъ оборотѣ дѣла ему не пройдетъ даромъ эта исторія, и отправилъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ доводилъ до его свѣдѣнія, что у него имѣются преступные стихи и что очевидно злоумышленія противу правительства не совсѣмъ еще

истреблены ¹. Вернувшись въ Москву, Коноплевъ тотчасъ же доложилъ полученное имъ свѣдѣніе Скобелеву, а тотъ въ то же время „свезъ оное къ генераль-адъютанту Бенкендорфу“. Молчановъ былъ разысканъ и арестованъ. Въ тотъ самый день, когда Пушкинъ объяснялся съ Николаемъ Павловичемъ,—8 сентября отъ Молчанова была отобрана начальникомъ главнаго штаба слѣдующая подписка:

„Я нижеподписавшійся получилъ стихи сочиненія Пушкина на 14-е декабря отъ Александра Алексѣева лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка шт.-капитана, во время моего возвращенія въ Петербургъ съ ремонтомъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1826 года“.

Итакъ, въ то время, какъ Пушкинъ, совершенно удовлетворительно объяснившій свою роль въ исторіи со стихами, отстраняется (но,—увь!—только на первыхъ порахъ!) отъ дознанія, правительство съ особеннымъ рвеніемъ стремится отыскать и наказать распространителей и приспособителей стихотворенія къ событіямъ 14 декабря. Молчановъ, очевидно, во вниманіе къ его быстрому сознанию, былъ переведенъ тотчасъ же изъ гвардіи (піонерный эскадронъ) въ армію (нижегородскій драгунскій полкъ), но съ тѣмъ, чтобы до окончанія дѣла онъ содержался подъ арестомъ. Приказъ о переводѣ состоялся 9 сентября. По показанію Молчанова былъ найденъ и арестованъ Алексѣевъ. 16 сентября по Высочайшему повелѣнію онъ былъ арестованнымъ отправленъ изъ Новгорода въ Москву. Въ Москвѣ,

---

¹ Когда Леопольдову предъявили обвиненіе въ распространеніи стиховъ, онъ все свое оправданіе построилъ на этомъ письмѣ къ Бенкендорфу. Своевременно-де онъ донесъ правительству о томъ, что у него есть стихи, а если онъ раньше до отъѣзда на родину не сообщилъ о нихъ, то это потому, что не зналъ, гдѣ найти начальство, а кромѣ того хотѣлъ получше выслѣдить источникъ распространенія. Бенкендорфъ подтвердилъ полученіе имъ письма отъ Леопольдова. Совершенно не соответствуютъ поэтому истинѣ его позднѣйшіе рассказы о томъ, что онъ написалъ Бенкендорфу письмо, якобы по просьбѣ брата Алексѣева, въ защиту послѣдняго.

его допрашивалъ начальникъ штаба И. И. Дибичъ, и Алексѣевъ, „не отвергая того, что отдалъ стихи Молчанову, не только не объявилъ въ свое время сочиненія сего начальству, какъ того требовалъ долгъ честнаго и вѣрнаго офицера и русскаго дворянина но, не раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, рѣшительно не захотѣлъ открыть, отъ кого онъ самъ получилъ сіи бумаги“. Мы уже упоминали, что на Алексѣева пытались воздѣйствовать мольбами и проклятіемъ его престарѣлаго отца. Запирательство Алексѣева было принято за доказательство намѣренія „скрыть слѣды, по которымъ могли бы быть открыты злоумышленники, распространяющіе подобныя сочиненія“. И Николай Павловичъ приказалъ судить Алексѣева военнымъ судомъ съ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы судъ былъ оконченъ въ три дня. Уже 25 сентября Дибичъ передалъ Высочайшее повелѣніе. Съ стремительной быстротой въ тотъ же день состоялась военно-судная коммиссія и черезъ три дня приговорила Алексѣева къ смертной казни. Стремительность была рассчитана, очевидно, на то, что Алексѣевъ убоится и назоветъ лицо, отъ котораго онъ получилъ стихи. Но онъ не сдѣлалъ этого по той простой причинѣ, что не могъ вспомнить. Сохранилось слѣдующее извѣстіе, записанное А. Я. Булгаковымъ 30 сентября: „Наташа была у Алексѣевыхъ и пріѣхала оттуда расплаканная. Бѣдный отецъ и мать въ прежалкомъ положеніи; я не понимаю упрямства сына старшаго. Можетъ ли быть, чтобы онъ не помнилъ, отъ кого получилъ стихи эти мерзкіе? Отецъ, къ коему онъ былъ приведенъ, угрожалъ ему проклятіемъ; какъ ни былъ онъ тронутъ, какъ ни плакалъ, а все утверждалъ, что не помнить. Кажется, это было не 10 лѣтъ назадъ! Всѣ утверждаютъ, что стихи Пушкина, однако же надобно это доказать и его изобличить“. А 1 октября Булгаковъ писалъ: „Стихи точно Пушкина. Онъ не только сознался, но и прибавилъ, что они давно напечатаны въ

его сочиненіяхъ. Тутъ рѣчь о французской революціи, только многое кѣмъ-то украшено, съ разными прибавленіями, и поставлено заглавіе: 14 декабря. Кто этотъ трудъ взялъ на себя, неизвѣстно, а добираются. Бенкендорфъ сказывалъ Броверу: эти стихи такъ мерзки, что вы вѣрно выдали бы своего сына сами, ежели бы знали, что онъ сочинитель“¹. Но поводу этихъ сообщеній необходимо сдѣлать два замѣчанія. Записи, сдѣланныя 30 сентября и 1 октября, имѣютъ въ виду событія болѣе раннія, предшествовавшія суду надъ Алексѣевымъ. Свиданіе съ отцомъ, убѣждавшимъ его сознаться, происходило до 25 сентября. А изъ извѣстія о Пушкинѣ вовсе нельзя извлечь, какъ это дѣлаетъ В. Я. Брюсовъ², указаніе на то, что въ промежутокъ [между 26 и 29 сентября произошелъ первый допросъ Пушкину по дѣлу о стихахъ. Во всемъ производствѣ военно-судной комиссіи, пока она засѣдала въ Москвѣ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ допроса Пушкина, да и не могло быть, ибо комиссіи приказано было судить только одного Алексѣева и не касаться другихъ, да кромѣ того объясненія, данныя Пушкинымъ Николаю I, совершенно удовлетворили царя и положили конецъ дознанію о роли Пушкина. Ближайшіе помощники царя Бенкендорфъ, Дибичъ, Потаповъ, конечно, знали объ этомъ, знали и сущность данныхъ Пушкинымъ объясненій и потому на первыхъ порахъ, когда вездѣ говорили о милости, оказанной монархомъ поэту, не считали возможнымъ привлекать Пушкина къ отвѣту. Нельзя не отмѣтить для исторіи дальнѣйшихъ отношеній Пушкина къ Бенкендорфу фразы послѣдняго, приведенной Булгаковымъ: „Эти стихи такъ мерзки (это значитъ: даже и безъ приуроченія къ 14 декабря), что вы вѣрно выдали бы своего сына, ежели бы

¹ Русск. Арх., 1901 г., II, 402, 403.

² Русск. Арх., 1906 г., февр., стр. 327. Домыслы В. Я. Брюсова о дняхъ допроса, о лицѣ, допрашивавшемъ, совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

знали, что онъ сочинитель“. Известно, что недоразумѣнія между Пушкинымъ и Бенкендорфомъ начались очень скоро послѣ милости—знакъ, что Бенкендорфъ и остальные за это время узнали, какъ *на самомъ дѣлѣ* смотрѣлъ Николай I на Пушкина. О пренебрежительномъ отношеніи къ поэту Бенкендорфъ и остальные и помыслить не дерзнули бы, если бы они не почувствовали ноть презрѣнія въ самомъ царѣ, а это пренебреженіе, которое даже не всегда считали нужнымъ скрывать подъ холодно-вѣжливыми фразами, высказано чуть ли не съ перваго момента появленія Пушкина въ московскомъ обществѣ. Только такимъ пренебреженіемъ и можно объяснить, что черезъ полтора мѣсяца послѣ прощенія Пушкина, 25 октября, Николай I утвердилъ мнѣніе аудиторіатскаго департамента по дѣлу Алексѣева, а въ этомъ мнѣніи департаментъ полагалъ вернуть дѣло въ ту же военно-судную комиссію для дополненія по нѣсколькимъ пунктамъ и между прочимъ для отобранія отъ Пушкина показанія: „имъ ли сочинены означенные стихи; когда, почему известно ему¹ сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное; въ случаѣ же отрицательства, не известно ли ему, кѣмъ оны сочинены“. Но разъ комиссія отбирала показанія у прикосновенныхъ къ дѣлу, то по чину она должна была произнести сужденіе о всѣхъ прикосновенныхъ. Такимъ образомъ притягивался къ дѣлу и Пушкинъ. 4 ноября великій князь Михаилъ Павловичъ, дѣлая распоряженіе о продолженіи дѣла, предлагалъ комиссіи уже не только истребовать показаніе отъ Пушкина, но и въ случаѣ надобности доставить въ Новгородъ и его самого. Несмотря на то, что военно-судная комиссія удовлетворилась показаніями Пушкина, онъ не былъ освобожденъ отъ

---

¹ Комиссія вывела заключеніе, что стихи были написаны до 14 декабря, на основаніи показанія Алексѣева, что стихи достались ему въ Москвѣ осенью 1825 г.

дѣла и по окончаніи ея дѣйствій. 25 марта Николай утвердилъ мнѣніе аудиторіата, повторившаго сентенцію Михаила Павловича о продолженіи слѣдствія въ гражданскомъ уголовномъ судѣ теперь уже надъ Леопольдовымъ, но съ вмѣненіемъ суду въ обязанность истребовать новыя объясненія отъ Пушкина и, сообразивъ оныя, *поступить по законамъ*. Такъ съ необыкновенной настойчивостью высказывалось истинное отношеніе Михаила Павловича и самого Николая I къ Пушкину.

Любань.

12 января 1909.

Пушкинъ — въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг. ¹

(Изъ архивныхъ разысканій).

Въ январѣ 1826 года вышли въ свѣтъ „Стихотворенія Александра Пушкина“, разрѣшенныя цензурой къ выпуску 8 октября 1825 года. Въ этой книгѣ была напечатана элегія „Андрей Шенье“, написанная Пушкинымъ въ январѣ 1825 года. Элегія была урѣзана въ цензурѣ, выброшенъ былъ слѣдующій отрывокъ—гимнъ свободѣ:

Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
 Я славилъ твой небесный ликъ,
 Когда онъ искрою возникъ,
 Когда ты въ бурѣ восходило;
 Я славилъ твой священный громъ,
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
 Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ;

¹ Напечатано въ изданіи „Пушкинъ и его современники“ вып. XI.

Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
 Все ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
 Перерожденіе земли.
 Уже сіялъ твой мудрый геній,
 Уже въ безсмертный пантеонъ
 Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
 Отъ пелены предубѣжденій
 Разоблачался ветхій тронъ;
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
 И мы воскликнули: „Блаженство!“..
 О горе! о безумный сонъ!
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
 Единый властвуетъ топоръ.
 Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
 Избрали мы въ цари! О ужась, о позоръ!..

Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
 Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
 Завѣшенъ пеленой кровавой..
 Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
 И вновь твои враги падуть.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
 Все ищетъ вновь упиться имъ;
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бродитъ, жаждою томимъ...
 Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ снѣгу равенства
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ...

Надо думать, этотъ отрывокъ вызвалъ искреннее негодованіе цензуровъ. Весной 1826 года Дельвигъ, сообщая Баратынскому о запрещеніи цензурой нѣсколькихъ стиховъ изъ его поэмы, объяснялъ свирѣпость цензуры тѣмъ, что „Смерть Андрея Шенье„ перебѣсила цензуру¹.

¹ Сочиненія бар. А. А. Дельвига. Спб. Изд. Е. Евдокимова. 1893. Стр. 158.

Не пропущенные цензурой стихи разошлись по рукамъ въ спискахъ, а послѣ событій 14 декабря среди читателей нашлись охотники, которые приурочили стихи къ трагедіи, разыгравшейся на Сенатской площади, находя нѣкоторыя фразы и слова соответствующими современному положенію. Если при такомъ приуроченіи мѣстами выходила явная бессмыслица, зато нѣкоторыя фразы въ родѣ напечатанныхъ нами курсивомъ звучали крайне рѣзко и дерзко. Въ концѣ іюля или началѣ августа 1826 года въ то время, когда Николай Павловичъ съ приближенными находился въ Москвѣ, готовая къ коронаціи, агентъ по секретнымъ порученіямъ генерала Скобелева, 14 класса помѣщикъ Коноплевъ представилъ своему начальнику списокъ этого не пропущеннаго отрывка, получившаго уже заглавіе „на 14 декабря“, съ прибавленіемъ копіи извѣстнаго предсмертнаго письма Рылѣва къ женѣ. Скобелевъ доложилъ стихи Бенкендорфу, начинавшему тогда работать по III-ьему отдѣленію. Началось дѣло о распространеніи преступныхъ стиховъ Пушкина „Андрей Шенье“, къ этому дѣлу былъ привлеченъ цѣлый рядъ лицъ, оно прошло нѣсколько стадій—отъ тайнаго дознанія до обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ, и кончилось черезъ два года 28 іюня 1828 года Высочайшей резолюціей. Допрашивался по этому дѣлу и Пушкинъ, которому оно доставило не мало неприятностей, и для біографіи поэта подробное разслѣдованіе всего хода дѣла представляетъ не малый интересъ.

Въ общихъ чертахъ сущность этого дѣла намъ извѣстна. Она была кратко рассказана двумя освѣдомленными лицами: по памяти и по документамъ—извѣстнымъ чиновникомъ III-го отдѣленія М. М. Поповымъ¹ и авторомъ пресловутыхъ воспоминаній—барономъ

¹ Въ ствѣѣ „А. С. Пушкинъ“ (Русск. Стар., т. X, 1874, авг., стр. 691—694). Эта статья, не обратившая на себя вниманіе изслѣдователей, очень цѣнна для изученія полицейскихъ отношеній Пушкина и представляетъ яркое отраженіе взглядовъ III-го Отдѣленія въ его цѣломъ на поэта.

М. А. Корфомъ¹. Краткое изложеніе хода процесса дано также П. А. Ефремовымъ² по доступнымъ ему документальнымъ даннымъ, не исчерпывающимъ всего дѣла и представленнымъ, по большей части, въ отпускахъ и копіяхъ. Съ большими подробностями разсказалъ это дѣло г. А. Слезкинскій въ статьѣ „Преступный отрывокъ элегіи „Андрей Шенье“³. Онъ пользовался копіей производства дѣла лишь въ одной инстанціи (Новгородскаго уѣзднаго суда) и о теченіи дѣла въ другихъ инстанціяхъ онъ могъ сообщить лишь по путанному изложенію, сдѣланному въ этомъ производствѣ. Поэтому вкрались въ статью г. Слезкинскаго довольно крупныя и многочисленныя неточности. Показанія, напр., Пушкина даны имъ въ пересказѣ. Да и производство уѣзднаго суда изложено имъ очень сбивчиво. Вообще для научныхъ изслѣдованій по біографіи Пушкина эта статья не годится. По названымъ только что статьямъ и сообщеніямъ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ и М. К. Лемке⁴.

Перечисленныя работы даютъ лишь весьма общее представленіе о процессѣ. Кромѣ нихъ, мы имѣемъ не мало документовъ изъ различныхъ стадій производства, по большей части не первоначальныхъ подлинниковъ, а официальныхъ копій и повтореній. Они способствуютъ уясненію дѣла, но по этимъ разрозненнымъ бумагамъ трудно возстановить достовѣрную и детальную исторію процесса на всемъ его протяженіи, процесса, изученіе котораго

---

¹ Въ его запискѣ о Пушкинѣ, напечатанной въ статьѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“ (Русск. Стар., т. LC, 1899, авг., стр. 309—310) и въ „Запискахъ“ его (тамъ же, т. CI, 1900, мартъ, стр. 547).

² „Сочиненія А. С. Пушкина“. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина, т. VII, 1903, стр. 259—261, 276, 286—287, 298—300; т. VIII, 1905, стр. 597—601.

³ Русск. Стар., т. LC, 1899, авг., стр. 312—326.

⁴ Въ книгѣ „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“, Спб. 1908. Очеркъ „Муки великаго поэта“, стр. 468 сс.

интересно не только для біографіи поэта, но и для исторіи нашей общественности.

Между тѣмъ, ни одно подлинное производство до сихъ поръ систематически не обслѣдовано и не использовано, а производства нѣкоторыхъ инстанцій даже не были извѣстны. Первой стадіей этого дѣла было тайное дознаніе, произведенное Скобелевымъ и Бенкендорфомъ. Матеріалы по этому дознанію сохранились въ архивѣ III-го Отдѣленія, что нынѣ Департамента Полиціи, и изданы С. С. Сухонинимъ¹. Вторая стадія—производство дѣла въ военно-судной комиссіи, начатое 25 сентября 1826 года и оконченное Высочайшей резолюціей 25 марта 1827 года. Это дѣло хранится въ архивѣ Главнаго военно-суднаго Управленія и не было извѣстно до самаго послѣдняго времени: впервые съ моихъ словъ сообщил о немъ П. А. Ефремовъ². Третья стадія—производство Новгородскаго уѣзднаго суда, использованное въ статьѣ г. А. Слезкинскаго. Въ архивѣ этого суда осталась только копія дѣла, подлинное

¹ Въ книгѣ „Дѣла III Отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“ Спб. Изд. И. Балашова, 1906, стр. 15—17 и 267 сс. Изучая дѣло въ архивѣ, мы убѣдились, что оно издано г. Сухонинимъ крайне неисправно. Тут—не только бумаги по предварительному дознанію (стр. 15—17), но и имѣющія отношеніе къ дальнѣйшимъ стадіямъ процесса. Самый главный документъ—записка Бенкендорфа съ отвѣтами Скобелева, положившая начало дѣлу—опубликована по подлиннику (вполнѣ правильно) въ „Русск. Стар.“ въ замѣткѣ „Къ дѣлу о доносѣ на А. С. Пушкина“ т. XXXVIII, іюнь, стр. 690—692. См. мою замѣтку объ изданіи г. Сухонина въ журналѣ „Былое“ 1906, февраль, стр. 299—301.

² Нѣкоторыя бумаги, вышедшія изъ этой военно-судной комиссіи, съ отвѣтами подлежащихъ мѣстъ напечатаны въ книгѣ И. И. Василева: „Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи“ Спб. 1899, стр. 32—36. Нѣкоторые слѣды производства оказались въ архивѣ л.-гв. Драгунскаго полка, въ которомъ служилъ Алексѣевъ. Свѣдѣнія по полковымъ документамъ изложены въ книгѣ капитана Ковалевскаго 1-го: „Л.-Гв. Драгунскій полкъ“ 1814—1869. Новгородъ, 1870, стр. 38, 169 (прим. 21), 40 (приложенія). Эту книгу указалъ мнѣ Б. Л. Модзалевскій.

же было отослано на ревизію въ Новгородскую уголовную палату. Изъ архива палаты, хранящагося при Новгородскомъ Окружномъ Судѣ, подлинное дѣло было, по требованію Министра Юстиціи, отослано въ департаментъ юстиціи¹ въ 1884 году. Четвертая стадія—производство дѣла въ Правительствующемъ Сенатѣ. Пятая—разсмотрѣніе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ. Мы знаемъ изъ сенатскаго дѣла лишь Указъ Сената Новгородскому губернскому правленію². Въ этомъ указѣ приведено Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта. Этимъ мнѣніемъ ограничиваются наши свѣдѣнія о производствѣ въ высшей инстанціи. Не мало издано документовъ и бумагъ, относившихся къ исполненію приговора касательно Пушкина,— объ объявленіи ему приговора³, объ учрежденіи секретнаго надзора и о продолженіи его⁴. Но документы послѣдняго рода важны только своими датами, а къ знанію процесса ничего не прибавляютъ.

Самымъ интереснымъ и важнымъ какъ для біографіи поэта, такъ и для исторіи общественнаго броженія въ 1826 году мы считаемъ дѣло, произведенное военно-судной Коммиссіей о штабс-капитанѣ Алексѣевѣ. Производства другихъ инстанцій прибавляютъ не много матеріала, имѣющаго значеніе; въ нихъ много пустословія, не разъясняющаго, а только запутывающаго дѣло. Но имѣетъ интересъ—спеціальннй для пушкиновѣдѣнія—производство Государственнаго Совѣта.

Изложенію этихъ дѣлъ мы посвящаемъ дальнѣйшія страницы.

---

¹ Находившіяся въ этомъ дѣлѣ подлинныя объясненія Пушкина были въ 1887 году переданы изъ Департамента Юстиціи въ Пушкинскій Музей при Александровскомъ Лицеѣ и напечатаны въ книгѣ проф. И. А. Шляпкина „Изъ нежданннхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб. 1903, стр. 339—341.

² Напечатанъ въ Русск. Стар., т. XI, 1874, ноябрь, стр. 584—588.

³ Русск. Стар., т. XXXIII, 1882, февр., 465—469.

⁴ Напримѣръ, тамъ же, т. XXIII, 1882, янв., стр. 225—226 и т. XXXVII, 1883, янв., стр. 77—78.

I.

ДѢЛО АЛЕКСѢЕВА И ПУШКИНЪ.

1.

До ознакомленія съ ходомъ процесса штабсъ-капитана Алексѣева, необходимо кратко передать исторію возникновенія этого дѣла ¹.

Исторія распространенія запрещеннаго цензурой отрывка изъ элегіи „Андрей Шенье“ представляется на основаніи изученія дѣла въ слѣдующемъ видѣ. Коноплевъ, агентъ Скобелева, добылъ списокъ стиховъ у кандидата Леопольдова. Зналъ ли послѣдній, что Коноплевъ шпіонъ, установить по дѣлу нельзя; во всякомъ случаѣ Леопольдовъ игралъ въ этой исторіи роль довольно постыдную и плачевную ². Онъ собственноручно переписалъ стихи,

¹ Подробно мы останавливаемся на этой исторіи и выясняемъ ея связь съ помилованіемъ Пушкина въ предшествующей статьѣ „Имп. Николай I и Пушкинъ 1826 году“.

² Біографическій очеркъ А. Ф. Леопольдова данъ въ книжкѣ Н. Ф. Хованскаго „Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи“. Вып. 1-й, Саратовъ, 1884, стр. 57—76, и въ статьѣ М. Л. Юдина „Винovníкъ „Шеньевской“ исторіи“ (Истор. Вѣст. т. СЦ, 1905, ноябрь, стр. 574—597). Для насъ важны приводимые г. Юдинымъ рассказы самого Леопольдова о случаѣ со стихами, изложенные въ его рукописной автобіографіи, хранящейся въ Саратовской ученой архивной комиссіи, и въ нисъмахъ его къ Е. И. Станевичу отъ 1829 года (хранятся тамъ же). Съ рукописной автобіографіей Леопольдова я познакомился благодаря содѣйствію Пушкинской Комиссіи, по просьбѣ которой она была выслана изъ Саратова въ Петербургъ. Сличая его рассказы съ документальными данными, приходишь къ заключенію, что въ своихъ сообщеніяхъ Леопольдовъ неискрененъ и умалчиваетъ о настоящей своей роли. Онъ не упоминаетъ, напр., о томъ, что надпись на стихахъ „на 14 декабря“ была сдѣлана имъ, что онъ собирался пообстоятельнѣе донести объ этихъ стихахъ Бенкендорфу. На допросахъ онъ старался запутать офицера Молчанова, давшего

прибавилъ къ нимъ предсмертное письмо Рылѣва къ женѣ и вручилъ Коноплеву. Скобелевъ, доносившій на Пушкина еще въ 1824 году, тотчасъ же сообщилъ эти стихи Бенкендорфу въ концѣ іюля или началѣ августа. Напомнимъ, что въ это время царь со всѣмъ дворомъ былъ въ Москвѣ и готовился къ коронаціи. Бенкендорфъ потребовалъ указать лицо, которое дало стихи Леопольдову. Леопольдова въ это время не было въ Москвѣ, и Коноплевъ былъ посланъ въ Саратовскую губернію разыскать его. Узнавъ отъ него, въ концѣ августа, что стихи даны ему прапорщикомъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго баталіона Молчановымъ въ іюлѣ 1826 года, Коноплевъ вернулся въ Москву и доложилъ поду-

---

ему стихи и т. д. Въ концѣ концовъ мы не убѣждены въ томъ, что Коноплевъ дѣйствовалъ безъ его вѣдома и согласія. Въ автобіографіи Леопольдовъ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ о началѣ дѣла: „По Москвѣ ходили стихи, переведенные изъ французскаго писателя Андрея (тески моего) Шенье, намекавшіе на булгу во Франціи и приравниваемые будто бы къ нашему бывшему беспорядку 14 декабря 1825 года (Леопольдовъ прекрасно зналъ, что стихи принадлежатъ Пушкину, а прировнилъ ихъ къ 14 декабря на бумагѣ онъ самъ! П. Ш.). Они достались и мнѣ отъ одного гвардейскаго офицера, изъ юношеской любознательности и любопытства. Я понималъ духъ ихъ и безъ всякаго умысла и дѣли сообщилъ товарищу; но у него, увидѣвъ ихъ, придумали: шука съѣдена, остались зубы; эти другіе люди возбудили вопросъ: не остатокъ ли это духа недавно погашенной у насъ булги? Донесено, и загорѣлось дѣло. Я самъ понималъ, что надобно же все это темное обстоятельство развѣдать и разслѣдовать. Добрались до источника и до всѣхъ военныхъ и статскихъ, имѣвшихъ ихъ. Вотъ такимъ-то путемъ дошла очередь и до меня“. (Цитовано по рукописи). А въ письмѣ къ Е. И. Станевичу отъ 29 декабря 1829 года, поддѣлываясь, очевидно, къ елейному тону своего корреспондента, онъ уже рассказывалъ о томъ же въ иномъ духѣ: „Случайно попались мнѣ въ Москвѣ (онъ самъ выпросилъ! П. Ш.), во время коронаціи дерзкіе насчетъ правительства стихи. Я показалъ ихъ одному знакомцу, сожалѣя о несчастномъ образѣ мыслей сочинителя (это по первой версіи, Андрея Шенье! П. Ш.). Но сей знакомецъ мой былъ шпіонъ, который для выслуги своей открылъ объ нихъ нач. Г. П. (конечно: начальнику Государственной Полиціи П. Ш.) Дѣло загорѣлось: разысканы всѣ, у кого оныя стихи были, отъ кого и какъ перешли“ (Ист. Вѣст., назв. статья, стр. 582).

ченныя имъ свѣдѣнія Бенкендорфу. Началось дѣло; былъ найденъ и арестованъ Молчановъ, который 8 сентября показалъ, что стихи получены имъ въ февралѣ 1826 года отъ л.-гв. конно-егерскаго полка штабсъ-капитана Алексѣева. Александръ Ильичъ Алексѣевъ также былъ разысканъ, арестованъ и 16 сентября отправленъ изъ Новгорода въ Москву¹. Здѣсь и начальникъ Главнаго штаба И. И. Дибичъ и дежурный при государѣ генералъ Потаповъ тщетно добивались, чтобы Алексѣевъ сказалъ, кто ему далъ эти стихи. Алексѣевъ отвѣчалъ, что онъ получилъ ихъ въ Москвѣ осенью 1825 года, но отъ кого, рѣшительно не помнить. Генералы пробовали дѣйствовать на него черезъ отца; отецъ умолялъ сына, грозилъ ему проклятіемъ, но Алексѣевъ упорно оставался при своемъ отрицаніи. Въ результатѣ, по Высочайшему повелѣнію, Молчановъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ армію въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Алексѣевъ за записательство отданъ подъ судъ. Съ самаго начала слѣдствія и тотъ и другой находились въ московскомъ тюремномъ замкѣ²; Молчановъ несмотря на то, что наказаніе было на него уже наложено, все-таки былъ оставленъ въ тюрьмѣ на все время слѣдствія.

Этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы разобраться въ военно-судномъ процессѣ, къ изложенію котораго мы и приступаемъ.

¹ А. И. Алексѣевъ—сынъ генерала Ильи Ивановича Алексѣева и Натальи Филипповны, урожденной Вигель; слѣдовательно, родной племянникъ известнаго Ф. Ф. Вигеля. Въ своихъ „Запискахъ“ Ф. Ф. Вигель не разъ упоминаетъ о своемъ племянникѣ и рассказываетъ (не совсѣмъ точно) о его дѣлѣ (Записки Ф. Ф. Вигеля. Изд. „Русскаго Архива“, М. Ч. VII, 1893, стр. 111—114). Современные извѣстія о дѣлѣ Алексѣева идутъ также отъ А. Я. Булгакова, хорошаго знакомаго семьи Алексѣевыхъ (Русск. Арх. 1901, т. II, стр. 402, 403).

² Въ тюрьмѣ они встрѣтились съ офицерами, осужденными на каторгу за участіе въ возстаніи Черниговскаго полка: Соловьевымъ, Мозалевскимъ, Быстрицкимъ и Сухиновымъ. См. „Записки неизвѣстнаго“ (И. И. Горбачевскаго) въ Русск. Арх. 1882, т. I, стр. 545.

Мы считаемъ нужнымъ не выпускать при изложеніи тѣхъ страницъ дѣла, которыя не представляя важности для пушкиновѣднія, даютъ хорошее понятіе о томъ, какъ ставилась въ то время процесуальная сторона дѣла и какъ созидалась „юридическая“ аргументація. Слово юридическая тутъ приходится, конечно, брать не иначе, какъ въ кавычкахъ.

2.

25 сентября 1826 года Начальникъ Главнаго Штаба Е. И. В. Дибичъ обратился съ слѣдующимъ отношеніемъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, который въ это время командовалъ отрядомъ Гвардейскаго корпуса, отправленнымъ въ Москву на коронацію.

„У служившаго лейбъ-гвардіи въ конно-піонерномъ эскадронѣ прапорщика Молчанова найдена копія съ письма государственнаго преступника Рылѣва и возмутительныя стихи на 14 декабря 1825 года. Молчановъ въ отбранной отъ него роспискѣ объявилъ, что сіи стихи получилъ онъ отъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка штабсъ-капитана Алексѣева, который, не отвергая того, что отдалъ оныя Молчанову, не только не объявилъ въ свое время сочиненія сего начальству, какъ того требовалъ долгъ честнаго и вѣрнаго офицера и русскаго дворянина, но при сдѣланномъ ему лично мною допросѣ, не раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, рѣшительно не хочетъ открыть, отъ кого онъ самъ получилъ сіи бумаги.

Какъ таковое упорство штабсъ-капитана Алексѣева доказываетъ какъ зловредныя его склонности, такъ и намѣреніе скрыть слѣды, по которымъ могли бы быть открыты злоумышленники, распространяющіе подобныя сочиненія, то Государь императоръ, желая примѣромъ строгаго взыскаія пресѣчь и впредь подобныя столь вредныя для общаго спокойствія государства покушенія, — Высочайше повелѣтъ соизволилъ штабсъ-капитана Алексѣева, яко обличеннаго собственнымъ признаніемъ въ содержаніи у себя противъ долгу присяги и существующихъ узаконеній въ тайнѣ отъ своего начальства и сообщеніи даже другимъ такихъ бумагъ, кои по содержанію своему, въ особенности послѣ происшествія 14 декабря, совершенно по смыслу злодѣевъ, покушавшихся на разрушеніе всеобщаго спокойствія, — предать военному суду здѣсь при 2-мъ сводномъ легкомъ кавалерійскомъ полку Гвардейскаго отряда съ тѣмъ, чтобы судъ былъ оконченъ въ возможной поспѣшности и непремѣнно въ продолженіе трехъ дней.

Сообщая Вашему Императорскому Высочеству сію Высочайшую волю для зависящаго о исполненіи оной распоряженія и препровождая при семъ найденныя у Молчанова письмо Рылѣва и стихи на 14 декабря, прошу покорнѣйше Ваше Императорское Высочество по окончаніи надъ нимъ суда сообщить мнѣ сентенцію онаго съ мнѣніемъ Вашего Высочества для доклада Государю Императору. При семъ имѣю честь увѣдомить, что штабсъ-капитанъ Алексѣевъ содержится въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ".

3.

Исполненіе по отношенію Начальника штаба послѣдовало въ тотъ же 25-ый день сентября. Великій Князь далъ соотвѣтствующее предписаніе графу Орлову, командовавшему сводной легкой Гвардейской кавалерійской бригадой и л.-гв. своднымъ кирасирскимъ полкомъ. Въ тотъ же день при 2 сводномъ легкомъ кавалерійскомъ полку была учреждена коммиссія военного суда. Презусомъ ея былъ назначенъ л.-гв. конно-егерскаго полка полковникъ баронъ Ренне, ассесорами — капитаны Павлищевъ ¹, Корфъ, штабсъ-капитанъ Стремоуховъ, поручикъ Вуичъ, прапорщики: Вульфъ ² и Кронекъ; производителемъ дѣлъ — оберъ-аудиторъ 9 класса Ивановъ.

Судъ совершался съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. На первомъ же засѣданіи 26 сентября презусъ, объявивъ о цѣли собранія, „уговаривалъ всѣхъ обрѣтающихся въ судѣ, дабы при отправленіи начинающагося дѣла напоминали свою совѣсть, а что въ судѣ случится, хранили бы тайно и никому о томъ, кто бъ онъ ни былъ, не объявляли“. Затѣмъ, намѣчая программу дѣйствій, коммиссія постановила предложить подсудимому обычный вопросъ: „не имѣетъ ли онъ на презуса, ассесоровъ и аудитора какого по-

¹ Это Пав. Ив. Павлищевъ, братъ Ник. Ив., женившася впоследствии на сестрѣ Пушкина.

² По спискамъ полка это—Петръ Ивановичъ Вольфъ, едва ли не двоюродный братъ пріятелю Пушкина Алексѣю Николаевичу Вульфу.

казать подозрѣнія и судомъ ихъ будетъ ли доволенъ“ и затребовать изъ штаба формулярный списокъ и кондуитъ Алексѣева. По изъявленіи Алексѣевымъ своего удовольствія комиссіей, судьи принесли судейскую присягу ¹. Вступивъ въ исполненіе обязанностей, презусъ на основаніи воинскихъ процессовъ 1 главы 14 пункта уговаривалъ Алексѣева, чтобы онъ „съ пристойнымъ воздержаніемъ дѣло свое доносилъ вкратцѣ“. Подобный уговоръ былъ, очевидно, вызванъ необходимостью закончить дѣло въ три дня. Въ виду такой крайности, дежурный генераль предписывалъ комиссіи заканчивать дѣло, не дожидаясь обычнаго представленія формуляра и кондуита подсудимаго.

26 сентября, къ 10 часамъ утра, штабсъ-капитанъ Алексѣевъ былъ доставленъ изъ тюрьмы плацъ-адъютантомъ въ комиссію, несмотря на то, что онъ былъ боленъ: „былъ одержимъ воспаленіемъ лѣваго глаза и чувствовалъ слабость во всемъ корпусѣ“. На учиненные судной комиссіей вопросы Алексѣевъ отвѣчалъ:

„Зовутъ меня Александръ Ильинъ сынъ Алексѣевъ, 26 лѣтъ, греко-россійской вѣры, на исповѣди и у святаго причастія бывалъ.

Въ службу вступилъ по выпускѣ изъ пажескаго корпуса прапорщикомъ въ конно-артиллерійскую роту № 22—1819 года апрѣля 6 дня; изъ россійскихъ дворянъ, собственности не имѣю, а что за отцомъ моимъ состоитъ и сколько, того не знаю.

Изъ прапорщиковъ артиллеріи перевелся въ конно-егерскій Е. В. полкъ, гдѣ и произведенъ въ 1819 году ноября 26 въ поручики, въ 1823 ноября 26

---

¹ Формула присяги: „Мы, къ настоящему военному суду назначенные судьи, клянемся Всемогущимъ Богомъ, что мы въ семъ суду въ прилучающихся дѣлахъ, ни для дружбы, или склонности, ни подарковъ или дачей ниже страха ради, ни для зависти и не дружбы, не токмо едино по челобитью и отвѣту, по Его И. В. Нашего Всемилостивѣйшаго Государя Императора воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хотимъ право и велицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на Страшномъ Судѣ Христовѣ,—въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, велицемѣрный Судья“.

за отличіе по службѣ въ штабъ-капитаны и 1825 22 августа переведенъ въ лейбъ-гв. конно-егерскій полкъ; подъ судомъ и штрафами не былъ.

1. По находженіи моемъ въ Москвѣ точно получилъ оныя стихи, но отъ кого, не помню, и безъ всякой опредѣлительной цѣли и намѣренія—въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ.

2. Стихи, отданные мной Молчанову, были написаны собственной рукой моею, но безъ надписи на 14 декабря, а письма преступника Рылѣва, мнѣ же показанные стихи и письма въ судѣ мнѣ вовсе неизвѣстны.

3. Оныя стихи при разборѣ разныхъ бумагъ моихъ попались въ руки Молчанова и по просьбѣ его ему отданы, а на какой конецъ, не знаю.

4. Храненіе стиховъ сихъ не считалъ тайною, а изъ содержанія онаго не предполагалъ и не предвидѣлъ ничего зловреднаго, ибо оныя, какъ выше сказано, получены были мной въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ.

5. Въ тайныхъ обществахъ не бывалъ и ничего ни отъ кого не слыхалъ и нигдѣ не былъ замѣченъ, ибо милости, оказываемыя покойнымъ Государемъ императоромъ отцу моему и семейству, не могли внушить мнѣ ничего дурнаго противу Е. В. и правительства.

6. Никакихъ другихъ подобныхъ бумагъ не имѣю.

Итакъ, Алексѣевъ признавалъ, что онъ далъ Молчанову писанный его рукою списокъ стиховъ, но предъявленный ему на судѣ листъ, на которомъ были четко переписаны сначала письмо К. Ѳ. Рылѣва, а за нимъ стихи съ надписью „на 14 декабря“, оказался ему совершенно неизвѣстенъ: онъ былъ не его руки, затѣмъ заключалъ совершенно неизвѣстное письмо К. Ѳ. Рылѣва, а стихи, дѣйствительно, были тѣ самыя, которые онъ далъ Молчанову, но, давая ихъ Молчанову, онъ не дѣлалъ надписи на 14 декабря.

Коммиссія опредѣлила допросить по дѣлу Молчанова. На запросъ Коммиссіи, 26 же сентября Молчановъ отвѣчалъ нѣсколько неясно, что копія съ письма Рылѣва не у него найдена и ея никогда у него не было, но стихи на 14 декабря получены имъ дѣйствительно отъ Алексѣева. О подробностяхъ полученія Молчановъ сообщалъ слѣдующее:

„Котораго числа именно я получилъ оныя стихи, точно упомянуть не могу; а получилъ ихъ въ февралѣ мѣсяцѣ, проходя изъ Москвы въ Петербургъ

съ ремонтомъ. Говоря про Пушкина стихи, онъ, Алексѣевъ, и сказалъ, что у него есть послѣднее его сочиненіе, и показалъ оныя мнѣ; я у него попросилъ ихъ списать,—безъ всякаго намѣренія, но только изъ одного желанія имѣть Пушкина сочиненія стихи. Чьей рукой оныя стихи были написаны, я этого не знаю, а для чего я не предъявилъ оныхъ начальству, потому что не пожелалъ, чтобы оныя стихи могли имѣть какое дурное вліаніе на другихъ“.

Въ дополненіе къ этому показанію Коммиссія постановила спросить у Молчанова, кѣмъ и когда именно были найдены возмутительныя стихи на 14 декабря, тѣ ли самыя, которые при дѣлѣ имѣются, или какіе другіе, а также была ли на полученныхъ имъ отъ Алексѣева стихахъ сдѣлана надпись „на 14 декабря“ или нѣтъ. Отвѣтъ Молчанова опять былъ не совсѣмъ ясенъ. Онъ отвѣчалъ (26 же сентября):

„Оныя стихи никогда у меня найдены не были, а далъ я ихъ русскому учителю Леопольдову, который и показалъ, что получилъ ихъ отъ меня; стихи точно тѣ самыя, которые я далъ Леопольдову, но они переписаны, ибо я далъ ихъ ему, они были написаны на четвертушкѣ; а письма не было, котораго я никогда не видалъ:—что жъ касается была ли надпись надъ стихами, этого я совершенно не помню: а можно будетъ видѣть по тѣмъ, которые я далъ Леопольдову. О теперешнемъ жительствѣ Леопольдова не знаю“.

На сцену выдвигалось новое лицо, которое необходимо было допросить. Отнесясь къ Московскому оберъ-полицмейстеру съ предложеніемъ доставить Леопольдова въ Коммиссію, Коммиссія 27 сентября затребовала отъ Алексѣева и Молчанова подробныхъ указаній о мѣстѣ передачи преступной рукописи и ея внѣшнемъ видѣ. Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ отдалъ Молчанову стихи въ Новгородѣ, но формата и цвѣта бумаги не помнитъ: онъ твердо помнитъ только то, что они были переписаны имъ собственноручно. Молчановъ подтвердилъ, что стихи получилъ въ Новгородѣ. „Бумага—показывалъ онъ—кажется, была бѣлая, а вѣрно не помню, бумага была бѣлая съ черными кантиками; а далъ я ихъ, эти стихи, въ іюнѣ мѣсяцѣ русскому учителю Леопольдову“. Противъ этого

показанія Молчанова Коммиссія выставила Молчанову слѣдующій вопросъ:

„Въ дополнительномъ Вашемъ показаніи, данномъ Вами въ судѣ вчерашняго числа, вы пишете, что была ли надпись надъ стихами, этого совершенно не помните, а можно видѣть по тѣмъ, которые Вы дали Леопольдову, но почему же вы въ подпискѣ Вашей, данной 8 числа сентября, объявили именно сими словами ¹: что Вами получены стихи сочиненія Пушкина на 14 декабря; объясните на сіе, по всей справедливости, была ли она надпись или нѣтъ, а когда не было, то отчего въ подпискѣ вашей сіе было написано?“

Молчановъ объяснилъ:

„была ли надпись надъ стихами, то я повторяю, что совершенно не помню; а почему я въ своемъ показаніи пишу, что они на 14 число, то мнѣ Алексѣевъ говорилъ самъ, что они на оное число сочинены Пушкинымъ“.

Между показаніями Молчанова и Алексѣева получалось разнорѣчіе, которое Коммиссія попыталась разрѣшить очной ставкой, данной 27 сентября. Но Алексѣевъ утверждалъ и на очной ставкѣ, что „на отданныхъ имъ стихахъ не было надписи „на 14 декабря“, и что „не въ бытность оной не зачѣмъ ему было говорить на словахъ то, что не написано, а къ тому же онъ получилъ ихъ прежде сего времени“. А Молчановъ остался тоже при своемъ: „я говорю—показывалъ онъ—что Г. Алексѣевъ, дававши мнѣ сіи стихи, самъ мнѣ говорилъ, что они сочинены на четырнадцатое число: что и готовъ утверждать клятвенно“. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, зналъ ли Алексѣевъ о примѣненіи стиховъ Пушкина къ 14 декабря и подписывалъ ли онъ ихъ „на 14 декабря“, оставался открытымъ, впредь до объясненія Леопольдова. Но московскій оберъ-полицейстеръ 27 сентября увѣдомилъ Коммиссію,

¹ Молчановъ далъ слѣдующую подписку; „Я, нижеподписавшійся, получилъ стихи сочиненія Пушкина, на четырнадцатое декабря отъ Александра Алексѣева лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка штабъ-капитана, во время моего возвращенія въ С.-Петербургъ съ ремонтомъ въ февралѣ 1826 года. Порпорчикъ Молчановъ. 8 сентября 1826 года Москва“.

„что русскій учитель Леопольдовъ проживалъ Тверской части въ Университетскомъ пансіонѣ по найму въ должности надзирателя, который также числился и по Московскому Университету своекоштнымъ кандидатомъ, а сего года іюля 25 числа выѣхалъ къ родителю своему въ городъ Саратовъ“.

Коммиссія постановила обратиться къ Саратовскому губернатору съ просьбой о доставленіи Леопольдова и, сознавая, что безъ допроса Леопольдова она не можетъ кончить дѣла въ трехдневный срокъ безъ особаго на то разрѣшенія начальства, рѣшила донести объ этомъ великому князю Михаилу Павловичу. Но великій князь предписалъ, чтобы Коммиссія, не останавливая дѣла, кончила его, во исполненіе Высочайшей воли, въ три дня, а о недостающихъ къ дѣлу свѣдѣніяхъ и справкахъ упомянула, гдѣ слѣдуетъ. Послѣ этого предписанія Коммиссіи оставалось только привести дѣло къ концу. 27 сентября Алексѣеву было сдѣлано священническое увѣщаніе, дабы онъ открылъ лицо, передавшее ему стихи, но Алексѣевъ „ни въ чемъ сознанія не учинилъ, а остался при прежде данныхъ имъ Коммиссіи показаніяхъ“. Затѣмъ Коммиссія сличила почеркъ находившейся въ ихъ рукахъ преступной рукописи съ почерками Алексѣева и Молчанова и не нашла никакого сходства. На этомъ судопроизводство трехдневной Коммиссіи было закончено.

27 сентября была составлена „выписка“ или конспектъ всего дѣла и прочитана Алексѣеву. Алексѣевъ дополнилъ свои оправданія слѣдующимъ разъясненіемъ:

„къ оправданію своему имѣю то сказать, что хотя и имѣлъ у себя сіи стихи, но безъ намѣренія, находя ихъ совершенно незначущими, такъ я полагаю; тѣмъ болѣе сіе доказываетъ и то, что, не бывъ въ связи и коротко знакомымъ съ г-мъ Молчановымъ, отдалъ ему оныя. Касательно же необъявленія мною того лица, отъ котораго оныя выписаны, то призываю въ свидѣтели всемогущаго Бога, что не скрылъ и не утаилъ бы отъ правительства онаго, зная совершенно, что сіе объясненіе служило бы моимъ оправданіемъ, и не подвергалъ бы позору носимой мною фамиліи и престарѣлому и израненному отцу моему и матери огорченія и стыда имѣть недостойнаго сына. Рѣшительно оканчиваю клятвою, что не смѣю оклеветать другихъ, ибо не помню, у кого выписаны оныя были мною. Знаю, что подвергаюсь всей строгости законовъ“.

Сентенція Комиссіи отъ 29 сентября оказалась очень суровой.

Комиссія

„нашла подсудимаго шт.-кап. Алексѣева виновнымъ въ содержаніи у себя противу долга присяги и существующихъ узаконеній въ тайнѣ отъ своего начальства и передачѣ другимъ такихъ возмутительныхъ стиховъ, кои по содержанію своему, въ особенности послѣ проишествія 14 декабря, совершенно по смыслу злодѣевъ, покушавшихся на разрушеніе всеобщаго спокойствія, въ необъявленіи въ свое время сочиненія сего начальству, какъ того требуетъ долгъ честнаго и вѣрнаго офицера и русскаго дворянина, и въ упорномъ предѣ начальствомъ и судьями сокрытіи того, отъ кого онъ получилъ тѣ стихи; и за таковыя учиненныя имъ преступленія,—на основаніи указовъ, состоявшихся въ 31 день Декабря 1682 и въ 21 Мая 1683 приговорила онаго къ смертной казни“.

Комиссія повергала свое заключеніе на воззрѣніе великаго князя. 29 сентября все производство было отослано къ нему.

4.

3 октября великій князь Михаилъ Павловичъ представилъ вседѣло съ сентенціей Комиссіи и мнѣніями—своимъ и графа Орлова—начальнику Главнаго штаба барону Дибичу для доклада государю. Дежурный генераль, г.-ад. Потаповъ, находя, что дѣло не приведено въ надлежащую ясность, затребовалъ 20 октября мнѣнія Аудиторіатскаго Департамента. 23 октября требуемое мнѣніе было уже доставлено. Аудиторіатскій Департаментъ считалъ необходимымъ для дополненія дѣла отобрать показанія отъ прикосновенныхъ лицъ: Леопольдова, Пушкина и Молчанова. Леопольдовъ долженъ былъ дать отвѣты на вопросы: когда онъ получилъ отъ Молчанова стихи, на какой бумагѣ и чьей рукой они писаны, была ли надпись „на 14 декабря“, гдѣ полученный имъ отъ Молчанова экземпляръ, послужившій оригиналомъ для находящагося въ дѣлѣ, и не его ли рукой переписанъ этотъ послѣдній. Отъ А. Пушкина над-

лежало отобрать показаніе: „имъ ли сочинены означенные стихи; когда, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное; въ случаѣ же отрицательства, неизвѣстно ли ему, кѣмъ оны сочинены“. Наконецъ, прапорщикъ Молчановъ долженъ быть спрошенъ, „для чего, о полученныхъ имъ въ февралѣ стихахъ не донеся тогда же начальству, далъ оны въ іюнѣ Леопольдову и (когда данные имъ на четвертушкѣ отысканы будутъ) чтобы объяснилъ, тою ли самой рукой писаны, какъ даны Леопольдову и кѣмъ подписаны на 14 декабря. Комиссіи же военнаго суда, коей дополненіе дѣла сего поручено будетъ—заканчивалъ свое мнѣніе Аудиторіатъ—все означенныя показанія и касающіяся онымъ обстоятельства прилежно и немедленно разсмотрѣть и свое на законномъ основаніи заключеніе представить по начальству, а между тѣмъ шт.-кап. Алексѣева содержать арестованнымъ“.

25 октября послѣдовала Высочайшая резолюція: „исполнить по мнѣнію Аудиторіатскаго Департамента—продолжать въ той же судной Комиссіи“.

29 октября Начальникъ Главнаго штаба увѣдомилъ Михаила Павловича о резолюціи и предписалъ управляющему Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выслать въ С.-Петербургъ Леопольдова.

Но пока дѣло шло по инстанціямъ, войска, пришедшія въ Москву на коронацію, уже отправились на свои постоянныя квартиры, и Комиссія, судившая Алексѣева и состоявшая изъ штабъ- и оберъ-офицеровъ л.-гв. Конно-егерскаго дивизіона, присоединилась къ своему полку, стоящему въ Новгородѣ. Поэтому великій князь, отвѣчая, какъ командующій московскимъ отрядомъ Гвардейскаго корпуса, 4 ноября начальнику Штаба, предлагалъ послѣднему обратиться къ Командующему Гвардейскимъ корпусомъ, т.-е. къ нему же, Михаилу Павловичу (это была необхо-

димая формальность!) и приказать распорядиться „о продолженіи нынѣшнихъ дѣйствій Коммисіи по сему дополненію дѣла въ Новгородѣ, дабы членовъ онаго суда симъ новымъ порученіемъ не отлучить отъ занятій“. Михаилъ Павловичъ дополнилъ мнѣніе Аудиторіата своимъ заключеніемъ, которое не предвѣщало ничего хорошаго для Пушкина.

„При чемъ имѣю честь Вашему Высокопревосходительству присовокупить, что я считаю нужнымъ не только выслать въ Новгородъ прикосновеннаго къ означенному дѣлу учителя Леопольдова, но *истребовать отъ сочинителя стиховъ А. Пушкина показаніе, его ли дѣйствительно сочиненія извѣстные стихи; съ какою цѣлію имъ сочинены они и кому отъ него переданы, и доставить въ Новгородъ находящихся нынѣ въ вѣдѣніи Московскаго Коменданта подъ арестомъ шт.-кап. Алексѣева и прапорщика Молчанова, и если Коммисія почтетъ нужнымъ, то и самого Пушкина*“.

Михаилъ Павловичъ обратилъ особое вниманіе на Пушкина. Аудиторіатъ, смотря на него, какъ на прикосновеннаго, предлагалъ спросить, онъ ли, а если не онъ, то кто писалъ стихи и откуда онъ узналъ о намѣреніяхъ злоумышленниковъ, разъ стихи были написаны до 14 декабря. Михаилъ Павловичъ привязывалъ Пушкина тѣснѣе къ дѣлу. Отвѣты на вопросы, съ какой цѣлью стихи были имъ написаны и кому переданы, могли сильно запутать его. Михаилу Павловичу, конечно, была извѣстна судьба Пушкина и результатъ его бесѣды съ Николаемъ Павловичемъ 8 сентября 1826 года. Не могъ онъ, конечно, не знать, что если Пушкинъ до сихъ поръ не фигурировалъ въ дѣлѣ, то на это была воля Николая, знавшаго объ авторствѣ Пушкина отъ Бенкендорфа еще при самомъ возникновеніи дѣла.

5.

Первое засѣданіе Коммисіи, вновь призванной судить, состоялось 12 января 1827 года. Къ этому времени были доставлены

въ Новгородъ изъ Москвы—Алексѣевъ и Молчановъ и 29 декабря 1826 года изъ Петербурга—разысканный Леопольдовъ¹. Въ составѣ суда ассесоръ Вунчъ былъ замѣненъ поручикомъ Ренненкампомъ.

12 января 1827 года Коммиссія вызвала въ засѣданіе Алексѣева, Молчанова, Леопольдова. Алексѣеву былъ предложенъ вопросъ о мѣстожителствѣ „сочинителя А. Пушкина“. Онъ отвѣчалъ: „я ничего не знаю, не былъ никогда съ нимъ знакомъ“. Молчанову былъ сдѣланъ слѣдующій запросъ:

„въ дополненіе прежде данныхъ Вами сей Коммиссіи отвѣтствій, покажите
1) для чего Вы, о полученныхъ вами въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго 1826 года стихахъ не донеся тогда же начальству, дали оныя въ іюнѣ учили Леопольдову?

2) Неизвѣстно ли вамъ, гдѣ именно проживаетъ нынѣ сочинитель А. Пушкинъ?

Молчановъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

„не донесъ я объ этихъ стихахъ, ибо не прилагалъ къ нимъ никакой важности.—Вѣрно, не далъ бы ихъ человѣку, котораго едва зналъ, ежели бы считалъ ихъ важными. Не могу знать, гдѣ сочинитель оныхъ стиховъ находится, и никогда не былъ съ нимъ знакомъ“.

Леопольдовъ на вопросы Коммиссіи далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Честь имѣю отвѣтствовать Коммиссіи слѣдующее:

1) Стихи получены мною отъ Г. Молчанова въ концѣ Іюля мѣсяца минувшаго года.

2) Оныя стихи написаны были на желтой четвертушкѣ.

3) Чьею рукою они писаны, мнѣ неизвѣстно.

4) Надписи на оныхъ: на 14 Декабря —не было; я поставилъ самъ оную въ соотвѣтственность содержанія оныхъ.

5) Экземпляръ, полученный мною отъ Г. Молчанова, я съ человѣкомъ отослалъ назадъ ему; слѣдовательно, онъ у него долженъ быть.

6) Стихи, списанные съ экземпляра, взятаго мною у Г. Молчанова, и письмо К. Рылѣева къ женѣ-его (которое я получилъ не отъ г. Молчанова) писаны собственною моею рукою.

¹ По розыскамъ оказалось, что Леопольдовъ пріѣхалъ въ Сердобскъ 19 августа, а 29 сентября уѣхалъ въ Петербургъ.

7) Сочинитель оныхъ мнѣ неизвѣстно, гдѣ проживаетъ.

Передача же или временное оставленіе мое оныхъ стиховъ у одного знакома (тогда жившаго въ Москвѣ калужскаго помѣщика 14 класса Коноплева), черезъ котораго обнаружились оныя предъ Правительствомъ, извѣстно высшему начальству, которое положило начало сему дѣлу“.

Вполнѣ естественно было спросить теперь у Леопольдова, почему же онъ, сознавая возмутительность этихъ стиховъ, не донесъ о нихъ по начальству, да еще собственноручно поставилъ точку надъ і: переписавъ ихъ, далъ имъ заглавіе „на 14 декабря“. Леопольдовъ 13 января далъ слѣдующій любопытный отвѣтъ:

„Медлительность въ обнаруженіи оныхъ стиховъ правительству происходила отъ слѣдующихъ причинъ: 1) Потребно было время развѣдать, не извѣстны ли уже оныя стихи правительству; ежели они были бы извѣстны, то въ такомъ случаѣ доносъ мой былъ бы не у мѣста. 2) Начальство высшее въ то время переѣзжало изъ С.-Петербурга въ Москву по случаю Высочайшей Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ; посему и самое Его мѣстопребываніе меня въ этомъ дѣлѣ могло затруднять. 3) Я имѣлъ нужду немедленно отправиться къ родителю, для оказанія ему пособій.

Приписка сверху: на 14 Декабря сдѣлана мною безъ всякаго другаго намѣренія, кромѣ того, что они, какъ замѣтно, изображаютъ исторію 14 Декабря 1825 года“.

Теперь Комиссіи предстояло разыскать тотъ экземпляръ стиховъ, который, по словамъ Алексѣева, написанъ имъ, переданъ Молчанову, отъ него перешелъ Леопольдову и, по словамъ послѣдняго, былъ возвращенъ имъ Молчанову. Когда Комиссія сообщила Молчанову данный Леопольдовымъ отвѣтъ, Молчановъ рѣшительно высказалъ, что онъ отъ Леопольдова стиховъ этихъ обратно не получалъ. Въ доказательство онъ просилъ привести его къ присягѣ. На запросъ Комиссіи о возникшемъ недоразумѣніи Леопольдовъ далъ поясненіе:

„Собственными руками тѣхъ стиховъ я точно не отдавалъ г. Молчанову, а отослалъ ихъ съ человѣкомъ Г-жи Вадковской, котораго имя Василій. Мнѣ не извѣстно, отъ чего онъ ему не доставилъ. Но однакожъ на другой день за столомъ я г. Молчанова спрашивалъ, получилъ ли онъ оныя; онъ отвѣчалъ,

что онъ не получалъ; спросилъ того человѣка, съ которымъ я отослалъ оныя стихи, но его не было. И господинъ Молчановъ заключилъ со мною сію рѣчь тѣмъ, что онъ спросить у него и возьметъ. Въ чемъ я также готовъ дать присягу.—Время же, какъ могу припомнить, 27-е число Іюля.

Генеральша Вадковская имѣетъ жительство въ Москвѣ, въ Каретномъ ряду, въ собственномъ домѣ, при ней находится и сей человѣкъ“¹.

На очной ставкѣ 13 генваря Молчановъ рѣзко высказался противъ словъ Леопольдова. Онъ заявилъ, что Леопольдовъ выдумалъ весь разговоръ, и готовъ былъ подтвердить истину своихъ словъ на крестѣ и Евангеліи. А Леопольдовъ на очной ставкѣ утверждалъ:

„Мнѣ не извѣстно, получилъ ли г. Молчановъ стихи, отосланные мною съ показаннымъ человѣкомъ; несмотря на рѣшительный отказъ отъ разговора, бывшаго между нами во время стола (разумѣется не гласно), я подтверждаю данное мною мнѣніе, какъ такое, въ которомъ ни одного слова нѣтъ выдуманнаго, и готовъ со всею откровенностью утвердить то также передъ Святымъ Крестомъ и Евангеліемъ“.

Оставался одинъ путь разыскать истину: найти того человѣка, который, по словамъ Леопольдова, отнесъ стихи Молчанову. Московскій оберъ-полицмейстеръ, по предложенію комиссіи, разслѣдовалъ дѣло, допросилъ всѣхъ четырехъ Васильевъ, которые оказались въ услуженіи у г-жи Елагиной и ея дочери генеральши Вадковской, и бывшаго въ слугахъ у Леопольдова Владиміра Гаврилова. Всѣ они показали, что никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ никакихъ бумагъ Леопольдовъ не посылалъ прапорщику Молчанову и объяснили, что Леопольдовъ жилъ на дачѣ ихъ господъ въ одномъ домѣ съ прапорщикомъ Молчановымъ. 21 января оберъ-полицмейстеръ сообщилъ Комиссіи результаты своихъ розысканій.

---

¹ Молчановъ приходился племянникомъ вдовѣ генераль-маіора Елиз. Петр. Вадковской. См. ея письмо съ просьбами за Молчанова къ Н. Н. Раевскому въ „Архивъ Раевскихъ“, томъ I, С.-Пб. 1908, стр. 351—352.

6.

Тѣмъ временемъ шли розыски сочинителя А. Пушкина. Комиссія не получила указаній о его мѣстожительствѣ отъ допрошенныхъ ею 12 января лицъ, но 12 же окольными путями она освѣдомилась о томъ, что А. Пушкинъ находится въ Псковѣ, потому что 12 же Комиссія отправила секретное отношеніе Псковскому гражданскому губернатору. Въ немъ Комиссія вкратцѣ излагала ходъ разбирательства по дѣлу Алексѣева и приводила мнѣніе великаго князя Михаила Павловича, который полагалъ, между прочимъ, необходимымъ *„истребовать отъ сочинителя стиховъ А. Пушкина показанія: его ли дѣйствительно сочиненія извѣстные стихи, съ какою цѣлію имъ сочинены они и кому отъ него переданы? и если Комиссія почтетъ нужнымъ, то вызвать и самого Пушкина“*.

„На основаніи чего—читаемъ въ отношеніи—нынѣ Комиссія военного суда, освѣдомлясь что означенный А. Пушкинъ проживаетъ въ Г. Псковѣ, покорнѣйше проситъ Ваше Превосходительство объ отобраніи отъ него, Пушкина, вышеизъясненнаго показанія и о доставленіи такового въ сію Комиссію со всевозможною скоростью, не оставитъ сдѣлать ваше распоряженіе; въ случаѣ же выѣзда онаго изъ Г. Пскова куда либо въ другое мѣсто, сообразно приказать, кому слѣдуетъ, развѣдать о томъ обстоятельнѣе и, по узнаніи о настоящемъ его мѣстопребываніи, поспѣшить сообщить прямо отъ себя къ тамошнему начальству объ отобраніи отъ него, Пушкина, сказаннаго показанія и о послѣдующемъ почтить Комиссію вашимъ увѣдомленіемъ.

„При чемъ Комиссія почитаетъ долгомъ Вашему Превосходительству присовокупить, что дѣло о Штабсъ-Капитанѣ Алексѣевѣ Высочайше повелѣно кончить немедленно и самопоспѣшнѣйше, и что по оному теперь, кромѣ одного только показанія А. Пушкина, всѣ прочія затѣмъ свѣдѣнія Комиссіею уже собраны“.

А 13 января, т.-е. на слѣдующій день, Комиссія, получивъ очевидно новыя указанія на то, что Пушкинъ находится въ Москвѣ, обратилась съ отношеніемъ къ Московскому оберъ-полицмейстеру. Здѣсь вопросы Пушкину формулированы нѣсколько иначе:

Дивомъ и глумительнаго характера
 моего. Ону Готу намеренею пожать
 и пожить новыя мои подруги и
 новыя мои бр. Давидъ Андрей
Мелек, намеренною и пожить ка-
 -кимъ бр. вѣрному моему Саввѣ
 -рину.

Она же и пожелала бр. Фран-
 -цузскому подруги, соимъ А. Мелек
 моего перебрата. Она вѣрныя:

и вѣрныя мою невесту свою,
 Котора подруги называется Франсуа
 Берни Саввѣ, вѣрною Андрей
Мелек.

и вѣрныя Французскія и бр.
 Французскія и бр.

и вѣрныя Французскія и бр.
 Французскія и бр. Французскія,
 Французскія: алли дир и вот матре де.

Французскія и бр.

Она же, Французскія.

Французскія и бр. Французскія

Французскія и бр. Французскія

Французскія и бр. Французскія

Наумовъ.

Мнѣ испанскимъ царемъ ---
№ 1793.

Убійцу евангелиста
выбраннаго въ Царствъ
Робертсера и конвенсъ.

Вѣкъ еси тинды никако, Бездѣлю
Будущимъ и многу откоуфъ
№ 14 драбръ.

Не знаю кто надъ мимъ
нормативъ еи внѣшное гашали

Не помню кому мортъ
мръзатъ мовъ Делно А.
Мини.

Александръ Жуковскій

27 эквортъ
1827

Москва

Делъ Библїи́ денемъ нобно
 -гдо, нмо емуду нфт емуд нод
 захобїи́: 14 Дендфд, нмб
 нмфтїонд нфт нмерїд, нобанон
 нмон Андру́ Мленд.

Алла

„По дѣлу... — относилась Коммиссія къ оберъ-полицмейстеру — нужно отобрать суду показаніе отъ прикосновеннаго къ оному дѣлу А. Пушкина: имѣ ли сочинены извѣстные стихи, когда, съ какою цѣлію они сочинены, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное, и кому отъ него сіи стихи переданы. Въ случаѣ же отрицательства, неизвѣстно ли ему, кѣмъ оны сочинены“.

Крайне характерно то, что ни Псковскому губернатору, ни Московскому оберъ-полицмейстеру Коммиссія не сообщила текста стиховъ, ограничившись однимъ только терминомъ „извѣстные“ стихи. Точно всѣ лица и учрежденія должны были сразу понимать, въ чемъ дѣло.

Псковскій губернаторъ отвѣтилъ 21 января (въ Коммиссіи же бумага была получена 25 января), что дѣйствительно А. Пушкинъ, коллежскій секретарь, передъ симъ находился въ г. Псковѣ, но нынѣ находится въ Москвѣ, а поэтому онъ, губернаторъ, отправилъ запросъ суда московскому полицмейстеру ¹. Но помощь Псковскаго губернатора оказалась излишней, потому что уже 22 января Коммиссія заслушала слѣдующую бумагу.

МОСКОВСКАГО

22 генваря 1827 г. (Помѣта о днѣ полученія).

ОБЕРЪ-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

СЕКРЕТНО.

Канцелярія.

Столъ 6.

19 января 1827 года.

№ 38.

Въ Коммиссію военнаго суда, учрежденную лейбъ-гвардіи при Конно-егерскомъ Полку.

Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ оной Коммисіи отъ 13 сего Генваря за № 4 призывалъ я къ себѣ сочинителя А. Пушкина и требовалъ отъ него изъясненное въ томъ отношеніи показаніе, но Г-нъ Пушкинъ далъ мнѣ отзывъ, что онъ не знаетъ, о какихъ извѣстныхъ стихахъ идетъ дѣло, и просить ихъ увидѣть и что не помнитъ стиховъ, могущихъ дать поводъ къ заключенію, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненныхъ, по полученіи же оныхъ онъ дастъ надлежащее показаніе. — О чемъ Коммиссію имѣю честь увѣдомить.

Генераль-Маіоръ *Шумкинъ*.

¹ Переписка Коммиссіи съ Псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ напечатана г. Василевымъ въ упомянутомъ сочиненіи.

Собственно говоря, теперь оказывалась необходимость взять А. Пушкина, но Комmissiя избавила Пушкина отъ „доставленiя“ въ Новгородъ. Выслушавъ вышеприведенное отношенiе, она постановила

„для выигранiя времени, какъ въ отобранiи отъ Сочинителя Пушкина того требующагося показанiя по дѣлу подсудимаго штабсъ-капитана Алексѣева, такъ равно и въ самомъ даже окончанiи онаго, ожидаемомъ вышнимъ начальствомъ, послать къ Г. Московскому оберъ-полицейстеру списокъ съ имѣющихся при дѣлѣ стиховъ, въ особо запечатанномъ отъ Комmissiи конвертѣ на имя самаго А. Пушкина и въ собственныя его руки; но съ тѣмъ однакожь, дабы Г. Полицейстеръ по полученiи имъ означеннаго конверта, не медля ни сколько времени, отдалъ оный лично Пушкину и, по прочтенiи имъ тѣхъ стиховъ, приказалъ ему тотчасъ же оные запечатать въ своемъ присутствiи его, Пушкина, собственною печатью и таковою жъ другою своею; а потомъ сей конвертъ съ обратнымъ на немъ надписанiемъ на имя Комmissiи по секрету, а слѣдующее отъ него А. Пушкина противу отношенiя Комmissiи отъ 13-го Января за № 4-мъ надлежащее показанiе по взятiи у него не оставилъ бы, въ самой невозможной поспѣшности, доставить въ сiю Комmissiю при отношенiи“.

Дѣло совершалось, дѣйствительно, очень быстро. 30 января Комmissiя уже заслушала слѣдующее отношенiе.

МОСКОВСКАГО

Полу. Утромъ 30 Января 1827 г.

ОБЕРЪ-ПОЛИЦЕЙСТЕРА

СЕКРЕТНО.

ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

Въ комиссiю военнаго Суда, учрежденную Лейбъ-Гвардiи при конно-Егерскомъ полку.

ШУЛЬГИНА 2-го.

Въ слѣдствiе отношенiя оной Комmissiи отъ 22-го, а мною полученнаго 26-го сего Января за № 5 съ приложенiемъ въ особо запечатанномъ ею конвертѣ на имя сочинителя А. Пушкина списка съ тѣхъ стиховъ, о коихъ производится оною комиссiею дѣло и на счетъ которыхъ она требуетъ показанiя у Пушкина,—я, приглася его къ себѣ, отдалъ ему тотъ пакетъ лично, который имъ при мнѣ и распечатанъ.— По отобранiи же отъ него Г. Пушкина противъ отношенiя ко мнѣ отъ 13-го Января за № 4 надлежащаго показанiя, оное вмѣстѣ съ тѣми стихами запечатаны въ присутствiи моемъ его собственною печатью и таковою же моею въ особый конвертъ, который съ обратнымъ надписанiемъ на имя комиссiи при семъ честь имѣю препроводить.

„27“ Января 1827.

Москва.

№ 58.

Генераль-Маюръ Шульгинъ.

Итакъ, 27 января 1827 года Пушкинъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ кабинетѣ московскаго оберъ-полицмейстера свои „извѣстные“ стихи въ копіи Леопольдова. Чрезвычайно любопытно отмѣтить, что Пушкинъ перечелъ копію и не могъ удержаться отъ того, чтобы не исправить замѣченныхъ имъ описокъ. Онъ сдѣлалъ три поправки. Такъ, въ стихѣ: Я славилъ твой небесный тронъ— онъ исправилъ „тронъ“ на *тронъ*; въ стихѣ: „И пламенный трибунъ изрекъ во страхъ полный“ онъ, вмѣсто *во страхъ*, написалъ: „восторжъ полный“ и, наконецъ, сдѣлалъ еще очень важную поправку, не вошедшую до сихъ поръ ни въ одно изданіе:

Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
 Все ищетъ вновь упиться имъ,
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бредитъ, жаждою томимъ.

Въ словѣ *бредитъ* онъ зачеркнулъ букву *е* и написалъ сверху *о*—*бродитъ*.

Затѣмъ Пушкинъ написалъ свое объясненіе, которое заняло три страницы листа писчей бумаги, какъ мы и печатаемъ, сохраняя размѣръ и расположеніе строкъ ¹:

(1).

Сии стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи *Андрей Шенье*, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ Стихотвореній.

¹ П. А. Ефремовъ съ нашихъ словъ сообщилъ свѣдѣнія о дѣлѣ Алексѣева въ примѣчаніяхъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“ (С.-Пб., т. VIII, 1905, стр. 596 и сл.), отмѣтилъ поправки, сдѣланныя Пушкинымъ, и сообщилъ по нашей копіи объясненіе Пушкина, печатавшееся до сихъ поръ по копіямъ въ очень искаженномъ видѣ. Последнее изданіе Пушкина (ред. С. А. Венгерова), къ сожалѣнію, не внесло въ текстъ элегіи этой поправки.

Они явно относятся къ Французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славиль твой небесный громъ
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню
 Взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ
 Шенье.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ—
 Присяга du jeu de paume, и отвѣтъ
 Мирабо: allez dire a votre maître etc
 И пламенный трибунъ и проч.
 Онъ же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонъ
 Святыхъ изгнанниковъ входили славны
 тѣни

Перенесене тѣлъ Вольтера и Руссо въ

(2).

Пантеонъ.

Мы свергнули царей — — —
 въ 1793.

Убійцу съ палачами
 Избрали мы въ Цари

Робеспьера и конвентъ.

Всѣ сіи стихи никакъ, безъ явной
 безсмыслицы не могутъ относится
 къ 14 декабрю.

Не знаю кто надъ ними
 поставилъ сіе ошибочное заглавіе
 Не помню кому могъ я
 передать мою Элегію А.
 Шенье.

Александръ Пушкинъ.

27 января
 1827
 Москва

(3).

Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстные подъ заглавіемъ: *14 декабря*, суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною *Андрей Шенье*.

7.

Приобщивъ къ дѣлу разъясненія Пушкина, Коммиссія постановила: „за собраніемъ всѣхъ изъясненныхъ по замѣчаніямъ вышняго начальства показаній, дѣло привести къ окончанію и, сочинивъ изъ него дополнительную выписку, сдѣлать на основаніи законовъ заключеніе, и все оное съ прежнимъ производствомъ дѣла представить по порядку на разсмотрѣніе“. Выписка была составлена и 31 января прочитана Алексѣеву. Затѣмъ были подведены законы. Какъ всегда въ военно-судныхъ дѣлахъ, эта часть дѣла оказалась очень слабой.

---

1) Приводимъ своеобразную аргументацію, подобранную оберъ-аудиторомъ Ивановымъ и доказывающую правильность дѣйствій Коммиссіи: „А въ законахъ изображено:

„Уложенія 10-й главы 160 пунктомъ, кто на кого пошлется, и тѣ люди не противъ его ссылки хоть одинъ не по немъ скажетъ, и тѣмъ его обвинить потому, что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, и они сказали не противъ его ссылки.

Воинскихъ процессовъ главы 1-й пунктомъ 5-мъ. Власть судейская по-

Въ своей сентенціи Коммиссія опредѣляла:

„По внимательномъ всѣхъ вышепроеписанныхъ обстоятельствъ разсмотрѣніи и соображеніи согласно возложенному на нее порученію, 1-е) хоть по сему новому обслѣдованію и открылось нынѣ, что на тѣхъ стихахъ, которые имѣлъ у себя подсудимый шт.-кап. Алексѣевъ, передалъ Др. Молчанову, а онъ отдалъ канд. Московскаго Университета Леопольдову (какъ въ судѣ о томъ сознанся) въ соотвѣтственность содержанія оныхъ, безъ всякаго другого намѣренія, кромѣ того что они, какъ замѣчено, изображаютъ исторію 14-го Декабря 1825 года; но поелику указомъ 1800 Ноября 23-го... (см. прим.), то, по точнымъ словамъ указа 1800 года Ноября 23, и на основаніи Высочайшаго по губерніяхъ

мянутыхъ кригсрехтовъ не распространяется далѣе, яко надъ офицеры, солдаты и прочими къ войску низлежащими людьми, между которыми офицерскіе служители, харчевники и прочіе кромѣ женъ и младенцевъ разумѣютъ.

2-й части Главы 1-й пунктомъ 3-мъ. Напротивъ же долженъ отвѣтчикъ невинность свою основательнымъ доказаніемъ, когда потребно будетъ оправдать, и учиненное на него доношеніе правдою опровергнуть.

Пунктомъ 4-мъ. Ежели челобитчикъ оного доказу на свое челобитье не имѣеть, и того ради, похощеть правду свою утвердить присягою, то сіе принято быть не можетъ, понеже въ такомъ случаѣ отвѣтчиково отрицаніе таково же, какъ и челобитчиково признаніе, и буде они принуждены будутъ оба присягать и тогда болѣе на сторонѣ отвѣтчиковой, нежели челобитчиковой правда быть имѣеть.

Той же части 2-й главы пунктомъ 1-мъ. Когда кто признаетъ, чѣмъ онъ виненъ есть, тогда дальшаго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе, есть лучшее свидѣтельство всего свѣта.

Главы 5-й той же части пунктомъ 2-мъ. Когда челобитчикъ отвѣтчика нѣкоторою причиною обвинить, которую онъ токмо полученнымъ основаніемъ доказать можетъ, или отвѣтчикъ въ явныхъ собраніяхъ такимъ же образомъ обнесетъ а иныхъ доказовъ имѣть не можетъ, то повиненъ онъ свое дѣло присягою удостовѣрить.

Пунктомъ 4-мъ сію присягу очистительную надлежитъ всегда отвѣтчику, а не челобитчику чинить, а ежели челобитчикъ къ челобитью своему никакого иного свидѣтельства обрѣсть не можетъ и похощеть на то присягать, то не подлежитъ его къ такому допускать, но въ томъ ему отказать.

Пунктомъ 7-мъ. Токмо судьямъ не подлежитъ вскорѣ онаго къ присягѣ принуждать, но прежде всемірно трудитися черезъ иные способы правды извѣдать, понеже сія присяга презираема и осторожности достойна есть.

3-й части 1-й Главы пунктомъ 4-мъ приговоръ надлежитъ токмо надъ челобитчикомъ и отвѣтчикомъ чинить, хотя при оныхъ дѣлѣхъ и постороннія случаются особы, однакожъ о всемъ упомянуть потребно и ничего въ томъ

учрежденія главы 10 статьи 130...¹ Коммиссія, не перемѣняя ни въ чемъ заключенія прежней своей сентенціи 29 числа сентября прошлаго 1826 года, основанной по разуму указовъ: 31-го Декабря 1682 и 21 Маія 1683 годовъ, свойственно признаннымъ его Алексѣева преступленіямъ, оставляетъ положительность приговора въ той же самой настоящей онаго силѣ и предаеть все сіе на благоусмотрѣніе вышней власти. 2) Поступки другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу въ противность законамъ, судомъ обваруженные и заключающіяся въ слѣдующемъ, а именно: Прап. Молчанова въ пріемѣ имъ отъ Шт.-Кап. Алексѣева означенныхъ возмутительныхъ стиховъ, передачѣ отъ себя таковыхъ кандидату Леопольдову и въ недонесеніи объ оныхъ начальству; и кандидата Леопольдова, который, получа отъ прап. Молчанова тѣ стихи въ концѣ Іюля мѣсяца минувшаго года, безъ надписи на оныхъ: на 24-е Декабря, тоже не представилъ ихъ правительству, по разнымъ будто своимъ причинамъ, а еще переписалъ оныя съ письмомъ государственнаго преступника Рылѣва къ женѣ его на другую бумагу собственною своею рукою и, сдѣлавъ самъ приписку сверху на оныхъ стихахъ на 14-е Декабря, якобы въ соотвѣтственность содержанія оныхъ и безъ всякаго другаго намѣренія, кромѣ того, что они, какъ замѣчено, изображаютъ исторію 14-го Декабря 1825-го года, передалъ письмо и стихи сія, какъ бы на время, одному своему знакомцу, тогда жившему въ Москвѣ, калужскому помѣщику 14-го класса Коноплеву, чрезъ коего уже обнаружились оныя и предъ правительствомъ. А съ оными вмѣстѣ и отвѣтъ, данный Александромъ Пушкинымъ (приводится вкратцѣ объясненіе Пушкина). Какъ сей Коммиссія, власти и приговору, по смыслу воинскихъ процессовъ главы 1-й пункта 5-го и 3-ей части главы 1-й пункта 4, неподлежація,

случившагося не умолчать, какія жалобы принесены, и что отвѣтствовано для лучшаго рѣшенія и приговоромъ объявить.

Наказа Императрицы Екатерины 2-й 125-ю статью дѣлать присягу чрезъ частое употребленіе весьма общею, ничто иное есть, какъ разрушать силу ея крестнаго цѣлованія не можно ни въ какихъ другихъ случаяхъ употреблять, какъ въ тѣхъ только, въ которыхъ клянущійся никакой собственной пользы не имѣетъ, какъ то судъ и свидѣтели.

Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія Главы 10-й статью 130-ю одна палата не можетъ отмѣнить рѣшеніе другой палаты, не собственныхъ своихъ перевѣршивать.

Указомъ 1800 Ноября 23-го, военному суду или коммиссіи не позволено своихъ мнѣній заключать, кромѣ законнаго приговора: ибо военный судъ не есть разрѣшеніе винъ, а по точномъ изысканіи оныхъ осужденіе преступника по всей строгости законовъ⁴.

¹ Текстъ Указа и Статьи учрежденія о губерніяхъ приведенъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

представить таковыя особенному вниманію вышняго начальства. 3) Дальнѣйшаго отысканія того экземпляра стиховъ, каковой былъ полученъ Леопольдовымъ отъ Молчанова и который впоследствии между двумя ими неизвѣстно какъ затерянъ, или кѣмъ изъ нихъ сокрытъ, болѣе уже не дѣлать. А засимъ 4-е) и отобраніе отъ прапорщика Молчанова объясненія, по замѣчанію Аудиторіатскаго Департамента Главнаго Штаба Е. И. В. „тою ли самую рукою данные имъ Леопольдову“ на четвертушкѣ стихи писаны“. Какъ въ семь случаяхъ есть собственное уже послѣдняго т. е. Леопольдова сознание нужнымъ не почитать. 5-е) Препровожденные въ сію Комиссію вмѣстѣ съ означеннымъ военносуднымъ дѣломъ бумаги въ особо запечатанномъ конвертѣ, найденныя въ квартирѣ подсудимаго Шт.-Кап. Алексѣева и вновь присутствующими нынѣ пересмотрѣнныя, какъ ничего въ себѣ значительнаго не заключающія, кромѣ однихъ партикулярныхъ переписокъ и собственныхъ его Алексѣева счетовъ, отдать ему обратно тогда, когда дѣло о немъ будетъ совершенно окончено. 6) Истребованныя Г. Московскимъ комендантомъ изъ тамошней комиссаріатской комиссіи, на прогоны до Нова Города для шт.-кап. Алексѣева и прап. Молчанова 300 руб. 60 копѣекъ, а равно и отпущенные изъ комиссаріатскаго департамента Военнаго Министерства на проѣздъ до Нова Города Оберъ-Аудитору 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи 9-го класса Иванову 30 р. 84 копѣйки, слѣдующіе для обращенія въ казну на основаніи записки Г. Военнаго Министра, утвержденной Комитетомъ ГГ. Министровъ 24 Апрѣля 1818 года съ виновныхъ, взыскать какъ съ подсудимаго шт.-кап. Алексѣева, такъ и съ прикосновенныхъ къ оному дѣлу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, со всякаго по равной части. 7) Здѣсь же присовокупить о службѣ и о поведеніи шт.-кап. Алексѣева тѣ свѣдѣнія, какіе доставлены объ немъ отъ командира Лейбъ-Гвардіи конно-Егерскаго полка Г. Генераль-Маіора и Кавалера Слатвинскаго, послѣ уже окончанія надъ онымъ суда въ Москвѣ и по которымъ видно: что онъ 25 лѣтъ, генераль-лейтенанта сынъ, Пензенской губерніи, нажемъ 809 Ноября 6, въ службѣ прапорщикомъ 819 Апрѣля 6, въ конно-Артилерійскую № 22-ю роту, изъ оной въ конно-Егерскій Его Величества короля виртембергскаго полкъ 819-го Августа 7-го, поручикомъ 819 Ноября, назначенъ адъютантомъ къ начальнику 2-й конно-Егерской дивизіи Генераль-Лейтенанту графу Палену 821-го Мая 11-го, штабъ-капитаномъ 823-го Ноября 26, переведенъ въ Лейбъ Гвардіи Конно-Егерскій полкъ съ оставленіемъ при прежней должности 825-го Августа 22-го, обращенъ во фронтъ того же года декабря 23-го, въ походахъ не бывалъ, наукамъ обучался, въ отпускахъ находился и въ 1-й разъ просрочилъ одинъ мѣсяць, а въ другой разъ не явился въ срокъ по болѣзни, но представилъ объ оной свидѣтельство; въ штрафахъ не бывалъ, холостъ, по формуляру конно-Егерскаго Его Величества короля Виртембергскаго полка аттестованъ достойнымъ, ведетъ себя по службѣ хорошо, имѣетъ способности ума хорошіе, къ пьянству и игрѣ не преданъ, знаетъ иностранныя языки нѣмецкій и французскій, въ хозяйствѣ хороши; въ

полку же Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерьскомъ на службѣ не состоялъ, а потому по службѣ ему генераль-Маіору Слатвинскому не извѣстенъ и наконецъ 8) заключеніе сіе подсудимому штабсъ-капитану Алексѣеву объявить. Онъ же и прапорщикъ Молчановъ содержатся нынѣ подъ арестомъ Лейбъ-Гвардіи при Конно-Егерьскомъ полку, а кандидатъ Леопольдовъ находится въ веденіи Новгородской Градской полиціи.

8.

Затѣмъ дѣло и сентенція пошли на разсмотрѣніе начальства. 1 февраля 1827 далъ свое мнѣніе командиръ лейбъ-гвардіи конно-егерьскаго полка г.-м. Слатвинскій; 4 февраля—начальникъ дивизіи г.-ад. Чичеринъ; 10 февраля—командиръ 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса г.-ад. Депрерадовичъ и, наконецъ, 28 февраля—командующій гвардейскимъ корпусомъ великій князь Михаилъ Павловичъ. 24 февраля великій князь препроводилъ дѣло съ вышеуказанными заключеніями Управляющему Главнымъ Штабомъ генералу отъ инф. графу Толстому для всеподданнѣйшаго доклада. 3 марта дѣло поступило въ Аудиторіатъ, а 12 марта дежурный генераль Потаповъ уже объявлялъ аудиторіату, что Государю „угодно, чтобъ поступившее въ Аудиторіатскій Департаментъ военно-судное дѣло л.-гв. конно-егерскаго полка о штабсъ-капитанѣ Алексѣевѣ окончено было немедленно“. Замѣчательна совершенно необычная скорость, съ которой разбирали это дѣло. Быть можетъ, требованіе спѣшнаго разсмотрѣнія дѣла, предъявленное Аудиторіату, являлось результатомъ ходатайства Леопольдова.

Когда дѣло находилось уже въ Аудиторіатѣ, Леопольдовъ, прикрѣпленный къ Новгороду, обратился къ Михаилу Павловичу съ просьбой объ освобожденіи. Онъ просилъ о немъ тономъ чловѣка, ожидавшаго награды и не понимающаго, за что его караютъ. Онъ писалъ:

ВАШЕ Императорское Высочество!

„Я прикосновененъ къ дѣлу о возмутительныхъ стихахъ, въ ложномъ и дерзкомъ видѣ касающихся священной особы Его Императорскаго Величества

и исторіи 14-го Декабря 1825 года. По сему случаю 28-го Декабря минувшаго года я отправленъ изъ С.-Петербурга въ Новгородъ для личныхъ объясненій предъ военною Коммиссіею, Высочайше учрежденною по оному дѣлу при Лейбъ Гвардіи Конно-егерскомъ полку. Дѣйствія сей Коммиссіи уже доведены до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества.

Никогда не питавъ въ душѣ моей злонамѣренныхъ мыслей противъ Правительства, въ настоящемъ дѣлѣ я хотѣлъ только исполнить то, къ чему обязанъ присягою всякій вѣрноподанный. Потому совершенно увѣренъ, что правый судъ Его Императорскаго Величества не причислитъ меня къ сторонѣ неправыхъ по сему дѣлу. Святость и правота законовъ есть самая надежная защита для невиннаго.

При всемъ томъ, я, и въ дѣлѣ законномъ, подверженъ самой бѣдственной участи. Проѣздъ изъ Саратовской губерніи до С.-Петербурга собственно по сему дѣлу, проживаніе въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ лишило меня всего, что я ни имѣлъ. Къ довершенію моего несчастнаго положенія я отправленъ въ Новгородъ для отвѣтовъ предъ вышесказанной коммиссіею безъ всего, что можетъ обезопасить здоровье и самую жизнь человѣка. Теперь нахожусь въ совершенной крайности.

Ваше Императорское Высочество! облегчите злополучную участь мою, повелите, ежели сіе не можетъ нарушить законнаго порядка, обратно отправить меня изъ Новгорода въ С.-Петербургъ, гдѣ я могу имѣть средства ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла по крайней мѣрѣ безъ опасенія для моего здоровья и для самой жизни.

Вашего Императорскаго Высочества преданнѣй-
шій—Императорскаго Московскаго Университета Кан-
дидатъ Словесныхъ наукъ Андрей Леопольдовъ.

1827 года, Марта 9 дня.

18 марта докладъ Аудиторіата былъ уже готовъ и переданъ дежурному генералу на Высочайшую конфирмацію. Въ докладѣ излагался весь ходъ дѣла.

Освобождая себя отъ необходимости излагать вышеуказанныя мнѣнія начальства, ограничимся извлеченіемъ послѣдней части доклада, въ которой Аудиторіатъ дѣлаетъ сводъ мнѣній и свое заключеніе. Курсивомъ отмѣчаемъ мѣста, относящіяся къ Пушкину.

„Командиръ Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерскаго полка Генераль-Маіоръ Слатвинскій мнѣніемъ полагалъ: подсудимаго штабъ-капитана Алексѣева выдержать шесть мѣсяцевъ въ крѣпости, а потомъ выпустить изъ Гвардіи тѣмъ

же чиномъ въ армейскіе полки, на кавказской линіи расположенные.—Прапорщика Молчанова придержать тоже въ крѣпости четыре мѣсяца, буде онъ за означенный его поступокъ еще не былъ наказанъ; Кандидата Леопольдова предать законному сужденію.

Начальникъ дивизіи ген.-ад. Чичеринъ, „въ отношеніи наказанія шт.-кап. Алексѣева и прап. Молчанова и преданія суду Кандидата Леопольдова, соглашаясь съ мнѣніемъ Ген.-Маіора Слатвинскаго, присовокупилъ, что заирательство Шт.-Кап. Алексѣева въ томъ: будто бы не помнить, отъ кого получилъ вышеупомянутые стихи, не можетъ не признать подверженнымъ сомнѣнію, ибо, естли бы онъ Алексѣевъ дѣйствительно о семъ забылъ, то почему же можетъ помнить то, когда и гдѣ оныя получилъ, и что отданные имъ Молчанову (какъ сей показалъ: въ февралѣ 1826 года) стихи были писаны не чужою, а собственною его Алексѣева рукою?

Останавливаясь на фактѣ непризнанія Молчановымъ обстоятельства обратнаго полученія рукописи, генераль Чичеринъ предлагалъ доставить Леопольдова въ Москву и тамъ сдѣлать ему очную ставку со слугами генеральши Вадковской. „А дабы—полагалъ Чичеринъ—не пропустить ни малѣйшихъ слѣдовъ къ открытію, у кого находятся вышеупомянутые стихи, надлежало бы такъ же спросить Леопольдова: отъ кого и когда именно онъ получилъ письмо Государственнаго преступника Рыдѣва, на тотъ конецъ, не отыщется ли у даваго ему списать письмо сіе стиховъ, которые съ тою же цѣлью могли быть взаимно отданы Леопольдовымъ.

Командиръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Ген.-Ад. Депперадовичъ полагалъ: 1-е подсудимому Шт.-Кап. Алексѣеву вмѣнить тюремное заключеніе и теперешнее содержаніе на гауптвахтѣ въ наказаніе, и какъ по дѣлу другихъ явнѣйшихъ уликъ, чтобъ онъ имѣлъ какую либо связь съ злоумышленниками, не открыто, кромѣ, что скрылъ, отъ кого онъ принялъ стихи и симъ заирательствомъ наводитъ на себя въ вышеописанномъ преступленіи сомнѣніе; почему, оставивъ его въ сильномъ подозрѣніи, выдержать въ крѣпости шесть мѣсяцевъ и потомъ выключивъ изъ гвардіи, отправить въ Кавказской корпусъ въ армію. 2-е Прап. Молчанова, который, хотя въ меньшей степени виновенъ, какъ Алексѣевъ, и хотя не былъ судимъ, но преступленіе его довольно ясно открыто и собственнымъ признаніемъ подтверждено, выдержать „также въ крѣпости шесть мѣсяцевъ и отправить въ Нижегородской Драгунской полкъ, какъ уже переведеннаго въ оный изъ Л.-Гв. Конно-Піонернаго Эскадрона, съ тѣмъ, чтобы надъ обоими ими мѣстныя Начальства имѣли строгій присмотръ и что бы они, Алексѣевъ и Молчановъ, не были представляемы ни къ увольненію отъ службы, ни къ переводу въ другіе полки, ни къ награжденію до того времени, пока не заглядятъ содѣянныхъ ими преступленій отличнѣйшею службою. 3-е Кандидата Леопольдова предать Уголовному суду, *амниръ оному въ обязанность по показанію А. Пушкина, что вышеизъясненныя стихи сочинены имъ подъ названіемъ злеія А. Шенье, истребовать отъ*

Пушкина ту злею, сличить съ означенными стихами и по рѣшительномъ открытіи, что точно такъ напечатаны, какъ здѣсь излагаются, за передачу оныхъ изъ рукъ въ руки, опредѣлить и ему взыскаиіе, а доколь справедливыми доказательствами онъ не упритъ гражданскаго правительства, что онъ чуждѣ разсѣванія такихъ зловерныхъ сочиненіи, имѣть его Пушкина въ строюмъ наблюденіи Мѣстнаго начальства

Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ полагалъ: „хотя Коммиссія военнаго суда на основаніи узаконеній и приговорила подсудимаго шт.-кап. Алексѣева¹ къ смертной казни; но его Высочество, примѣняясь къ Монаршему милосердію, полагалъ выдержать его, Алексѣева, одинъ мѣсяць въ крѣпости и потомъ выписать изъ гвардіи въ армейскіе полки тѣмъ же чипомъ.—Что принадлежитъ до прикосновенныхъ къ сему дѣлу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, то какъ изъ нихъ Молчановъ подвергнулся уже оштрафованію переводомъ его изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чипомъ и сверхъ того по дѣлу сему находился въ Москвѣ въ тюремномъ заключеніи и нынѣ содержится подъ арестомъ, то, вмѣнивъ ему сіе въ наказаніе, отправить на службу къ полку, а кандидата Леопольдова предать Гражданскому Уголовному суду, съ тѣмъ, чтобы оный сообразилъ какъ показаніе сочинителя оныхъ стиховъ Пушкина, такъ и цѣль полученія оныхъ отъ Леопольдова помѣщика Коноплева, и по мѣрѣ открытія поступковъ cadaго учинилъ бы законное рѣшеніе“.

Аудиторіатскій департаментъ, рассмотрѣвъ обстоятельства дѣла и всѣ выше приведенныя мнѣнія, совершенно согласился съ мнѣніемъ Михаила Павловича. Заключеніе доклада касательно Леопольдова было формулировано такъ: Кандидата Леопольдова предать Гражданскому Уголовному суду, *кoмy вмѣнить въ обязанность истребовать, въ чемъ нужно будетъ, объясненія отъ сочинителя стиховъ Пушкина и помѣщика Коноплева, получившаго упомянутые стихи отъ Леопольдова и сообразивъ оныя сдѣлать на основаніи законовъ свое заключеніе.*

Докладъ Аудиторіата былъ доложенъ царю. 25 марта Имп. Николай положилъ резолюцію: „быть по мнѣнію Аудиторіатскаго Департамента“. Дѣло прошло свою вторую стадію. Было предписано кончить дѣло въ три дня, но оно началось 25 сентября и

¹ Генералъ Депрерадовичъ, очевидно, не прочелъ объясненія Пушкина.

кончилось 25 марта, но только для одного Алексѣева, который все это время (начиная съ 15 сентября) находился подъ арестомъ. Но дѣло продолжалось для Леопольдова и начиналось для Пушкина, котораго по мѣрѣ развитія судебныхъ дѣйствій притягивали къ дѣлу ближе и ближе.

II.

ДѢЛО О СТИХАХЪ ИЗЪ ЭЛЕГИИ „АНДРЕЙ ШЕНЬЕ“ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

Дѣло Государственного Совѣта—последняя стадія процесса. Не прибавляя ничего существеннаго къ исторіи этого дѣла, производство Государственного Совѣта не лишено нѣкоторыхъ деталей, имѣющихъ свой смыслъ и значеніе для біографіи поэта. Любопытны имена тѣхъ членовъ Государственного Совѣта, которые участвовали въ обсужденіи дѣла, которые знали Пушкина, быть можетъ, сталкивались съ нимъ въ высшемъ обществѣ. Тѣ мнѣнія, которыя они имѣли о Пушкинѣ и въ которыхъ отразились впечатлѣнія процесса,—слагаемыя въ той суммѣ, которая зовется мнѣніемъ свѣта, тяжело давившаго поэта. Любопытно, что разсмотрѣніе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ не прошло безъ треній, а при утвержденіи приговора въ часть его о Пушкинѣ были внесены измѣненія, неблагоприятныя для поэта¹.

Сенатъ, разсматривавшій производство по дѣлу Леопольдова и прикосновенныхъ, опредѣлилъ, по лишеніи кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, отдать Леополь-

¹ При изложеніи дѣла мы пользовались слѣдующими матеріалами, хранящимися въ Архивѣ Государственного Совѣта: 1) Дѣло о Леопольдовѣ № 220; 2) Журналы департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 1828 г., ч. 5 л. 98—99; 3) Меморіи Государственного Совѣта 1828, ч. 3, л. 294—307. Нѣкоторые данныя были сообщены нами покойному П. А. Ефремову, воспользовавшемуся ими для примѣчаній къ „Сочиненіямъ П.“, изд. А. С. Суворина.

дова въ солдаты. О Пушкинѣ же Сенатъ распорядился слѣдующимъ образомъ. „Соображая духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, Сенатъ не можетъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространению въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который Правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ, а потому, хотя сочинившаго означенные стихи Пушкина, за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года, то, по силѣ 1-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда, обязать подпиской, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взыскапія“¹.

По разсмотрѣніи дѣла въ Сенатѣ Управляющій Министерствомъ Юстиціи 6 іюня 1828 года (за № 7836) обратился къ Исправляющему должность Государственнаго Секретаря съ слѣдующимъ отношеніемъ:

„Имѣю честь препроводить при семъ для внесенія въ Государственный Совѣтъ Всеподданнѣйшій докладъ 1 Отд. 5 деп. Пр. Сената съ краткою изъ онаго запискою о кандидатѣ Моск. Унив. Леопольдовѣ, сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ. Вмѣстѣ съ симъ считаю нужнымъ увѣдомить Ваше Пр-ство, для доведенія до свѣдѣнія Госуд. Совѣта, что Статсъ-Секретарь Муравьевъ сообщилъ мнѣ высочайшую Его И. В. волю, чтобы дѣло объ означенномъ Леопольдовѣ въ скорѣйшемъ времени приведено было къ окончанію.

Докладъ Сената былъ заслушанъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ 11 іюня 1828 года. Журналъ засѣданія

¹ Извлеченіе изъ доклада сдѣлано П. А. Ефремовымъ (Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. А. С. Суворина СПб., т. VII, 1903, стр. 298). Подъ докладомъ подписались сенаторы Петръ Баратынскій, Вилимъ Мертенсъ, Николай Дурасовъ, гр. Федоръ Толстой, Павелъ Мансуровъ, Сергій Уваровъ.

подписанъ тремя членами: Н. С. Мордвиновымъ, А. Д. Балашовымъ, А. Н. Оленинымъ. Первый и послѣдній, адмиралъ и меценатъ, хорошо знали Пушкина по литературной дѣятельности, а Балашову, бывшему С.-Петербургскому военному губернатору и Министру Полиціи въ юношескіе годы Пушкина, поэтъ не безызвѣстенъ былъ и со стороны его благонадежности. Наболѣе благопріятно настроеннымъ нужно, конечно, считать Н. С. Мордвинова; Оленинъ же, въ виду его крайней „умѣренности“, врядъ ли могъ оказать существенную помощь Пушкину. Однимъ изъ этихъ лицъ или—что вѣрнѣе—подъ руководствомъ одного изъ этихъ лицъ было составлено мнѣніе гражданскаго департамента, принятое впоследствии,—правда, съ нѣкоторой переработкой,—и въ общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Мнѣніе было въ сравненія гуманнѣе приговора Сената: заключенія Сената были значительно измѣнены въ той ихъ части, которая относилась къ Леопольдову, и оставлены въ силѣ для остальныхъ прикосновенныхъ.

„Свой приговоръ о Леопольдовѣ Сенатъ основывалъ на 129 воинскомъ артикулѣ. Статья эта заключается въ слѣдующемъ: „есть ли кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены или имѣть вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявить, тотъ имѣетъ, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть“.

Цитируя артикулъ, авторъ мнѣнія высказывался слѣдующимъ образомъ.

„По мнѣнію Гражданскаго департамента, законъ сей не можетъ приложенъ быть къ существу настоящаго дѣла въ отношеніи къ Леопольдову; ибо по всѣмъ обстоятельствамъ онаго не представляется ничего такого,—что бы могло наводить сомнѣніе въ неблагонамѣренныхъ видахъ Леопольдова, или чтобъ, зная онъ о какомъ либо злоумышленіи, хотѣлъ скрыть сіе отъ Правительства; а что Леопольдовъ имѣлъ у себя списокъ съ письма Рылѣва, сіе не составляетъ существеннаго преступленія, тѣмъ болѣе, что письмо сіе не содержитъ въ себѣ ничего возмутительнаго и было въ рукахъ Леопольдова, какъ онъ объясняетъ, изъ одного любопытства видѣть послѣднія чувства кающаго-

ся преступника. Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ стихамъ Пушкина, на которыхъ Леопольдовъ выставилъ 14-е число Декабря, не представляется повода къ заключенію о какомъ-либо вредномъ со стороны Леопольдова умыслѣ, кромѣ одной неосновательности въ отнесеніи оныхъ къ происшествію того времени: хотя и въ семь случаевъ оправдывается онъ, что сдѣлалъ надпись на стихахъ о 14-мъ числѣ по словамъ прапорщика Молчанова, выдававшего ихъ писанными на означенный случай, между тѣмъ, какъ самъ сочинитель стиховъ сихъ, Пушкинъ, относитъ содержаніе оныхъ къ французской революціи, и что они были сочинены имъ гораздо прежде происшествія 14 декабря, напечатаны въ числѣ прочихъ его стихотвореній съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ съ дозволенія Цензуры. Въ прочемъ Леопольдовъ не скрылъ сего отъ Правительства, увѣдомивъ объ ономъ Генераль-Адъютанта Бенкендорфа въ Сентябрѣ 1826-го года партикулярнымъ письмомъ изъ дома родителей своихъ.

Что касается до переписки Леопольдова съ дворовымъ человѣкомъ Брызгаловымъ, она нисколько и не касается сего предмета, и по содержанію своему совсѣмъ посторонняя для настоящаго дѣла, по которому Леопольдовъ былъ преданъ Суду.

Такимъ образомъ Департаментъ, по ближайшемъ и внимательномъ соображеніи обстоятельствъ сего дѣла, не усматривая ни въ чемъ болѣе вины Леопольдова, кромѣ одной неосновательности въ неумѣстной надписи на стихахъ Пушкина о 14 числѣ декабря, и имѣя въ виду примѣръ Высочайшаго рѣшенія о подсудимыхъ по сему же дѣлу вонпскихъ чиновникахъ, которые за содержаніе у себя означенныхъ бумагъ въ тайнѣ отъ своего Начальства и за сообщеніе оныхъ другимъ, не были подвергнуты столь тяжкому наказанію, къ какому осуждается Правительствующимъ Сенатомъ Леопольдовъ, — полагаетъ за означенную неосновательность его, Леопольдова, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ былъ основательнѣе.

Съ симъ вмѣстѣ Гражданскій Департаментъ полагаетъ поручить начальству, въ вѣдомствѣ котораго Леопольдовъ будетъ служить, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе, оставляя за тѣмъ заключеніе Правительствующаго Сената по прочимъ дѣламъ сего частямъ въ своей силѣ.

Такимъ образомъ Н. Мордвиновъ, А. Бадашовъ и А. Оленинъ, подписавшіе журналъ Гражданскаго Департамента, не сочли нужнымъ усугублять приговоръ, постановленный Сенатомъ относительно Пушкина и обязывавшій его не выпускать своихъ сочиненій въ публику безъ рассмотрѣнія и пропуска цензуры.

28 іюня журналъ Департамента былъ рассмотрѣнъ въ Общемъ собраніи. Общее собраніе, утвердившее мнѣніе Департамента, ока-

залось неблагопріятно настроеннымъ по отношенію къ Пушкину. „Государственный Совѣтъ—гласить журналъ—въ Общемъ Собраніи, находя заключеніе Департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ по сему дѣлу правильнымъ, положилъ оное утвердить съ таковымъ же отношеніемъ къ сочинителю стиховъ означенныхъ Пушкину дополненіемъ, что по непримичному выраженію его въ отвѣтахъ своихъ на счетъ происшествія 14 декабря 1825 года и по духу самого сочиненія, въ октябрь 1825 года напечатаннаго, поручено было имѣть за нимъ въ мѣстѣ его жительства секретный надзоръ“.

Журналъ Общаго Собранія подписали гр. В. Кочубей, кн. Алексѣй Куракинъ, кн. Д. Лобановъ-Ростовскій, гр. П. Толстой, Г. Строгановъ, А. Сукинъ, К. Опперманъ, кн. Александръ Голицынъ, Г. Кутузовъ, гр. А. Чернышевъ, М. Сперанскій, А. Оленинъ, Федоръ Энгель, кн. Алексѣй Долгорукій. Кто изъ нихъ былъ виновникомъ отягощающей Пушкина прибавки къ приговору, трудно сказать. Отмѣтить слѣдуетъ, что кн. Голицынъ и гр. Чернышевъ были членами Слѣдственной Комиссіи, а всѣ они, кромѣ Голицына и Чернышева, участвовали въ Верховномъ судѣ надъ декабристами.

Вторая часть меморіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 28 іюня 1825 года, заключающая въ себѣ, между прочимъ, положеніе Государственнаго Совѣта по дѣлу о Леопольдовѣ, была представлена Государю 25 іюля 1828 года. По объявленному предсѣдателемъ высочайшему повелѣнію отъ 28 іюля 1828 года за № 1479 положеніе Государственнаго Совѣта было утверждено.

При исполненіи этого Высочайшаго Повелѣнія, т. е. при сообщеніи его въ Сенатъ вышло маленькое недоразумѣніе, сущность котораго видна изъ слѣдующаго секретнаго письма (отъ 13 августа 1828 года за № 499) Предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа В. П. Кочубея къ исправлявшему должность Государственнаго секретаря статсъ-секретарю В. Р. Марченко.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой Василій Романовичъ!

„Въ высочайшемъ повелѣніи, заготовленномъ Государственной Канцеляріей по дѣлу о кандидатѣ 10 класса Леопольдовѣ, вклучены всѣ сужденія въ Государственномъ Совѣтѣ бывшія и въ журналахъ онаго помѣщенныя.—Между прочимъ, заключаются въ сей бумагѣ слѣдующія два обстоятельства: а) что чиновникъ 14 класса Коноплевъ употребленъ былъ по секретной части, в) что Государственный Совѣтъ положилъ имѣть за сочинителемъ Пушкинымъ секретный надзоръ.

„Не считая приличнымъ упоминать о семъ въ Высочайшемъ повелѣніи, которое по заведенному порядку не только будетъ гласно въ Правительствующемъ Сенатѣ, но и передано изъ онаго будетъ для исполненія въ Уголовную Палату,—я полагаю не вносить въ сію бумагу означенныхъ двухъ предметовъ; а касательно Пушкина сообщить Высочайше утвержденное положеніе Государственного Совѣта отдѣльно г. Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ и Кронштатѣ, приложивъ и выписку изъ дѣла о томъ, что до Пушкина относится.

„Сообщая о семъ Вашему Превосходительству для исполненія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга
графъ В. Кочубей“.

Главнокомандующій графъ Толстой былъ увѣдомленъ отношеніемъ за № 500 отъ 13 августа 1828 года. Въ этой бумагѣ Пушкинъ былъ поименованъ „извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ“.

13 же августа Государственная Канцелярія препроводила отношеніе и Управляющему Министерствомъ Юстиціи для исполненія Высочайшаго повелѣнія по дѣлу Леопольдова. 20 августа состоялось опредѣленіе Сената, и 27 августа данъ указъ въ Новгородскую Палату.

Любань. Декабрь. 1908.

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ.

(Новые матеріалы¹).

Исторія послѣдней дуэли Пушкина далеко не выяснена. Дан-
ныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, немногочисленны и,
за небольшими исключеніями, не имѣютъ характера достовѣрности.
Оффиціальныя бумаги о дуэли Пушкина, опубликованныя въ 1899
году², свидѣтельствуютъ о томъ, что слѣдствіе не распространи-
лось на многія обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пуш-
кина, которыя могли бы пролить свѣтъ на причины дуэли. Извѣ-
стія и воспоминанія друзей и современниковъ Пушкина требуютъ
тщательной критической повѣрки: въ современныхъ воспомина-
ніяхъ слишкомъ много мѣста отведено слухамъ и субъективнымъ
предположеніямъ, а рассказы друзей, быть можетъ, иногда грѣ-
шили нѣкоторымъ безсознательнымъ, конечно, искаженіемъ дѣй-
ствительности, допущеннымъ по дипломатическимъ соображеніямъ.
Да, наконецъ, даже ближайшіе друзья не знали всей истины о

---

¹ Эти статьи появились въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ (1905 январь, мартъ, апрѣль); перепечатываются здѣсь безъ измѣненій. Въ настоящее время мною печатается цѣлая книга о послѣдней дуэли Пушкина: въ ней будутъ, между прочимъ, помѣщены въ подлинномъ и полномъ видѣ тѣ неизданные документы, на которые я ссылаюсь въ своихъ статьяхъ.

² Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. Спб. 1900.

событіяхъ, предшествовавшихъ дуэли. 9-го февраля 1837 года кн. П. А. Вяземскій писалъ къ А. Я. Булгакову: „Адскія козни опутали ихъ (Пушкина и его жену) и остаются еще подъ мракомъ. Время, можетъ быть, раскроетъ ихъ“¹. А 10-го февраля Вяземскій писалъ тому же лицу: „Чѣмъ болѣе думаешь объ этой потерѣ, чѣмъ болѣе проповѣдываешь обстоятельство, донынѣ бывшихъ въ неизвѣстности и которыя время начинаетъ раскрывать понемногу, тѣмъ болѣе сердце обливаема кровью и слезами. Адскія сѣти, адскія козни были устроены противъ Пушкина и жены его. Раскроетъ ли время ихъ вполнѣ или нѣтъ, неизвѣстно“².

И до сихъ поръ время не раскрыло пружинъ тайныхъ интригъ противъ Пушкина. Правда, немало деталей уже выяснено, собраны, кажется, всѣ возможныя объясненія причинъ дуэли, но всей истиной мы еще не владѣемъ и поэтому не можемъ пока написать прагматическую исторію дуэли Пушкина. Подобная попытка была сдѣлана въ 1901 году на страницахъ „Историческаго Вѣстника“ г. Никольскимъ³. Не обладая достаточнымъ количествомъ фактовъ, г. Никольскій для заполненія пробѣловъ построилъ цѣлый рядъ предположеній, иногда весьма правдоподобныхъ, но нуждающихся для своего обоснованія въ фактическомъ подтвержденіи.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду предложить нѣкоторые новые матеріалы, относящіеся до послѣдней дуэли Пушкина. Эти матеріалы добавляють немало подробностей къ извѣстнымъ намъ даннымъ, освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ концѣ 1836 и началѣ 1837 годовъ и измѣняютъ нѣкоторые представленія.

¹ „Русскій Архивъ“. 1879. II. стр. 253.

² Ibid., стр. 203.

³ Отд. изд. Послѣдняя дуэль Пушкина. Біогр. очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1901.

I.

Князь П. А. Вяземскій—о дуэли Пушкина.

Сохранилось немало писемъ о причинахъ дуэли и обстоятельствахъ смерти Пушкина. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежать близкимъ друзьямъ поэта. Адресованныя различнымъ лицамъ, эти письма расходились въ многочисленныхъ спискахъ. Авторы предусматривали такое распространеніе. „Пожалуйста, покажи мое письмо Ив. И. Дмитріеву и Солнцову,—писаль А. Я. Булгакову П. А. Вяземскій,—или лучше дай имъ копію съ него, и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь“. Сплетни и слухи о поводахъ къ дуэли распространялись не только по всему Петербургу, по всей Россіи; много рассказывали о поведеніи жены Пушкина. Въ массѣ, кажется, не были убѣждены въ ея невинности. Задача друзей Пушкина заключалась въ прекращеніи всякихъ толковъ, оскорбительныхъ для памяти Пушкина. Письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, предназначенное для самаго широкаго распространенія, заканчивалось слѣдующими словами: „Покажи мое письмо Баратынскому, Раевскому, П. В. Нащокину и всѣмъ тѣмъ, которымъ память Пушкина драгоценна. Болѣе всего не забывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприказчикамъ, завѣщаль священную обязанность оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ такъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней, и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Это главное въ настоящемъ положеніи“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о дуэли и смерти поэта являются цитированныя нами письма князя П. А. Вяземскаго отъ 5-го и 9-го февраля 1837 года¹. Но въ нихъ

¹ „Русск. Арх.“, 1879, II, стр. 243 и слѣд. Письмо Вяземскаго отъ 5-го февраля пользовалось значительнымъ распространеніемъ. Оно напечатано, между прочимъ, какъ письмо неизвѣстнаго очевидца, въ „Русской Старинѣ“ 1875 года, т. XIV, стр. 8 и слѣд

князь Вяземскій подробно рассказываетъ о кончинѣ Пушкина, о событіяхъ, за нею послѣдовавшихъ, и слишкомъ бѣгло останавливается на причинахъ дуэли Пушкина. Вотъ что говорить онъ по этому поводу.

„Ясно изложить причины, которыя произвели это плачевное слѣдствіе, невозможно, потому что многое остается тайной для насъ самихъ, очевидцевъ. Впрочемъ и тѣмъ, что мы знаемъ, можно объяснить случившееся слѣдующимъ образомъ. Анонимныя письма, о коихъ ты вѣрно уже знаешь, лежали горячею отравой на сердцѣ Пушкина. Ему нужно было выбросить этотъ ядъ съ своею кровью, или съ кровью того, который былъ причиною или предлогомъ нанесеннаго Пушкину оскорбленія. Въ первую минуту по полученіи этихъ писемъ онъ съ яростью бросился на Геккерена и вызывалъ его драться. Со стороны старика Геккерена пошли переговоры, и по его просьбѣ дуэль отсрочена на 15 дней. Въ эти 15 дней неожиданно, непонятно для всѣхъ, уладилась свадьба молодого Геккерена съ сестрой Пушкиной. Пушкинъ о томъ ничего не зналъ; узнавъ, не вѣрилъ тому и полагалъ, что все это военная или дипломатическая хитрость; но когда помолвка совершилась, онъ обратно взялъ картель, признавая, вѣроятно, въ душѣ своей эту странную свадьбу (которая во всякомъ случаѣ накидывала неблагоприятную тѣнь на молодого Геккерена) за достаточную для себя сатисфакцію и съ другой стороны признавая, повидимому, несбыточность дуэли за жену свою съ тѣмъ, который женится на сестрѣ ея. Между тѣмъ тутъ же объявилъ онъ, что хотя отъ поединка, предложеннаго имъ, и отказывается, но семейныхъ и даже общихъ сношеній съ семействомъ Геккерена имѣть не будетъ. Не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Геккерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ

точности соблюдено. Все это замазало рану, не исцѣлило. Женитьба Геккерена мало что измѣнила въ общемъ ихъ положеніи. Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умолкли, напротивъ общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилось еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь кровавая и ужасная развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ, ему стало невтерпежъ. Онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего въ письмѣ къ старику-Геккерену, желая, жаждая развязки“.

По счастью, кн. Вяземскій оставилъ и болѣе подробный рассказъ о причинахъ дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Рассказъ этотъ находится въ письмѣ его къ великому князю Михаилу Павловичу. Исслѣдователямъ извѣстно это письмо, но далеко не въ подлинномъ и полномъ видѣ. Въ 1879 году издатель „Русскаго Архива“ напечаталъ отрывокъ изъ этого письма по черновику, оставшемуся въ бумагахъ князя Вяземскаго¹. Къ сожалѣнію, изданный П. И. Бартевымъ отрывокъ заключаетъ какъ разъ наименѣе интересную часть письма князя П. А. Вяземскаго. Впрочемъ эта часть, какъ увидимъ ниже, даетъ ключъ ко всему письму. Оригиналъ письма— на французскомъ языкѣ. Мы приводимъ русскій переводъ съ вполнѣ исправнаго французскаго списка. Письмо написано княземъ Вяземскимъ 14-го февраля 1837 года и отправлено при оказіи съ генераломъ Философовымъ за границу, гдѣ въ то время находился великій князь. Михаилъ Павловичъ получилъ письмо лишь 14-го марта въ Римѣ и отвѣчалъ на него 29-го мая (10-го іюня) 1837 года.

Письмо князя Вяземскаго распадается на двѣ части. Въ первой авторъ рассказываетъ исторію дуэли и обстоятельства смерти

---

¹ „Русскій Архивъ“, 1879, 8, стр. 556 и слѣд.

Пушкина. Относительно обстоятельствъ кончины письмо не даетъ ничего новаго сравнительно, напримѣръ, съ описаніемъ сдѣланнымъ княземъ Вяземскимъ для Булгакова, но исторія дуэли передана съ подробностями, для насъ неизвѣстными. Кажется, что въ письмѣ къ великому князю князь Вяземскій чувствовалъ себя болѣе свободнымъ отъ исполненія тѣхъ обязанностей душеприказчика, о которыхъ онъ писалъ А. Я. Булгакову. Помимо новыхъ деталей, письмо князя Вяземскаго особенно цѣнно, какъ продуманное и цѣльное изложеніе исторіи дуэли, какъ она представлялась друзьямъ Пушкина. Остановимся на первой части.

1.

Князь П. А. Вяземскій писалъ великому князю Михаилу Павловичу.

„Ваше высочество!

„По всей вѣроятности, ваше императорское высочество интересуетесь нѣкоторыми подробностями прискорбнаго событія, которое такимъ трагическимъ образомъ похитило отъ насъ Пушкина. Вы удостаивали его своей благосклонностью, его доброе имя и его слава принадлежать родинѣ и, такъ сказать, царствованію государя императора. При своемъ вступленіи на престоль, онъ самъ призвалъ поэта изъ изгнанія, любя своей благородной и русской душой его талантъ, и принялъ въ его геніи истинно-отеческое участіе, которое не измѣнилось (въ немъ) ни въ продолженіе жизни его; ни у его смертнаго одра, ни по ту сторону его могилы, такъ какъ онъ не забылъ своими щедротами ни его вдовы, ни дѣтей. Эти соображенія, а также тайна, которая окружаетъ послѣднія событія въ его жизни и тѣмъ даетъ обширную нищу людскому невѣжеству и злобѣ для всевозможныхъ догадокъ и ложныхъ истолкованій, обязываютъ друзей Пушкина разоблачить

все, что только имъ извѣстно по этому поводу, и показать такимъ образомъ его личность въ ея настоящемъ свѣтѣ. Вотъ съ какою цѣлью я осмѣливаюсь обратиться къ вашему высочеству съ этими строками. Сблаговолите удѣлить имъ нѣсколько минутъ своего досуга. Я буду говорить одну только правду.

„Вашему императорскому высочеству небезызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жей Пушкиной. Это неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе порождало сплетни въ гостинныхъ и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, онъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во время предупредить послѣдствія этого ухаживанія, которое и привело, на самомъ дѣлѣ, къ неслыханной катастрофѣ, разразившейся на нашихъ глазахъ. 4 го ноября прошлаго года моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что нибудь оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ прилагаемый документъ ¹. Первымъ моимъ движеніемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему его друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы. Эти письма привели къ объясненіямъ супруговъ Пушкиныхъ между собой и заставили невинную,

¹ Рѣчь идетъ объ извѣстномъ дипломѣ.

въ сущности, жену признаться въ легкомысліи и вѣтрености, которыя побуждали ее относиться снисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть. Пушкинъ былъ тронуть ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ; мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце. Необходимо при этомъ замѣтить, что какъ только были получены эти анонимныя письма, онъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этою увѣренностью. Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ было основано это предположеніе, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему впоследствии нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской. Вызовъ Пушкина не попалъ по своему назначенію. Въ дѣло вмѣшался старшій Геккеренъ. Онъ его принялъ, но отложилъ окончательное рѣшеніе на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все болѣе спокойно. Найдя Пушкина, по истеченіи этого времени, непоколебимымъ, онъ разсказалъ ему о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ ему говорилъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ мо-

лодому человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, съ цѣлью обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т.-е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ тѣмъ не менѣе увѣрялъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ только въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волненіемъ и слезами отца, сказалъ: „Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло“. Итакъ, все должно было оставаться безъ переменъ до рѣшающаго дня. Начиная съ этого момента, Геккеренъ пустилъ въ ходъ всѣ военные приемы и дипломатическія хитрости. Онъ бросился къ Жуковскому и Михаилу Вильгорскому, чтобы уговорить ихъ стать посредниками между нимъ и Пушкинымъ. Ихъ миролюбивое посредничество не имѣло никакого успѣха. Черезъ нѣсколько дней Геккеренъ-отецъ распустилъ слухъ о предстоящемъ бракѣ молодого Геккерена съ Екатериной Гончаровой. Онъ увѣрялъ Жуковскаго, что Пушкинъ ошибается, что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно онъ умоляетъ ея отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ неподходящимъ, не согласился, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ наконецъ далъ свое согласіе. Отецъ требовалъ, чтобы объ этомъ во всякомъ случаѣ ни слова не говорили Пушкину, чтобы онъ не подумалъ, будто эта свадьба была только предлогомъ для

избѣжанія дуэли. Зная характеръ Геккерена-отца, скорѣе всего можно предположить, что онъ говорилъ все это въ надеждѣ на чью либо нескромность, чтобы обмануть довѣрчиваго и чистосердечнаго Пушкина ¹. Какъ бы то ни было, тайна была соблюдена, срокъ близился къ окончанію, а Пушкинъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, и бракъ былъ рѣшенъ между отцомъ и теткой, г-жей Загряжской ². Было бы слишкомъ долго излагать вашему императорскому высочеству всѣ лукавыя происки молодого Геккерена во время этихъ переговоровъ. Приведу только одинъ примѣръ. Геккерены, старый и молодой, возмѣли дерзкое и подлое намѣреніе попросить г-жу Пушкину написать молодому человѣку письмо, въ которомъ она умоляла бы его не драться съ ея мужемъ. Разумѣется, она отвергла съ негодованіемъ это низкое предложеніе.

¹ Это сообщеніе Вяземскаго пополняетъ наши свѣдѣнія о томъ, что происходило въ теченіе двухнедѣльнаго промежутка со времени перваго вызова. При сопоставленіи этихъ данныхъ съ рассказомъ Данзаса (въ брошюрѣ: *Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина*. Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1863, стр. 10-11) обнаруживается ихъ сходство въ главнѣйшемъ и различіе — не въ пользу Данзаса — въ мелочахъ. „Вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, кн. Вяземскому и барону Геккерену, отцу. Всѣ они старались потушить исторію и разстроить дуэль. Геккеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что баронъ Дантесъ дѣлалъ это съ благородною цѣлю, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной, К. Н. Гончаровой.“

„Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Геккерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательныя слухи.“

„Вслѣдствіе ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но Дантесъ на другой или даже въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе“.

² Это свѣдѣніе разрѣшаетъ недоумѣніе изслѣдователей о томъ, черезъ кого сдѣлали предложеніе Геккерены. Екатерина Ивановна Загряжская — родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина.

Когда Пушкинъ узналъ о свадьбѣ, уже рѣшенной, онъ, конечно, долженъ былъ счесть ее достаточнымъ для своей чести удовлетвореніемъ, такъ какъ всему свѣту было ясно, что это бракъ по разсудку, а не по любви. Чувства, или такъ называемыя „чувства“ молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая дѣлала этотъ бракъ довольно двусмысленнымъ. Въ результатѣ этого Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно, но объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что между его семьей и семействомъ свояченицы онъ не потерпитъ не только родственныхъ отношеній, но даже простого знакомства, и что ни ихъ нога не будетъ у него въ домѣ, ни его—у нихъ. Тѣмъ, кто обращался къ нему съ поздравленіями по поводу этой свадьбы, онъ отвѣчалъ во всеуслышаніе: „Tu l'as voulu, Georges Dandin“. Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ псединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понималъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазіи. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли ни о чемъ либо подобномъ. Последствія это хорошо доказали, какъ ваше высочество ниже увидите. Во всякомъ случаѣ, это оскорбительное и неосновательное предположеніе дошло до свѣдѣнія Пушкина и внесло новую тревогу въ его душу. Онъ увидалъ, что этотъ бракъ не избавлялъ его окончательно отъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Молодой Геккеренъ продолжалъ стоять, въ глазахъ общества, между нимъ и его женой и бросалъ на обоихъ тѣнь, невы-

носимую для щепетильности Пушкина. Это былъ призракъ, не существовавшій въ дѣйствительности, такъ какъ Пушкинъ былъ увѣренъ въ своей женѣ, но, тѣмъ не менѣе, этотъ призракъ его преслѣдовалъ. Развѣ могъ страстный и воспримчивый поэтъ обсудить свое положеніе и взглянуть на него, подобно мудрецу или безпристрастному зрителю? Легко такъ говорить равнодушнымъ людямъ, но надо перечувствовать его страданія, всю ту горечь, которая снѣдала бѣднаго Пушкина, чтобы позволить себѣ порицать его. Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда зрѣлыхъ дѣвъ. Пушкинъ все время думалъ, что какая-нибудь случайность помѣшаетъ браку въ самомъ же началѣ. Все же онъ совершился. Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе, онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили

ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Аршапу, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: „Есть двоякаго рода рогоносцы; одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рогоносцами по милости публики, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ“. Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Воронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жей Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему острогу Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остротъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: „je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme“¹. Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравляли рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ. 25 января онъ послалъ письмо Геккерену-

---

¹ Непереводимая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: „cor“—мозоль и „corps“—тѣло. Буквально: „я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены“.

отцу. Д'Аршіакъ принесъ ему отвѣтъ. Пушкинъ его не читаль, но принялъ вызовъ, который былъ ему сдѣланъ отъ имени сына. Самъ собою напрашивается вопросъ, какія причины могли побудить Геккерена-отца прятаться за сына, когда раньше онъ оказывалъ ему столько нѣжности и отеческой заботы; заставлялъ сына рисковать за себя жизнью, между тѣмъ какъ оскорбленіе было нанесено лично ему, а онъ не такъ старъ, чтобы быть вынужденнымъ искать себѣ замѣстителя? Такъ или иначе, но день 26 и утро 27-го января прошли въ переговорахъ между д'Аршакомъ и Пушкинымъ о секундантѣ, котораго долженъ былъ представить послѣдній. Пушкинъ отказался взять секунданта, не желая никого компрометировать, и боялся взять кого-нибудь изъ соотечественниковъ, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ непріятнымъ послѣдствіямъ своей дуэли. Противная партія настаивала на этомъ пунктѣ. 26-го, на балу у графини Разумовской, Пушкинъ предложилъ быть своимъ секундантомъ Магенису, совѣтнику при англійскомъ посольствѣ. Тотъ, вѣроятно, пожелалъ узнать причинъ дуэли; Пушкинъ отказался сообщить что-либо по этому поводу. Магенисъ отстранился. Въ отчаяніи, что дѣло разстроилось, Пушкинъ вышелъ 27 утромъ, на удачу, чтобы поискать кого-нибудь, кто бы согласился быть его секундантомъ. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, своего прежняго школьнаго товарища, а впоследствии друга. Онъ посадилъ его къ себѣ въ сани, сказавъ, что везетъ его къ д'Аршаку, чтобы взять его въ свидѣтели своего объясненія съ нимъ. Два часа спустя, противники находились уже на мѣстѣ поединка. Условія дуэли были выработаны. Пушкинъ казался спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Бѣднякъ жаждалъ въ ту минуту избавленія отъ нравственныхъ страданій, которыя испытывалъ. Противники приблизились къ барьеру, цѣля другъ въ друга. Геккеренъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ былъ раненъ. Онъ упалъ

на шинель, служившую барьеромъ, и не двигался, лежа внизъ лицомъ. Секунданты и Геккеренъ подошли къ нему; онъ приподнялся и сказалъ: „подождите, у меня хватить силы на выстрѣлъ“. Геккеренъ сталъ опять на мѣсто. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой о землю, правой увѣренно прицѣлился, выстрѣлъ раздался. Геккеренъ въ свою очередь былъ раненъ. Пушкинъ послѣ выстрѣла подбросилъ свой пистолетъ и воскликнулъ: „браво!“ Его рана была слишкомъ серьезна, чтобы продолжать поединокъ; онъ вновь упалъ и на нѣсколько минутъ потерялъ сознание, но оно скоро къ нему вернулось и больше ужъ его не покидало. Придя въ себя, онъ спросилъ д'Аршіака: „убилъ я его?“ — „Нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ: — вы его ранили“. — „Странно, — сказалъ Пушкинъ: — я думалъ, что мнѣ доставить удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ. Впрочемъ все равно. Какъ только мы поправимся, снова начнемъ“.

„Когда его привезли домой, докторъ Арендтъ и другіе послѣ перваго осмотра раны нашли ее смертельной и объявили объ этомъ Пушкину, который потребовалъ, чтобы ему сказали правду относительно его состоянія. До 7-го часа вечера я не зналъ рѣшительно ничего о томъ, что произошло. Какъ только мнѣ дали знать о случившемся, я отправился къ нему и почти не оставлялъ его квартиры до самой его смерти, которая наступила на третій день, 29-го января, около 3-хъ часовъ пополудни. Это были душу раздирающіе два дня; Пушкинъ страдалъ ужасно, онъ переносилъ страданія мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывалъ только одно безпокойство, какъ бы не испугать жены. „Бѣдная жена, бѣдная жена!“ — восклицалъ онъ, когда мученія заставляли его невольно кричать. Идя къ государю, Арендтъ спросилъ Пушкина, не хочетъ ли онъ передать ему что-нибудь. „Скажите государю, что умираю и что прошу прощенія у него за себя и за Данзаса“. Я попро-

силъ у Булгакова копіи письма, которое я ему написалъ послѣ смерти Пушкина, и въ которомъ я сообщилъ ему подробности о его послѣднихъ минутахъ. Я надѣюсь, что получу ее во время и успѣю вложить въ это письмо. Смерть обнаружила въ характерѣ Пушкина все, что было въ немъ добраго и прекраснаго. Она надлежащимъ образомъ освѣтила всю его жизнь. Все, что было въ ней безпорядочнаго, бурнаго, болѣзненнаго, особенно въ первые годы его молодости, было данью человѣческой слабости обстоятельствамъ, людямъ, обществу. Пушкинъ былъ не понятъ при жизни не только равнодушными къ нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу въ томъ прощенья у его памяти, я не считалъ его до такой степени способнымъ ко всему. Сколько было въ этой изстрадавшейся душѣ великодушія, силы, глубокаго, скрытаго самоотверженія! Его чувства къ женѣ отличались нѣжностью поистинѣ самаго возвышеннаго характера. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ на своемъ смертномъ одрѣ, доказали, насколько онъ былъ привязанъ, преданъ и благодаренъ государю. Ни одного горькаго слова, ни одной рѣзкой жалобы, никакого ѣдкаго напоминанія о случившемся не произнесъ онъ, ничего, кромѣ словъ мира и прощенья своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась въ немъ цѣлыми мѣсяцами мученій, казалось, исходила изъ него вмѣстѣ съ его кровью, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Свидѣтельства доктора Арендта и другихъ, которые его лѣчили, подтверждаютъ мое мнѣніе. Арендтъ не отходилъ отъ него и стоялъ со слезами на глазахъ, а онъ привыкъ къ агоніямъ во всѣхъ видахъ“.

Въ письмѣ кн. Вяземскаго подчеркнутъ одинъ пунктъ—отношенія Натальи Николаевны Пушкиной къ Дантесу. Мы видѣли, что въ письмѣ къ Булгакову онъ совсѣмъ не распространяется о роли жены Пушкина; а въ письмѣ къ великому князю онъ говоритъ о „ея легкомысліи и вѣтренности“, пишетъ о томъ, что „она

должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности“. Тутъ, въ отношеніяхъ кн. Вяземскаго къ женѣ поэта тонъ — довольно рѣзкій, такой, какого нельзя было бы подозрѣвать по приведеннымъ выше отрывкамъ изъ писемъ Булгакова, касающимся Н. Н. Пушкиной.

Въ письмѣ кн. Вяземскаго обращаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто: „пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него не благопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде“. Этотъ отрывокъ находитъ объясненіе въ письмѣ А. И. Тургенева къ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Извѣстно, что Тургеневъ, сопровождая тѣло Пушкина, былъ въ Тригорскомъ. Пріѣхалъ онъ сюда 5-го февраля и 8-го февраля былъ уже въ Петербургѣ. Въ Тригорскомъ онъ видѣлся съ П. А. Осиповой¹, а 24-го февраля (разбираемое нами письмо кн. Вяземскаго написано 14-го февраля) А. И. писалъ П. А. Осиповой: „Посылаю вамъ письмо кн. Вяземскаго къ Булгакову, который, не получивъ полнаго, прежняго письма моего, жаловался ему на неполноту моего отчета о послѣднихъ минутахъ поэта. Какъ бы многое хотѣлось мнѣ передать вамъ отсюда, но, вопреки пословицѣ, бумага не все терпитъ. Умоляю васъ, однако же, написать ко мнѣ все, что вы умолчали, и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ: это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ

¹ Свѣдѣнія о посѣщеніи Тургеневымъ Тригорскаго см. въ книгѣ „Пушкинъ и его современники“. Вып. I.

говорилъ съ вашей милой дочерью (Анной Николаевной Вульфъ) почти наканунѣ дуэли: передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣми, что онъ говорилъ другимъ,— и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то общаю вамъ ее; но для чего таить то, на чемъ уже лежитъ печать смерти?“¹

Отвѣтное письмо П. А. Осиповой неизвѣстно.

Необходимо отмѣтить, что Осипова относилась недружелюбно къ женѣ Пушкина. 31-го мая 1837 года Тургеневъ писалъ Вяземскому: „Не пошлешь ли ты Осиповой выписки изъ своего письма къ Булгакову всего, что ты говоришь о вдовѣ Пушкина. Она собирается къ Осиповой, и та хочетъ принять ее, но въ ней гнѣздится враждебное къ ней чувство за Пушкина. Не худо вразумить прежде, нежели Пушкина пріѣдетъ къ ней“.

Совокупность этихъ данныхъ можетъ подсказать отвѣтъ на вопросъ, что выяснилъ Пушкинъ изъ разговора съ своими пріятельницами изъ Тригорскаго, но для полного разъясненія этого мѣста нужно ждать документальныхъ данныхъ.

2.

Возвращаемся къ письму князя Вяземскаго.

„Эти событія и смерть Пушкина произвели во всемъ обществѣ сильное впечатлѣніе. Не счесть всѣхъ, кто приходилъ съ разныхъ сторонъ справляться о его здоровьѣ во время его болѣзни. Пока тѣло его выставлено было въ домѣ, наплывъ народа былъ еще больше, толпа не рѣдѣла въ скромной и маленькой квартиркѣ поэта. Изъ-за неудобства помѣщенія должны были поставить гробъ въ передней, слѣдовательно заволоотить входную дверь. Вся эта толпа притекала и уходила черезъ маленькую потайную дверь и узкій,

¹ Тамъ же, стр. 59.

отдаленный корридоръ ¹. Участіе, съ которымъ всё относилось къ этой столь неожиданной и трагической смерти, глубоко тронуло все общество; горе смягчалось тѣмъ, что государь усладилъ послѣднія минуты жизни Пушкина и осыпалъ благодѣянiями его семью. Не одинъ разъ слышалъ я среди посѣтителей подобныя слова: „Жаль Пушкина, но спасибо государю, что онъ утѣшилъ его“. Однажды, ѣдучи въ саняхъ, я спросилъ своего кучера: „Жаль ли тебѣ Пушкина?“ — „Какъ же не жаль? Всѣ жалѣютъ, онъ былъ умная голова! Такихъ и государь любить“. Было что-то умилительное въ этой народной скорби и благодарности, которыя такъ непосредственно отозвались и въ царѣ, и въ народѣ; это, какъ я уже сказалъ, было самое сильное, самое краснорѣчивое опроверженіе знаменитаго письма Чаадаева. Да, у насъ есть народное чувство, это чувство безвредное, чисто-монархическое. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, императоръ далъ толчекъ, положилъ начало. Такъ это и поняли всѣ сердечные и благонамѣренные люди. Къ несчастью, печальныя исключенія встрѣтились и здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ встрѣчаются. Нѣкоторые изъ коноводовъ нашего общества, въ которыхъ ничего нѣтъ русскаго, которые и не читали Пушкина, кромѣ произведеній, подобранныхъ недоброжелателями и тайной полиціей, не приняли никакого участія во всеобщей скорби. Хуже того—они оскорбляли, чернили его. Клевета продолжала терзать память Пушкина, какъ терзала при жизни его душу. Жалѣли о

¹ „Всѣ эти дни,—читаемъ въ письмѣ А. П. Языкова къ А. А. Катенину—карега за каретой къ нему подѣзжали узнать о здоровьѣ. Считаютъ до 4.000 народу ежедневно“. См. Описаніе Пушкинскаго музея. Сост. С. М. Аснашъ и А. П. Яхонтовъ, стр. 453. „Въ теченіе трехъ дней,—пишетъ кн. Е. Н. Мещерская (урожденная Карамзина),—множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія непрерывно тѣснились пестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху поэта“. См. Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“. 2-е изд., Спб., 1899, стр. 262.

судьбѣ интереснаго Геккерена, а для Пушкина не находили ничего, кромѣ хулы. Нѣсколько гостиныхъ сдѣлали изъ него предметъ своихъ партійныхъ интересовъ и споровъ. Я не изъ тѣхъ патріотовъ, которые содрогаются при имени иностранца, я удовлетворяюсь патріотизмомъ въ духѣ Петра Великаго, который былъ патріотомъ съ ногъ до головы, но признавалъ, несмотря на это, что есть у иностранцевъ преимущества, которыми можно позаимствоваться. Но въ настоящемъ случаѣ какъ можно даже сравнивать этихъ двухъ людей? Одинъ былъ самой свѣтлой, литературной славой нашего времени, другой—человѣкъ безъ традицій, безъ настоящаго и безъ будущаго для страны. Одинъ погибъ, какъ сугубая жертва врага, который его убилъ физически, убивъ его предварительно нравственно; другой—живъ и здоровъ и рано или поздно, покинувъ Россію, забудетъ причиненное имъ зло. Впрочемъ, всѣ эти слухи и споры происходятъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ, вникать въ которыя мнѣ не годится, но фактъ тотъ, что въ ту минуту, когда всего менѣе этого ожидали, увидѣли, что выраженія горя къ столь несчастной кончинѣ, потерѣ друга, поклоненія таланту были истолкованы, какъ политическое и враждебное правительству движеніе. Позвольте мнѣ, ваше высочество, коснуться нѣкоторыхъ подробностей относительно этого предмета.

„Послѣ смерти Пушкина нашли только 300 рублей денегъ во всемъ домѣ. Старый графъ Строгановъ, родственникъ г-жи Пушкиной, поспѣшилъ объявить, что онъ беретъ на себя издержки по похоронамъ. Онъ призвалъ своего управляющаго и поручилъ ему все устроить и расплатиться. Онъ хотѣлъ, чтобы похороны были насколько возможно торжественнѣе, такъ какъ онъ устраивалъ ихъ на свой счетъ. Изъ друзей Пушкина были Жуковскій, Михайлѣ Вьельгорскій и я. Было ли мѣсто въ нашей душѣ чему нибудь, кромѣ горя, поразившаго насъ? Могли ли мы вмѣшиваться въ

распоряженія графа Строганова? ¹ Итакъ, распоряженія были отданы, приглашенія по городской почтѣ разосланы. Графъ Строгановъ получаетъ приказаніе измѣнить отданныя распоряженія. Отпѣваніе предполагалось въ Исаакіевской церкви противъ дома, гдѣ

---

¹ Въ черновикѣ кн. Вяземскій гораздо пространнѣе выясняетъ свою непричастность къ распоряженіямъ графа Строганова относительно похоронной церемоніи. Желаніе Строганова устроить ее возможно великолѣпнѣе было принято графомъ Бенкендорфомъ за попытку демонстраціи, приписанную друзьямъ Пушкина и прежде всего князю Вяземскому. Князь Вяземскій оправдывается въ черновикѣ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ изложу, что относится до меня лично во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не присутствовалъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ Пушкина: по обязанностямъ службы мнѣ необходимо было съѣздить въ мой департаментъ. Когда я возвратился, Пушкина уже не было. Тутъ я узналъ, что въ домѣ нашлось только 300 рублей, что графъ Строгановъ въ качествѣ родственника г-жи Пушкиной принялъ на себя похоронныя издержки, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго и отдалъ ему всѣ нужныя приказанія, какъ поступать. Съ графомъ Строгановымъ я нахожусь не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ, если бы я того и желалъ, малѣйшее вмѣшательство въ эти распоряженія. Съ какого права сталъ бы я вмѣшиваться, да и что было сказать мнѣ? Если въ намѣреніи графа было придать погребенію нѣкоторую пышность, то очень естественно, что, принявъ на себя издержки, онъ хотѣлъ быть щедрымъ, даже расточительнымъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы то ни было, я положительно не принималъ тутъ никакого участія и не знаю, имѣлъ ли кто нибудь малѣйшее, прямое или косвенное, вліяніе на распоряженія графа Строганова. Онъ давалъ деньги, и кто изъ людей сколько нибудь благоразумныхъ захотѣлъ бы опредѣлять и назначать, куда должны пойти эти деньги? Надобно замѣтить, что выборъ Исаакіевского собора мѣстомъ для отпѣванія подалъ поводъ къ совершенно неосновательному истолкованію, которое могло итти отъ людей, особенно предубѣжденныхъ и забывшихъ, что къ петербургскимъ соборамъ приписаны приходы, какъ и къ церквамъ обыкновеннымъ. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, принадлежалъ къ Исаакіевскому приходу, и выбирать тутъ было нечего. То же самое было бы сдѣлано и съ послѣднимъ нищимъ, обитателемъ этого квартала. Когда приглашенный графомъ Строгановымъ митрополитъ отказался прибыть къ отпѣванію и графъ Строгановъ выражалъ мнѣ по этому случаю свое неудовольствіе и находилъ отказъ незаконнымъ, я подалъ ему мысль обратиться къ графу Протасову, который, будучи прокуроромъ святѣйшаго синода, могъ разъяснить поводы этого отказа и предложить свое посредничество для устраненія, буде возможно, препятствій. Вотъ единственное мнѣніе, единственное слово, шедшее отъ меня касательно этого дѣла“.

умеръ Пушкинъ, вынось тѣла, по обыкновенію, утромъ, въ день погребенія. Приказали перенести тѣло ночью безъ факеловъ и поставить въ Конюшенной церкви. Объявили, что мѣра эта была принята въ видахъ обезпеченія общественной безопасности, такъ какъ толпа, будто бы, намѣревалась разбить оконныя стекла въ домахъ вдовы и Геккерена. Друзей покойнаго впередъ уже заподозрили самымъ оскорбительнымъ образомъ; осмѣлились, со всей подлостью, на которую были способны, приписать имъ намѣреніе учинить скандалъ, навязали имъ чувства, враждебныя властямъ, утверждая, что не друга, не поэта оплакивали они, а политическаго дѣятеля. Въ день, предшествовавшей ночи, въ которую назначенъ былъ вынось тѣла, въ домѣ, гдѣ собралось человекъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы все находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большомъ количествѣ не друзья, а жандармы. Противъ кого была выставлена эта сила, весь этотъ военный парадъ? Я не касаюсь пикетовъ, разставленныхъ около дома и въ сосѣднихъ улицахъ; тутъ могли выставить предлогомъ, что боялись толпы и безпорядка. Но чего могли опасаться съ нашей стороны? Какія намѣренія, какія заднія мысли могли предполагать въ насъ, если не считали насъ безумцами или негодаями? Не было той нелѣпости, которая не была бы намъ приписана ¹. Разумѣется, и меня не пощадили; и даже

---

¹ Въ черновомъ наброскѣ разсужденія о ложности полицейскихъ донесеній и о нелѣпости полицейскихъ мѣръ предупрежденія изложены въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, и много рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ. „Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлью исказить и оговорить изъявленіе столь возвышенныхъ чувствованій. Въ зложелательствѣ, въ арсеналѣ постороннихъ страстей захотѣли добыть орудіе, чтобы очернить эти чувствованія. Прикинулись, будто вѣрять слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣре-

думаю, что мнѣ оказали честь, отвѣдя мнѣ первое мѣсто. Я долженъ все это высказать вашему высочеству, такъ какъ сердечно этимъ огорченъ и дорожу вашимъ уваженіемъ. Клянусь передъ Богомъ и передъ вами, что все, чему повѣрили, или хотѣли заставить повѣрить о насъ,—была ложь, самая отвратительная ложь. Единственное чувство, которое волновало меня и другихъ друзей

вались воспользоваться его кончиною для произведенія, не знаю какого-то заговорщическаго дѣйствія и по своей склонности къ смутѣ хотѣли устроить что-то въ родѣ похоронъ генерала Ламарка! Что за ослѣпленіе! Что за лживое примѣненіе къ нашей странѣ событій, нравовъ и обстоятельствъ другой страны! Мало было оклеветать нѣсколько человѣкъ: клевета не смутилась и передъ мыслью, что иностранцы, живущіе въ Петербургѣ, а черезъ нихъ и вся Европа, получаютъ ложное понятіе о нашемъ общественномъ состояніи. Возможность уличныхъ безпорядковъ и враждебныхъ власти заявленій изобрѣтена на досугѣ, между тѣмъ какъ все было спокойно, любовь къ государю ощущалась всѣми сердцами, и всѣ благославляли его имя. Чтобы ни говорили, но если полицейскія донесенія противорѣчатъ моимъ словамъ, то я утверждаю, будучи въ томъ нравственно убѣжденъ, что эти показанія были не вѣрны, что они во всякомъ случаѣ могли относиться лишь къ какимъ-нибудь отдѣльнымъ словамъ, сказаннымъ на вѣтеръ, не знаю гдѣ и кѣмъ, и не имѣвшимъ никакого значенія. Во всякомъ случаѣ было бы не благородно соединять имена друзей Пушкина съ подобною гнусностью, каковая могла быть приписана развѣ самой подлой черни, и въ этомъ отношеніи нанесла имъ напрасное оскорбленіе тѣми мѣрами, которыя были приняты во время перенесенія тѣла изъ дома въ церковь. Онѣ не оправдываются и необходимою предосторожностію въ видахъ поддержанія угрожаемаго якобы общественнаго порядка. Не говорю о солдатскихъ пикетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрались туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ? Противъ кого эти передѣтые, но всѣми узнаваемые шпионы? Они были тамъ, чтобы не упускать насъ изъ виду, подслушивать наши сѣтованія, наши слова, быть свидѣтелями нашихъ слезъ, нашего молчанія. Скажутъ, что это также мѣры общественной безопасности; согласенъ, но мѣры эти оскорбительны для тѣхъ, противъ кого онѣ принимаются, а коль скоро оскорбленіе не заслуженно, не вдвойнѣ ли оно тяжело? Все узнается. Подозрѣнія, на насъ возведенныя, непремѣнно разгласились, а наше оправданіе не можетъ быть гласнымъ, и въ глазахъ легковѣрнаго и зложелательнаго общества мы остаемся подъ бременемъ тяжкаго обвиненія“.

Пушкина въ это тяжелое время, была скорбь о нашей уtratѣ и благодарность государю за все, что было великодушнаго, истинно-христіанскаго, непосредственнаго въ его поступкѣ, во всемъ, что сдѣлалъ онъ для умирающаго и мертваго Пушкина. Боже великій! Какъ могла какая нибудь супротивная мысль закрасться туда, гдѣ было одно умиленіе, одна благоговѣйная преданность, гдѣ характеръ государя явился передъ нами во всей своей чистотѣ, во всемъ, что только есть въ немъ благороднаго и возвышеннаго, когда онъ бываетъ самъ собою, когда дѣйствуетъ безъ посредниковъ? Кромѣ того, какое невѣжество, какіе узкіе и ограниченныя взгляды проглядываютъ въ подобныхъ сужденіяхъ о Пушкинѣ! Какой онъ былъ политическій дѣятель! Онъ прежде всего былъ поэтъ, и только поэтъ. Увлекаемый своей пылкой поэтической натурой, онъ, безъ сомнѣнія, могъ обмолвиться эпиграммой, запрещеннымъ стихомъ; на это нельзя смотрѣть, какъ на непростительный грѣхъ; челоуѣкъ, вѣдь, мѣняется со временемъ, его мнѣнія, его принципы, его симпатіи видоизмѣняются. Затѣмъ, что значать въ Россіи названія—политическій дѣятель, либераль, сторонникъ оппозиціи? Все это пустые звуки, слова безъ всякаго значенія, взятые недоброжелателями и полиціей изъ иностранныхъ словарей, понятія, которыя у насъ совершенно не примѣнимы: гдѣ у насъ то попріще, на которомъ можно было бы играть эти заимствованныя роли, гдѣ тѣ органы, которые были бы открыты для выраженія подобныхъ убѣжденій? Либералы, сторонники оппозиціи въ Россіи, должны быть, по крайней мѣрѣ, безумцами чтобы добровольно посвящать себя въ трапписты, обречь себя на вѣчное молчаніе и похоронить себя заживо. Шутки, нѣкоторая независимость характера и мнѣній—еще не либерализмъ и не систематическая оппозиція. Это просто особенность характера. Желать, чтобы всѣ характеры были отлиты въ одну форму, значить желать невозмож-

наго, значить хотѣтъ передѣлать твореніе Божіе. Власти существуютъ для того, чтобы пресѣкать злоупотребленіе подобными тенденціями — это ихъ обязанность, но бить тревогу и бросать грязью въ нѣкоторыя, хотя бы и слишкомъ свободныя, болтливыя изліянія, въ какую нибудь вспышку, которая и сама улетучится, какъ дымъ,—есть, въ свою очередь, злоупотребленіе властью. Да Пушкинъ никоимъ образомъ и не былъ ни либераломъ, ни сторонникомъ оппозиціи, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этимъ словамъ. Онъ былъ глубоко, искренно преданъ государю, онъ любилъ его всѣмъ сердцемъ, осмѣлюсь сказать, онъ чувствовалъ симпатію, настоящее расположеніе къ нему. Въ своей молодости Пушкинъ нападалъ на правительство, какъ всякій молодой человѣкъ; такую была и эпоха, и молодежь, современныя ему. Но онъ былъ не либераль, а аристократъ и по вкусамъ, и по убѣжденіямъ. Онъ открыто бранилъ паденіе прежняго режима во Франціи, не любилъ іюльскаго правительства и сочувствовалъ интересамъ Генриха V. Что касается возстанія Польши, то его стихи могутъ дать истинную оцѣнку его либерализма, эти стихи не вызваны обстоятельствами, это исповѣданіе его политическихъ убѣжденій. 14-е декабря застало его чистымъ отъ всякаго участія въ разрушительныхъ проектахъ, занимавшихъ головы его друзей и товарищей его юности и лицейскихъ. Онъ былъ противникомъ свободы печати не только у насъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ. Его талантъ, его умъ созрѣли съ годами, его послѣднія и, слѣдовательно, лучшія произведенія: „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“, „Исторія Пугачевскаго бунта“—монархическія. Наши, такъ называемые монархическіе, благонамѣренныя журналы, пользующіеся особымъ покровительствомъ полиціи, часто старались подорвать народную къ нему любовь (и успѣвали въ этомъ), объявляя, что талантъ его померкъ, какъ разъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, которыя они вмѣ-

няли ему чуть не въ преступленіе. Суть заключалась въ томъ, что истинныя его убѣжденія не сходились съ доносами о немъ полиціи. Но развѣ тѣ, кто ихъ составлялъ, знали Пушкина лучше, чѣмъ его друзья? Развѣ наши должностныя лица, обязанныя наблюдать за общественнымъ настроеніемъ умовъ, стараются вникнуть въ истинныя мнѣнія (узнавъ ихъ отъ нихъ же самихъ) тѣхъ людей, чье доброе имя и благосостояніе зависятъ отъ ихъ сужденія и предубѣжденности? Развѣ генераль Бенкендорфъ удостоилъ меня, хотя бы въ продолженіе четверти часа, разговора, чтобы самому лично узнать меня? А между тѣмъ, цѣлыхъ десять лѣтъ мое имя записано на черной доскѣ; своимъ же мнѣніемъ обо мнѣ онъ обязанъ нѣсколькимъ словамъ, отрывкамъ, которые ему были переданы, клеветамъ, донесеннымъ ему какимъ либо агентомъ за опредѣленную, мѣсячную плату.

„Извините, ваше высочество, искренность и рѣзкость моихъ жалобъ, съ которыми я обращаюсь къ вамъ не съ какою либо скрытою цѣлью, а потому, что я знаю вашу чуткость къ правдѣ, а я повторяю, дорожу вашимъ благоволеніемъ и вашимъ уваженіемъ. Я хочу, чтобы вы меня знали такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ меня желаютъ изобразить. Я долженъ еще просить ваше высочество извинить меня за чрезмѣрную длину моего письма, у меня не было времени его сократить. Я только вчера узналъ объ отъѣздѣ генерала Философова и принялся вчера переписывать свои воспоминанія. Я даже позволилъ себѣ обратиться за помощью къ моей женѣ, и ваше императорское высочество со-благоволите оказать мнѣ вдвойнѣ снисхожденіе и за изложеніе, и за переписку набѣло.

„Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго высочества свою глубочайшую почтительность и самую искреннюю преданность, съ каковыми имѣю честь быть

„вашего императорскаго высочества смиреннѣйшій и покорнѣйшій слуга,

„кн. Вяземскій“.

Вторая половина письма кн. Вяземскаго требуетъ поясненій и даетъ матеріалъ для не лишенныхъ интереса заключеній.

Извѣстны отношенія вождя полиціи Бенкендорфа къ Пушкину; факты внѣшней зависимости поэта отъ шефа жандармовъ тоже извѣстны; въ послѣднее время они сгруппированы и разъяснены въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ 7-му тому „Сочиненій А. С. Пушкина“. Бенкендорфъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ представленій, вынесенныхъ имъ изъ процесса декабристовъ. Призракъ декабрьскаго возмущенія вѣчно смущалъ не только Бенкендорфа, но и императора Николая. Бенкендорфъ просто не вѣрилъ въ благонадежность Пушкина, официально засвидѣтельствованную самимъ царемъ. Шефу жандармовъ грезились какія-то нити, связывавшія Пушкина съ движеніемъ 14-го декабря, и онъ неустанно преслѣдовалъ поэта мучительнымъ надзоромъ, И послѣ смерти онъ не оставилъ въ покоѣ его памяти. Кн. Вяземскій ярко рисуетъ созданную Бенкендорфомъ картину положенія дѣлъ: умеръ Пушкинъ, вождь оппозиціи, неблагонамѣренный человѣкъ, не чувствовавшій приверженности къ монархическому принципу; его друзья—тоже люди неблагонадежные—собираются устроить на похоронахъ преступную демонстрацію и т. д.

Любопытно, что мнѣніе Бенкендорфа раздѣлялось извѣстной частью русскаго общества, главнымъ образомъ, аристократическими верхами, прогнившими и реакціонными. Мы можемъ, на примѣръ, привести слѣдующій отрывокъ изъ письма одного изъ агентовъ тайной меттерниховской полиціи, писаннаго изъ Берлина въ Вѣну 28-го февраля 1837 года: „Имѣю честь сообщить вамъ о несчастной дуэли г. Дантеса съ поэтомъ Пушкинымъ; онъ стоялъ во главѣ

русской молодежи и возбуждалъ къ революціонному движенію, которое даетъ себя чувствовать во всѣхъ концахъ міра. Императоръ приказалъ разыскать и сжечь тѣ изъ его бумагъ, которыя могутъ компрометировать“. Въ этомъ донесеніи Пушкинъ освѣщается съ своеобразной международной точки зрѣнія.

Значительный интересъ имѣетъ оцѣнка положенія, сдѣланная барономъ Геккереномъ въ письмѣ къ нидерландскому министру иностранныхъ дѣлъ Верстолку отъ 2-го февраля (къ этому письму мы еще возвратимся). „Честь обязываетъ меня не скрыть, что общественное мнѣніе по поводу смерти г. Пушкина высказалось съ такой силой, какой не предполагали. Но нужно отмѣтить, что это мнѣніе не есть мнѣніе высшаго класса... Указанное мной сочувствіе высказано людьми третьяго сословія, если можно дать это имя промежуточному классу въ Россіи между высшей знатью или высшими чиновниками и массой населенія, совершенно безучастнаго къ событію, котораго оно не можетъ оцѣнить. Это—писатели, артисты, чиновники нисшихъ степеней, представители крупной отечественной промышленности и т. д. Смерть г. Пушкина вызвала къ жизни,—такъ по меньшей мѣрѣ думаетъ власть,—партію, вождемъ которой онъ былъ, быть можетъ, благодаря единственно вліянію своего таланта. Можно принять для этой партіи названіе партіи реформъ, которое она сама даетъ себѣ. Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ скомпрометированъ участіемъ въ обществахъ, возникшихъ до 1825 года, то можно считать предположеніе о существованіи этой партіи не лишеннымъ основанія“...

Баронъ Геккеренъ указываетъ и источникъ своихъ свѣдѣній.

Итакъ Бенкендорфъ готовъ былъ призвать къ отвѣту и друзей Пушкина. Они были въ его глазахъ людьми неблагонадежными, и, по мягкому выраженію барона Геккерена, очевидно членами „партіи реформъ“. При томъ довѣріи, которое питалъ Николай

Павловичъ къ Бенкендорфу, можно было ожидать тревожныхъ осложненій. Поэтому необходимость опровергнуть подобное представленіе являлась крайне настоятельной. Но опроверженіе приобрѣло бы значеніе, если бы оно достигло до государя. Становятся совершенно понятными пространныя и краснорѣчивыя оправданія, которыя кн. Вяземскій изложилъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу, разчитывая, что содержаніе его письма станетъ извѣстнымъ государю.

Вообще можно сказать, что послѣ смерти Пушкина на долю его друзей выпала тяжелая задача реабилитаціи поэта, не только въ его частныхъ отношеніяхъ, но и въ политическихъ его взглядахъ. Выше мы указали, что нужно помнить при чтеніи ихъ реабилитаціи поэта въ частныхъ отношеніяхъ. Реабилитація политическихъ взглядовъ Пушкина производилась съ иной цѣлью: она была средствомъ собственной своей защиты. Доказать императору Николаю или хотя бы Бенкендорфу, что Пушкинъ былъ абсолютно благонадежнымъ человѣкомъ, значило бы снять обвиненія въ неблагонамѣренности и съ его друзей.

Кромѣ письма кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу, намъ извѣстно еще одно оправданіе Пушкина. Оно сдѣлано В. А. Жуковскимъ въ письмѣ къ Бенкендорфу; свѣдѣнія объ этой еще ненапечатанной запискѣ мы находимъ въ книгѣ А. Н. Веселовскаго ¹.

„Но смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ поручень былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому съ своей стороны Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца;

---

¹ Акад. А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій. Спб. 1904, стр. 394 и слѣд. Эта записка будетъ напечатана въ моей книгѣ о дуэли Пушкина.

не потому ли, что письмо и не было доставлено по назначенію, какъ тѣ мысли, которыя Жуковский написалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева? Письмо—апологія Пушкина, и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковскаго. Въ Пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти „много новаго, писаннаго въ духѣ, враждебномъ правительству, и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашлись бумаги, рѣшительно доказывающія совѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятеля, уже испытывшаго заслуженный гнѣвъ государя. Однимъ словомъ, новаго предосудительнаго не нашлось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зная, каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы“. Съ тѣхъ поръ, какъ „государь такъ великодушно его простилъ“, Пушкинъ совѣмъ перемѣнился за это время; онъ не писалъ ничего „злонамѣреннѣе“ стиховъ „къ Лукуллу“, за которые друзья жестоко его укоряли, да и тѣ напечатаны „съ одобренія цензора, но безъ его вѣдома. А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ же „мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ“ (двойная цензура, запретъ ѣхать въ деревню, за границу, выговоръ за чтеніе въ обществѣ „Бориса Годунова“ до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ; были у него до 1826 года „грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастьемъ („Ода къ свободѣ“, „Кинжалъ“ 1820 года, написанный въ то время, когда Зандъ убилъ Коцебу), но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (восполь-

звались?), можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но и въ ихъ смыслѣ (то-есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего, и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это, однако, не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышленникомъ на жизнь Александра". За послѣднія его сочиненія его никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выразившій въ наилучшихъ стихахъ своихъ все то, что дорого русскому сердцу (Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра Великаго, Ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи). Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: „благоволили ли вы взять на себя трудъ когда нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?“ Вы слышали о нихъ отъ другихъ, „вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ“. И Жуковскій излагаетъ политическое credo Пушкина. „Первое: я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благодетеля, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно увѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и что не по одной любви къ нынѣшнему государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву). Второе: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія, и въ этомъ онъ доходилъ даже до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна,

и что она, служа защитою обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола. Третье: Пушкинъ былъ врагъ июльской революціи, по убѣжденію своему онъ былъ карлистъ, онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорою гражданскаго порядка. Наконецъ, четвертое: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ, былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую (чему доказательство нашель я еще недавно въ письмахъ его женѣ). Таковы были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ... и они были таковы уже прежде 1830 года. Пушкинъ созрѣлъ, мужалъ умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ, и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и чего бы онъ не написалъ, если бъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, „перваго поэта Россіи“.

Кажется, намъ не нужно дѣлать детальнаго сопоставленія этихъ отрывковъ изъ записки Жуковскаго съ письмомъ кн. Вяземскаго, чтобы доказать, что и записка, и письмо являются результатомъ совмѣстной работы авторовъ и имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль: взяты не только одни и тѣ же аргументы, къ тому же сгруппированные въ одномъ и томъ же порядкѣ, но употреблены даже аналогичныя выраженія.

Академикъ А. Н. Веселовскій дѣлаетъ вполне правильную оцѣнку этой записки. „Цѣнность этого документа, — пишетъ онъ, —

опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрѣть въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и бессознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковский. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелю: все, что входило въ кругъ его симпатій, выросло или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковский зналъ своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ“.

Въ тѣхъ же интересахъ,—семьи и близкихъ къ Пушкину лицъ,—написано и письмо Вяземскаго. Стоитъ только обратить вниманіе на непрерывное подчеркиваніе отношеній государя къ Пушкину. На самомъ дѣлѣ,—и Вяземскій долженъ былъ бы это знать,—отношенія царя и поэта вовсе не были такъ безоблачны и такъ искренни и откровенны, какими изображаетъ ихъ князь Вяземскій. Если Жуковский поддавался шаржу идеализаціи, то Вяземскій смотрѣлъ на дѣло болѣе прозаически.

Мы не касаемся по существу вопроса о политическихъ взглядахъ Пушкина: мы хотѣли только выяснить значеніе письма князя Вяземскаго, какъ матеріала для сужденія. Съ этой точки зрѣнія это письмо, такъ же, какъ и записка Жуковскаго—этихъ ближайшихъ друзей поэта—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть положены въ основаніе разсужденія объ общественныхъ и политическихъ мнѣніяхъ Пушкина. Придется обратиться къ другимъ матеріаламъ.

II.

Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жюль Дантесъ.

Баронамъ Геккерену и Дантесу не суждена участь миллионъ людей, имена которыхъ теряются въ пыли забвенія. Мы обречены на печальную необходимость говорить о нихъ и съ мучительнымъ интересомъ заниматься наследованіемъ духовной личности того и другого. Роковой силой введены они въ біографію поэта, и послѣднія страницы ея должны быть отведены характеристикѣ личности и мотивовъ убійцы Пушкина и его пріемнаго отца. Ихъ фигуры должны быть нарисованы во весь ростъ. И мы должны сознаться, что до сихъ поръ наши источники нисколько не могли помочь намъ составить опредѣленное представленіе о Геккеренѣ и Дантесѣ, потому что всѣ наши свѣдѣнія исчерпывались мало достоверными и сильно прикрашенными разказами о положительно злодѣйскихъ свойствахъ упомянутыхъ лицъ. Матеріаловъ же документальныхъ у насъ подъ руками почти не было.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду опубликовать собранные нами матеріалы для исторіи жизни и характеристики Геккерена и Дантеса. Эти матеріалы извлечены нами изъ различныхъ архивовъ и имѣютъ характеръ достоверности. Они значительно измѣняютъ наши обычные представленія объ этихъ лицахъ. Дантесъ вовсе не оказывается проходивцемъ, безъ поддержки, безъ семьи: наоборотъ, мы узнаемъ изъ приводимыхъ ниже данныхъ, что онъ принадлежалъ къ дружной семьѣ съ извѣстными традиціями. Знакомство его съ Геккереномъ, какъ оказывается, вовсе не завязалось въ Петербургѣ и не имѣло противоестественнаго характера: Геккеренъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ Дантеса и поддерживалъ сношенія съ его родными.

Извѣдую исторію послѣдней дуэли Пушкина, мы слышали горячія рѣчи друзей поэта, но голоса самого Геккерена и самого Дантеса мы не слышали. Тѣмъ болѣе интересъ имѣютъ печатаемые нами письма и объясненія барона Геккерена по дѣлу о дуэли. Эти объясненія подлежатъ, конечно, строжайшей критикѣ, но, несомнѣнно, они вносятъ новыя и важныя подробности о дѣйствіяхъ прѣкосновенныхъ къ дуэли лицъ: таковы, напримѣръ, сообщаемыя Геккереномъ данныя о роли Натальи Николаевны Пушкиной.

Главнѣйшій матеріалъ для нашей статьи извлеченъ изъ архивовъ—государственнаго и с.-петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Считаю себя обязаннымъ искренней благодарностью С. М. Горяинову и Н. П. Павлову-Сильванскому, столь безвременно скончавшемуся, за ихъ постоянно предупредительное вниманіе къ нашимъ занятіямъ въ этихъ архивахъ. Безъ этого вниманія были бы невозможны новыя открытія матеріаловъ. Данными о службѣ Дантеса мы обязаны С. А. Панчулидзеву, сообщившему намъ ихъ изъ архива Кавалергардскаго Ея Величества полка. Сообщенія пословъ, британскаго и нѣмецкаго, выдержки изъ которыхъ приводятся нами, получены изъ архивовъ лондонскаго и берлинскаго министерствъ иностранныхъ дѣлъ, благодаря содѣйствію Пушкинской комиссіи при отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и Государственнаго Архива¹.

I.

Свѣдѣнія о Геккеренѣ и его службѣ.—Семья Дантеса; данныя о его жизни.—
Архивная справка о бракосочетаніи.

Баронъ Геккеренъ принадлежалъ къ одной изъ важнѣйшихъ и вліятельныхъ голландскихъ фамилій. Онъ былъ сыномъ майора

¹ Сообщенія пословъ въ неограниченномъ и полномъ видѣ будутъ опубликованы нами въ книгѣ о дуэли Пушкина.

отъ кавалеріи Эверта-Фридриха барона ванъ-Геккерена (1755—1831) и Генриетты-Жанны-Сузанны-Маріи графини Нассау. Полное имя барона Геккерена — Jacob Theodore-Borhardt-Anne Baron van Heeckeren de Beverwaard. Онъ родился 30 ноября 1791 года. Судя по тому, что, поднимая въ 1837 году вопросъ о своемъ отозваніи изъ Петербурга, Геккеренъ неоднократно указывалъ въ объясненіяхъ своему правительству на недостаточность своихъ средствъ, можно думать, что Геккеренъ не располагалъ значительнымъ состояніемъ, но, конечно, не былъ и бѣднымъ человѣкомъ. Въ 1837 году Геккеренъ считалъ за собой тридцать одинъ годъ безкорыстной службы своему государству. Значить, онъ началъ служить въ 1806 году, 15-ти лѣтъ отъ роду. Мы не знаемъ, какъ онъ проходилъ свою службу, но уже въ 1823 году онъ былъ въ Петербургѣ въ нидерландскомъ посольствѣ: въ этомъ году бывшій нидерландскимъ посланникомъ въ Россіи Верстолкъ ванъ-Зеленъ отъѣхалъ изъ Петербурга, и баронъ Геккеренъ 26 марта 1823 года вступилъ въ отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ. А черезъ три года, 26 марта 1826 года, онъ представилъ кредитивную грамоту на званіе посланника. Такимъ образомъ, къ 1837 году Геккеренъ являлся однимъ изъ старожиловъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ.

Повидимому, его отношенія съ русскимъ правительствомъ, — съ государемъ и вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде, — складывались довольно благопріятно. Въ 1833 году баронъ Геккеренъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Рескриптъ на орденъ подписанъ 15 іюля 1833 года¹. Но этому поводу графъ Нессельроде 17 іюля 1833 года писалъ Геккерену: „Его величество государь импера-

¹ Приводимъ текстъ рескрипта: „Желая ознаменовать особенное наше къ вамъ благоволеніе, пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени. Препровождая при семъ орденскіе знаки, пребываемъ къ вамъ благоклонны“. Данъ 15 іюля 1833 года въ Александріи, близъ Петергофа.

торъ, желая, по случаю вашего отъезда¹, выказать вамъ свидѣтельство своего высокаго благоволенія, а также и удовольствія по поводу отличнаго исполненія вами во время вашего пребыванія въ этой столицѣ обязанностей, возложенныхъ на васъ вашимъ августѣйшимъ государемъ, удостоилъ назначить васъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени“. 18 іюля баронъ Геккеренъ отъѣнно учтиво благодарилъ графа Нессельроде².

Другихъ свѣдѣній о дипломатической службѣ Геккерена въ Россіи у насъ нѣтъ. Въ общемъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось обширное дѣло о баронѣ Геккеренѣ, то-есть

¹ Геккеренъ въ это время уѣзжалъ на родину.

² Вотъ подлинный отвѣтъ барона Геккерена. Написано обычнымъ для дипломата стилемъ, но, быть можетъ, съ нѣскольکو большею, чѣмъ обыкновенно, долей низкопоклонства.

S-t Pétersbourg le 18/30 Juillet 1833. Monsieur le Comte, j'ai l'honneur d'accuser à Votre Excellence reception de la gracieuse lettre par laquelle elle a la bonté de m'informer en date d'hier, que Sa Majesté l'Empereur a daigné me nommer Chevalier Grand Croix de l'ordre de S-te Anne.

„Je ne saurais vous exprimer, Monsieur le Comte, combien je m'estime heureux que ma conduite à S-t Pétersbourg ait pu me valoir de la part de Sa Majesté l'Empereur une distinction aussi flatteuse. Si quelque chose pouvait encore ajouter à la profonde reconnaissance dont une si haute marque de la bienveillance Impériale m'a pénétré, ce sont les expressions de bonté dont Sa Majesté a daigné l'accompagner. Je rendrais mal, Monsieur le Comte, tout ce que j'ai éprouvé en la recevant et lorsqu'aujourd'hui je viens supplier Votre Excellence de vouloir bien être mon interprète et de déposer aux pieds de Sa Majesté Impériale l'expression de toute ma gratitude, c'est à ses propres sentiments que je fais appel, sur d'avance que ils lui fourniront tout ce que je ne pourrais dire moi-même, pour témoigner à Sa Majesté la satisfaction que m'a causé tant de bonté.

„Je dois également prier Votre Excellence de vouloir bien me permettre de Lui offrir mes vifs remerciements pour tout ce que sa lettre contient d'obligeant pour moi et de Lui exprimer le désir que mon prompt retour à la santé ne me prive pas longtemps de l'agrément et du plaisir de mes relations avec elle.

„Je saisis encore avec empressement cette occasion de Lui renouveler les assurances de ma plus haute considération“.

собственно не о немъ, а о выписываемыхъ имъ беспошлинно вещахъ изъ-за границы. Геккеренъ использовалъ предоставленное ему, какъ посланнику, право беспошлиннаго полученія вещей изъ-за границы. Онъ выписывалъ массу вещей, начиная съ напиктовъ и кончая мебелью. Быть можетъ, онъ получалъ ихъ и не для личнаго своего употребленія, а для знакомыхъ. Въ сентябрѣ 1833 года департаментъ вѣшной торговли обратилъ вниманіе министерства иностранныхъ дѣлъ на то, что „съ нѣкотораго времени привозятся къ Геккерену значительныя партіи вещей“.

Къ концу 1833 года относится появленіе Дантеса въ Россіи. Кажется довольно правдоподобнымъ предположеніе, что пріѣздъ Дантеса находится въ извѣстной зависимости отъ пребыванія Геккерена за границей въ этомъ году. Юлій Эккардтъ, авторъ книги „Aus der Petersburger Gesellschaft“, пишетъ: „къмъ собственно былъ этотъ господинъ, и что побудило его искать счастья именно въ Петербургѣ, было вначалѣ тайною, такъ какъ онъ не былъ въ связи ни съ одной изъ извѣстныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій и былъ совершенно неизвѣстенъ завсегдатаямъ нашего общества, которые вообще вѣдь были очень хорошо освѣдомлены въ Парижѣ“¹. Мы не можемъ видѣть ничего необыкновеннаго въ появленіи Дантеса въ Петербургѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ Россію въ Петербургъ къ давнему другу своей семьи, занимавшему видное положеніе въ русской столицѣ. Фактъ дружественныхъ отношеній барона Геккерена къ семьѣ Дантеса будетъ удостовѣренъ перепиской его съ Дантесами, которую мы въ свое время приведемъ. Князь Трубецкой рассказывалъ, что Дантесъ доводился племянникомъ голландскому посланнику².

¹ Не имѣя подъ руками книги Эккардта, цитируемъ по брошюрѣ г. Никольскаго „Послѣдняя дуэль Пушкина“, стр. 12.

² См. „Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу“. Спб., отд. отд. стр. 2. Дантесъ былъ племянникъ голландскаго посланника Геккерена. родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ.

Дѣйствительно, русскимъ завсегдатаямъ въ Парижѣ Дантесъ могъ быть не извѣстенъ, потому что постояннымъ мѣстопробываніемъ его семьи былъ Эльзасъ. Дантесы искони владѣли землями въ Эльзасѣ, въ Кольмарѣ и Сульцѣ, и отличались преданностью королямъ. Это была роялистская фамилія. Въ дворянское достоинство Дантесы были возведены не задолго до событій, разыгравшихся въ тридцатыхъ годахъ ¹.

Георгъ Карлъ Дантесъ (d'Anthes) родился въ Кольмарѣ 5-го февраля 1812 года. Его отецъ—баронъ Конрадъ Дантесъ и мать—графиня Марія-Людвика Гацфельдъ. Учился Дантесъ въ Сень-Сирской военной школѣ. Отецъ Пирлингъ сообщил Д. Н. Майкову слѣдующія свѣдѣнія о школьныхъ годахъ Дантеса, извлеченныя имъ изъ его послужного списка, сохранившагося въ архивѣ училища ². 19-го ноября 1829 г. Дантесъ былъ принятъ въ Сень-Сирское военное училище. 30 августа 1830 года онъ отбылъ въ отпускъ, а 19 октября уволенъ изъ училища по желанію семейства. По преданію же, которое извѣстно и отцу Пирлингу и распространено не только въ Россіи, но и во Франціи, Дантесъ былъ исключенъ за участіе въ политическихъ манифестаціяхъ. Русскіе біографы совершенно не склонны признавать политическихъ тенденцій за какими-либо дѣйствіями Дантеса. Дантесъ выдавалъ себя за шуана, и русскіе изслѣдователи находили невозможнымъ вѣрять этому. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельствъ о первыхъ шагахъ Дантеса. Онъ вышелъ изъ роялистской семьи; естественно думать, что въ молодые годы онъ явился посильнымъ защитникомъ идей роялистовъ. Въ іюль 1830 года, какъ разъ въ то время, когда Дантесъ находился

---

¹ Свѣдѣнія о родѣ Дантеса смотри: V-te Réverend. Armorial du Premier empire. Paris, 1897, и Annuaire de la Noblesse, 1897.

² Смотри „Старина и Новизна“, книга 3-я, Сиб., 1900, стр. 340.

въ стѣнахъ Сенъ-Сирской школы, произошла извѣстная революція: Карль X былъ низвергнутъ, а 9 августа Луи-Филиппъ принесъ присягу на вѣрность хартіи. Въ самомъ началѣ дѣятельности новый король и его правительство встрѣтили не мало затрудненій. Противъ нихъ были враждебно настроены и роялисты (которыхъ иногда звали карлистами), и республиканцы. Депутаты изъ роялистовъ отказывались приносить присягу. Броженіе среди легитимистовъ продолжалось первые годы новаго правленія, и въ 1832 году привело къ довольно нелѣпому возстанію, поднятому герцогиней Беррійской. Прокатились послѣдніе слабые отзвуки вандейскихъ бурь¹.

Мы знаемъ, — правда, на основаніи не документальныхъ данныхъ, а только преданія, — что въ 1830 году Дантесъ принялъ участіе въ роялистской манифестаціи и вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами былъ исключенъ изъ школы. 30 августа, по бумагамъ училища, онъ отбылъ въ отпускъ: первый мѣсяцъ правленія новаго короля былъ очень подходящимъ временемъ для подобной манифестаціи. Есть слухи, что въ 1832 году онъ принялъ участіе въ вандейскомъ возстаніи, руководимомъ герцогиней Беррійской. По ходу событій, нѣтъ ничего неестественнаго и въ этомъ участіи².

Въ 1833 году Дантесъ появился въ Россіи. Барону Геккерену не трудно было, конечно, ввести Дантеса въ высшее общество и устроить его зачисленіе въ Кавалергардскій полкъ. Разказы о томъ, какъ художникъ Ладюрнеръ, по одному показанію, или архитекторъ Монферанъ, по другому, подстроилъ цѣлую исторію, чтобы обратить вниманіе Николая Павловича на своего молодого соотечественника, кажутся намъ мало вѣроятными именно потому, что авторитетъ самого Геккерена былъ достаточно великъ при дворѣ.

¹ Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ I, ч. 1, гл. 6 и 13.

² Поэтому всѣ попытки г. Никольскаго опровергнуть слухи о политическихъ тенденціяхъ Дантеса (его брошюра „Послѣдняя дуэль Пушкина“. Спб., 1900, стр. 13—14) неудачны.

Баронъ Георгъ Дантесъ, по высочайшему повелѣнію 27 января 1834 года, былъ допущенъ къ офицерскому экзамену, а 14 февраля въ приказѣ по полку было отдано:

„Опредѣленный на службу по высочайшему приказу, отданному въ 9 день сего февраля, а объявленному въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывшій французскій королевскій воспитанникъ военнаго училища Сентъ-Сиръ баронъ Дантесъ въ сей полкъ корнетомъ зачисляется въ штатное состояніе съ записаніемъ въ 7-й запасный эскадронъ, коего и числить въ ономъ налицо“.

28 апрѣля 1834 года Дантесъ былъ переведенъ въ 6-й эскадронъ¹.

Въ 1836 году (5-го мая) Дантесъ былъ усыновленъ барономъ Геккереномъ, по законамъ Нидерландскаго королевства².

Не лишены интереса архивныя данныя о женитьбѣ Дантеса.

Въ концѣ ноября 1836 года Геккеренъ обратился къ графу Нессельроде съ просьбой выхлопотать разрѣшеніе его пріемному сыну вступить въ бракъ съ Екатериной Николаевной Гончаровой. 1-го декабря вице-канцлеръ графъ Нессельроде отправилъ въ вѣдомство православныхъ исповѣданій управляющему этимъ вѣдомствомъ графу Протасову слѣдующую бумагу:

„Нрѣбывающій здѣсь нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ проситъ исходатайствовать дозволеніе усыновленному имъ

---

¹ Нѣкоторыя данныя о службѣ Дантеса сообщены въ брошюрѣ В. В. Никольскаго: „Идеалы Пушкина“, изданіе 3-е, Спб. 1899, стр. 121 и слѣд.

² См. дѣло „объ усыновленіи Дантеса“ въ книгѣ Н. А. Гастфрейнда: „Пушкинъ“. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ. Спб., 1900 г., стр. 62 и слѣд.

барону Георгу-Карлу Геккерену, служащему поручикомъ въ Кавалергардскомъ ея императорскаго величества полку вступить въ законный бракъ съ фрейлиной Екатериной Николаевной Гончаровой, съ разрѣшеніемъ, чтобы имѣющія родиться въ семъ бракѣ дѣти были крещены и воспитывались въ исповѣдуемой барономъ Г. К. Геккереномъ вѣрѣ. Покорнѣйше прося ваше сіятельство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе по домогательству нидерландскаго посланника и о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ, имѣю честь“ и проч.

Только 3-го января 1837 года Протасовъ увѣдомилъ (по вѣдомству православныхъ исповѣданій, отдѣленіе духовныхъ дѣлъ столъ I, № 13) графа Нессельроде о томъ, что онъ докладывалъ государю о дозволеніи Геккерену вступить въ бракъ безъ принятія російскаго подданства и безъ обязательства крестить воспитываемыхъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Государю „благоугодно было изъявить на сіе высочайшее соизволеніе“. Извѣщая объ этомъ, Протасовъ присовокупилъ, что онъ увѣдомилъ объ этомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго митрополита.

9-го января 1837 года Нессельроде письмомъ увѣдомилъ барона Геккерена о состоявшемся разрѣшеніи, но, конечно, Геккерены не дожидались официальнаго разрѣшенія, потому что въ римско-католической церкви св. Екатерины уже 27-го декабря 1836 года состоялось первое оглашеніе, а 1-го января въ приказѣ по Кавалергардскому ея величеству полку было отдано:

„Съ разрѣшенія г. командующаго корпусомъ, объявленнаго въ предписаніи его высокопревосходительства отъ 28-го декабря за № 1358, послѣдовавшемъ по командѣ съ № 2178, просящему позволеніе вступить въ законный бракъ г. поручика барону де-Геккерену съ фрейлиной двора ея императорскаго величества Екатериною Гончаровой дозволяется, о чемъ дѣлаю извѣстнымъ по полку“.

А 3-го января въ приказѣ было отдано:

„Выздоровѣшаго г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, котораго не случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней“.

Второе и третье оглашеніе въ римско-католической церкви состоялось 3-го и 6-го января. 10-го января было совершено бракосочетаніе въ римско-католической церкви св. Екатерины по католическому обряду и въ Исаакіевскомъ соборѣ—по православному.

Въ римско-католической церкви совершилъ бракосочетаніе іеромонахъ доминиканскаго ордена Даміанъ Іодзевичъ. Свидѣтелями были—баронъ Людвигъ Геккеренъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Григорій Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ и графъ д'Аршіакъ.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ вѣнчалъ священникъ Николай Райковскій; поручителями были только что перечисленные лица и, кромѣ нихъ, л.-гв. Гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и Кавалергардскаго ея величества полка полковникъ Александръ Иолетика¹.

При бракосочетаніи братья Екатерины Николаевны л.-гв. гусарскаго полка поручикъ Иванъ и отставной поручикъ Сергій Гончаровы, вмѣстѣ съ прочими родными ихъ семейства, обязались словесно и письменно выдавать сестрѣ ежегодную пенсію въ 5000 р. асс. и сверхъ того выдать слѣдующую ей указную часть изъ имѣнія по смерти родителей ихъ.

---

¹ Выписка изъ метрической книги Исаакіевскаго собора напечатана въ книжкѣ В. В. Никольскаго: „Идеалы Пушкина“, 3-е изданіе, Спб. 1899 г. стр. 199.

II.

Баронъ Геккеренъ—въ первые дни послѣ дуэли.—Графъ Нессельроде требуетъ объясненій.—Отношенія императора Николая I къ Пушкину.—Необходимость критическаго отношенія къ „традиціонной точкѣ“ зрѣнія на этотъ вопросъ.—Искренніе отзывы Николая о Пушкинѣ.—Чѣмъ былъ для него Пушкинъ?—Мнѣніе его о Геккеренѣ.—Вопросъ объ оправдательныхъ документахъ, представленныхъ барономъ Геккереномъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде узналъ о роковой дуэли въ тотъ же день отъ своего государя. „Государь послалъ тотчасъ сказать о случившемся Нессельроде, который всегда такъ мало высказываетъ свои чувства,—сообщила сейчасъ же послѣ катастрофы графиня Нессельроде въ Парижъ А. О. Смирновой¹.—Онъ мнѣ только сказалъ: „это подлость!“ Онъ всегда симпатизировалъ покойному, уважалъ его и сожалѣлъ, что тотъ не остался въ министерствѣ... Вы знаете, какъ Нессельроде уважалъ Пушкина, онъ всегда восхищался его громадными дарованіями... Государь говорилъ объ этомъ съ Нессельроде, онъ огорченъ и просто взбѣшенъ этой исторіей, и рѣшилъ узнать всю правду объ анонимныхъ письмахъ, о печатномъ циркулярѣ“...

По этимъ обычнымъ фразамъ жены дипломата врядъ ли можно выяснять истинный характеръ отношеній четы Нессельроде къ Пушкину. Старый Геккеренъ, напримѣръ, въ своихъ письмахъ за границу указывалъ на графа и графиню, какъ на лицъ, ему искренно сочувствующихъ. Одно изъ своихъ писемъ онъ закончилъ слѣдующей тирадой: „если что либо можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, а также графъ и графиня Строга-

¹ Къ сожалѣнію, письмо напечатано въ „Занискахъ“ А. О. Смирновой (часть II, Спб., 1897 г., стр. 94—96) далеко не въ подлинномъ видѣ, а въ переводѣ, да и то не цѣликомъ, а въ выдержкахъ.

новы оставили мой домъ только въ часъ полуночи“. Геккерену, очень заботившемуся о сохраненіи своего мѣста въ Петербургѣ, было очень важно подчеркнуть доброжелательное отношеніе къ нему главы русскаго министерства. Но, кажется, старому Геккерену пришлось за знаки сочувствія выдать условныя фразы, столь распространенныя въ высшемъ свѣтѣ и среди дипломатовъ. Сношенія послѣднихъ вездѣ и всегда облечены покровомъ безукоризненной вѣжливости. Мы съ полной достовѣрностью можемъ думать, что цѣль посѣщенія Нессельроде дома Геккерена вовсе не состояла только въ выраженіи сочувствія. Въ этотъ же вечеръ Нессельроде отъ имени государя потребовалъ отъ Геккерена объясненій. Объ этомъ фактѣ мы заключаемъ изъ слѣдующаго письма, посланнаго Геккереномъ на другой же день послѣ дуэли, 28-го января, графу Нессельроде.

„Имѣю честь представить вашему сіятельству прилагаемые при семъ документы, относящіяся до того несчастнаго происшествія, которое вы благоволили лично повергнуть на благоусмотрѣніе его императорскаго величества. Они убѣдятъ, надѣюсь, его величество и ваше сіятельство въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Примите увѣренія и проч.“.

Это письмо датировано 28-мъ января, которое въ 1837 году приходилось въ четвергъ. А въ субботу утромъ Геккеренъ обратился съ новымъ письмомъ.

„Вотъ, графъ, документъ, котораго не хватало въ числѣ тѣхъ, что я уже имѣлъ честь вамъ вручить.“

„Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора уполномочить васъ прислать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ оправданіе моего собственнаго поведенія въ этомъ грустномъ дѣлѣ; оно мнѣ необходимо для того, чтобы я могъ себя чувствовать въ

правѣ оставаться при императорскомъ дворѣ; я былъ бы въ отчаяніи, если бы долженъ былъ его покинуть; мои средства невелики, и въ настоящее время у меня семья, которую я долженъ содержать. Примите увѣренія“ и проч. ¹.

Очевидно, уже въ эти три дня положеніе Геккерена въ Петербургѣ нѣсколько выяснилось. Старый дипломатъ начиналъ сознавать, что замаять дѣла ему не придется, а придется разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ и покинуть Петербургъ. Знаки вниманія со стороны высшаго общества утонули въ волнѣ общественнаго негодования. Ниже мы приведемъ письмо Геккерена своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолю; въ этомъ письмѣ мы найдемъ оцѣнку общественнаго настроенія въ первые дни по смерти Пушкина. Эта оцѣнка вполне вѣрна, и именно потому, что она принадлежитъ Геккерену. Но для Геккерена въ рѣшеніи вопроса о продолженіи службы въ Петербургѣ общественное мнѣніе играло незначительную роль, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: для него безконечно важнѣе было мнѣніе о немъ государя хотя бы уже по одной той причинѣ, что жена наслѣднаго принца Анна Павловна приходилась родной сестрой императора Николая I. И понятво, ему не осталось безызвѣстнымъ совершенно отрицательное отношеніе къ нему Николая Павловича.

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу мы видѣли, какъ Вяземскій и его друзья оцѣнивали отношенія императора Николая къ Пушкину. У нихъ не хватало словъ для эпитетовъ. Государь оказалъ нѣкоторую матеріальную поддержку вдовѣ своего камеръ-юнкера, прислалъ справиться

---

¹ Это письмо датировано: „суббота утромъ“. По его связи съ предыдущимъ и послѣдующими письмами Геккерена оно должно быть отнесено именно на субботу 30-го января. Всѣ письма Геккерена, конечно, писаны на французскомъ языкѣ.

о здоровьѣ, попросилъ Пушкина исполнить христіанскія обязанности, т. е. сдѣлать то, что никоимъ образомъ не выходитъ за предѣлы принятаго въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ и даже въ отношеніяхъ царя къ подданому. И вотъ такія-то выраженія вниманія князь Вяземскій и друзья поэта, придворные, окружавшіе поэта, и люди, воспитанные въ душной атмосферѣ дворца (примѣръ: мирнова), приняли за проявленія высокаго духа, за подвиги необыкновенной добродѣтели. Указывая на эти выраженія обычной посмертной вѣжливости, стали говорить о томъ, что Николай Павловичъ необыкновенно высоко цѣнилъ и поэзію, и личность Пушкина, что онъ признавалъ все огромное значеніе Пушкина для Россіи и т. д. Эта бессознательная идеализація вырастаетъ изъ условныхъ отношеній, изъ трафаретныхъ фразъ, изъ своеобразной психологіи дворцовой массы. И, кажется, никогда такъ рѣзко не расходилась съ дѣйствительностью ни одна характеристика, созданная процессомъ идеализаціи, какъ характеристика императора Николая I. Возьмите, напримѣръ, записки фрейлины А. О. Смирновой. Въ первомъ томѣ извѣстнаго труда объ императорѣ Николаѣ покойнаго Н. К. Шильдера собраны данныя, неопровержимо доказывающія всю скудость и незначительность образованія и развитія Николая Павловича. Николай Павловичъ самъ признавалъ воспитаніе свое и брата „скуднымъ“. А въ запискахъ А. О. Смирновой императоръ Николай выставляется большимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ литературы, русской и иностранной. И Смирнова приводитъ цѣлый рядъ фразъ, аргументовъ завѣдомо апокрифическаго характера, но мы далеки отъ мысли предполагать, что Смирнова выдумывала факты. Ложенъ былъ самый тонъ ея отношеній къ Николаю Павловичу, ихъ пафосъ. При такомъ тонѣ обыкновенная фраза кажется необыкновеннымъ изреченіемъ, обыкновенныя дѣйствія — актомъ значительнымъ и т. д.

Не разбираясь въ критикѣ показаній друзей Пушкина, біографы пошли по ихъ стопамъ въ изображеніи отношеній Николая Павловича. Въ воспоминаніяхъ друзей о послѣднихъ минутахъ жизни поэта, проникнутыхъ ложнымъ паэосомъ и констатирующихъ цѣлый рядъ пышныхъ и едва ли произнесенныхъ изреченій, стоитъ отмѣтить два факта. Нельзя не обратить вниманія на то, что текстъ знаменитой записки государя Пушкину, содержавшей утѣшеніе, намъ неизвѣстенъ: по совершенно непонятнымъ мотивамъ Николай Павловичъ потребовалъ, чтобы эту записку отнюдь не оставляли у Пушкина,¹ а возвратили бы ему. Почему бы не оказать утѣшенія умирающему? Умирающій нуждался и въ другомъ утѣшеніи, онъ тревожился за участь Данзаса и неоднократно просилъ ѣхавшихъ къ царю передать ему просьбу за Данзаса. „Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мой братъ“,—говорилъ Пушкинъ. И прямого отвѣта, прямого удовлетворенія этой просьбы умирающій не получилъ. Правда, кн. Вяземскій пишетъ что „на довольно успокоительный (не категорическій, исходившій отъ говорившаго, а не отъ государя) отвѣтъ Арендта изъ явиль снова преданность и благодарность къ государю“. Двѣ маленькихъ подробности—о запискѣ и о прощеніи Данзаса—никакъ не позволяютъ намъ согласиться съ заключеніемъ С. М. Лукьянова: „мы будемъ далеки отъ какого бы то ни было преувеличенія, если позволимъ себѣ утверждать, что наибольшую медицинскую помощь на первыхъ же порахъ несчастному раненному оказалъ не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ царь, слившій съ нимъ свою душу въ общемъ сознаніи братства передъ смертью и въ чувствѣ отвѣтственности передъ единымъ высшимъ нравственнымъ закономъ“¹.

¹ „О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія“ въ „Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов.“. 1899, кн. 3, стр. 974.

Вопросъ объ отношеніяхъ императора Николая къ Пушкину чрезвычайно важенъ для біографіи поэта, но при его рѣшеніи нужно подвергать серьезнѣйшей критикѣ всѣ источники нашихъ свѣдѣній, а при критикѣ — не забывать вліяній процесса безсознательной идеализаціи. Интересно, напримѣръ, сопоставить съ разсказомъ князя Вяземскаго, съ его превознесеніями императора Николая именно за его отношенія къ Пушкину, за сдѣланную имъ высокую оцѣнку поэта, опубликованныя въ послѣднее время „Выписки изъ писемъ Бенкендорфа къ Николаю Павловичу о Пушкинѣ“ и отмѣтки послѣдняго на этихъ письмахъ¹. Выписки и отмѣтки на нихъ Николая I опредѣляютъ настоящіе, дѣйствительные взгляды государя и Бенкендорфа на Пушкина, остававшіеся, конечно, тайной для самого поэта. Между высшими официальными сферами и Пушкинымъ лежала глубокая, непроходимая бездна, и разница въ отношеніяхъ Пушкина и этихъ сферъ въ томъ, что послѣднія всегда сознавали всю непроходимость бездны (Пушкинъ казался почти-что пигмеемъ, ничтожествомъ), а Пушкинъ, чувствуя всю ложность своего положенія, врядъ ли ясно сознавалъ глубину бездны и то, что онъ можетъ кому бы ни было казаться ничтожествомъ. И потому Пушкинъ душу отдавалъ въ этихъ отношеніяхъ, а въ отвѣтъ получалъ нѣчто холодное и расчетливое. Вотъ отзывъ Бенкендорфа о Пушкинѣ: „Онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю,—замѣтки человѣка, возвращающагося къ здоровому смыслу“. Отмѣтка государя: „Посмотрю, что это такое“. Въ другомъ донесеніи 1826 г. Бенкендорфъ сообщаетъ: „Пушкинъ авторъ въ Москвѣ и всюду говоритъ о нашемъ императорскомъ величествѣ съ благодарностью и глубочайшей преданностью; за нимъ всѣ такъ слѣдятъ внимательно“.

¹ „Старина и Новизна“, т. 6-ой, Спб., 1903 г., стр. 2—20.

Въ 1827 году Бенкендорфъ доноситъ: „въ день моего отъѣзда Пушкинъ послѣ свиданія со мной съ восторгомъ говорилъ въ англійскомъ клубѣ о вашемъ величествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить здоровье вашего величества. Онъ все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно“. Къ 1830 году относится собственноручная записка императора Николая: „я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ „Пчелы“ находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія“... Но графъ былъ въ странно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ и всегда находилъ возможность отводить отъ него грозу. Любопытно донесеніе Бенкендорфа по поводу прошенія Пушкина о возвращеніи поданной имъ отставки. „Такъ какъ онъ (т. е. Пушкинъ) сознается въ томъ, что сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ“. Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю бессмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу (*un fou de 20 ans*), не можетъ примѣняться къ человѣку 35 лѣтъ, мужу и отцу семейства“. Приведенныя выписки достаточно опредѣленно говорятъ о томъ, чѣмъ былъ Пушкинъ въ глазахъ руководящихъ сферъ.

Объ отношеніяхъ Николая Павловича къ Пушкину, ничуть не

восторженныхъ и въ достаточной мѣрѣ холодныхъ и индифферентныхъ, можно судить еще по его перепискѣ съ княземъ Паскевичемъ, бывшемъ въ это время на Кавказѣ. 4-го февраля, среди всякихъ другихъ новостей, царь извѣщалъ, „любезнаго отца командира“ о прекрасныхъ результатахъ внезапнаго смотра гарнизона. „Сюрпризъ былъ для всѣхъ совершенный и всѣхъ до крайности изумилъ,—писалъ государь, но мнѣ этого и надобно было, чтобы удостовѣриться, что все въ должномъ порядкѣ. На-дняхъ то же намѣреваюсь повторить съ загородною кавалеріей. Впрочемъ, здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служить пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую, имъ же писанную, картель, но, слава Бога, умеръ христіаниномъ“¹. Фельдмаршалъ Паскевичъ писалъ въ отвѣтъ царю: „жалъ Пушкина, какъ литератора: (его не стало) въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ“². Государь на эту фразу Паскевича далъ отвѣтъ: „Мнѣніе твое я совершенно раздѣляю, и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее. Впрочемъ всѣ толки про это дѣло, какъ и все на свѣтѣ, проходятъ, а судъ идетъ своимъ порядкомъ“³. Итакъ, у Николая Павловича для характеристики трагической кончины не оказалось другихъ словъ, кромѣ „дерзкій и глупый“. А самъ Пушкинъ (неотразимое впечатлѣніе фразъ Николая I въ перепискѣ съ Паскевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ!) представлялъ въ его глазахъ величину довольно малоцѣнную. Пушкинъ, весь, какъ онъ выросъ до 1837 г., съ его творческими муками, не удовлетворялъ царя, и онъ не считалъ нужнымъ его оплакивать.

---

¹ Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ, его жизни и дѣятельность. Приложенія къ тому пятому. Спб. 1896. Стр. 320.

² Ibid. Томъ пятый, стр. 169.

³ Ibid. Приложенія къ 5-му тому, стр. 322.

Но мы не имѣемъ въ виду здѣсь выяснять детально истинный характеръ отношеній царя къ поэту. Намъ важно отмѣтить взгляды государя на дѣло дуэли и его мнѣніе о Геккеренѣ. У насъ есть матеріалъ для отвѣта, въ высшей степени цѣнный, заключающійся въ письмѣ Николая Павловича, отъ 3-го февраля 1837 г., своему брату, великому князю Михаилу Павловичу¹. (Онъ въ это время находился въ Римѣ). Это письмо, въ которомъ автору нечего было скрывать свои интересы и инстинкты, начинается съ поздравленія съ прошедшимъ днемъ рожденія. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, происшедшихъ послѣ послѣдняго письма. „Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти и звѣстнаго Пушкина (курсивъ нашъ!) отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ“. Сейчас мы приведемъ рассказъ Николая Павловича о дѣлѣ Пушкина. Этому рассказу посвящена приблизительно половина письма. Во второй половинѣ государь сообщаетъ брату о своемъ осмотрѣ корпусовъ кадетскихъ, о смотрѣ образцоваго и гусарскаго полка, о видѣ рекрутовъ, о здоровьѣ великой княжны, о комнатныхъ спектакляхъ въ концертной залѣ и о здоровьѣ командира всей гвардейской пѣхоты, К. И. Бистрома.

Изложеніе дѣла—очень сухо, и при всемъ желаніи нѣтъ возможности констатировать любовь и уваженіе къ Пушкину, тѣ чувства, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ и князь Вяземскій и другіе. Вотъ какъ писалъ Николай Павловичъ своему брату: „Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же пись-

¹ „Русская Старина“, 1902 г., май, стр. 225—230.

менно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ, а хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, а въ особенности гнуснаго его отца, Геккерена. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семь дѣлѣ. *C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop.* Пушкинъ погибъ, и, слава Богу, умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшую частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться, чего не вытерпѣлъ. Дантесъ—подъ судомъ, равно какъ и Данзасъ, секундантъ Пушкина, и кончится по законамъ, и кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудетъ. По корнусамаъ все въ порядкѣ¹ и т. д. 1.

Письмо Николая Павловича написано 3-го февраля, и уже 3-го февраля государь могъ писать: „кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудетъ“. Не имѣемъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, предпринялъ ли что-нибудь самъ Николай Павловичъ для отозванія Геккерена. А. О. Смирнова сообщаетъ въ своихъ запискахъ:

¹ „Кончится по законамъ“,—писалъ Николай Павловичъ, оставляя безъ вниманія предсмертную мольбу Пушкина—простить Данзаса.

„Государь отказался удостоить его прощальной аудіенціи. Онъ послалъ курьера въ Гаагу и потребовалъ, чтобы Геккерена отозвали; онъ даже написалъ королевѣ“. Изъ этихъ трехъ строкъ нельзя сдѣлать достовѣрнаго вывода: такъ противорѣчивы свѣдѣнія, въ нихъ заключающіяся. О прощальной аудіенціи рѣчь могла идти только въ концѣ марта, а посылка курьера, повидимому, тоже относится Смирновой къ этому времени, но мы уже видѣли, что думалъ 3-го февраля государь объ отозваніи Геккерена. Сейчасъ мы увидимъ, что уже 2-го февраля Геккеренъ отправилъ свое прошеніе объ отозваніи. 3-го февраля Геккеренъ извѣщалъ Нессельроде: „Тысячу разъ благодарю, многоуважаемый графъ, за дружеское письмо, которое вы мнѣ только что прислали; я усматриваю въ немъ то расположеніе, которое вы мнѣ доказывали много разъ. Но теперь слишкомъ поздно; мое прошеніе уже отправлено; вчера я умолялъ короля отозвать меня, и сегодня дублировать этой просьбы отосланъ по почтѣ. Я чувствую, что долженъ былъ такъ поступить, и не сожалею объ этомъ. Я рассчитываю получить отъ васъ письмо въ будущую субботу; до тѣхъ поръ надѣюсь имѣть удовольствіе васъ повидать“.

Итакъ, изъ письма къ Михаилу Павловичу видно, что Николай Павловичъ имѣлъ совершенно опредѣленное мнѣніе о роли Геккерена въ этомъ дѣлѣ. Это важно отмѣтить, потому что Николай Павловичъ для своего сужденія располагалъ несравненно болѣе многочисленными и болѣе важными данными, чѣмъ тѣ, которыя находятся сейчасъ въ нашемъ распоряженіи. Мы можемъ съ достовѣрностью утверждать, что государь ознакомился съ документами, доставленными Геккереномъ графу Нессельроде. Какіе же документы передалъ Геккеренъ графу? Извѣстны ли намъ они?

Въ ихъ числѣ находились, конечно, два письма Пушкина: первое—отъ 17-го ноября 1836 года къ виконту д'Аршіаку и второе—отъ 26-го января къ барону Геккерену. Въ первомъ—Пушкинъ бралъ свой первый вызовъ Дантесу назадъ, второе—это то самое дерзкое письмо, которое Пушкинъ бросилъ въ лицо барону Геккерену. Эти письма графъ Нессельроде вручилъ презусу комиссіи о дуэли, полковнику Бреверну, 8-го февраля 1837 года. А 28-го апрѣля вице-канцлеръ потребовалъ эти письма отъ военного министра обратно для отсылки ихъ къ уѣхавшему уже изъ Россіи барону Геккерену¹. Дѣйствительно, по снятіи копій и по окончаніи дѣла, подлинныя письма Пушкина были отправлены при отношеніи генераль-аудитора отъ 30-го апрѣля 1837 года, за № 1514, директору канцеляріи военного министерства для обращенія министру иностранныхъ дѣлъ².

Графъ Нессельроде, возбуждая вопросъ о возвращеніи писемъ, указывалъ на то, что „при врученіи сихъ писемъ посланникъ просилъ его о возвращеніи ему оныхъ по минованіи надобности“. Дѣйствительно, баронъ Геккеренъ придавалъ особое значеніе представленнымъ имъ бумагамъ. Онъ уѣхалъ изъ Россіи, не дождавшись этихъ бумагъ и получивъ отъ графа обѣщаніе переслать ихъ ему въ Гаагу черезъ русское посольство. По пріѣздѣ въ Гаагу Геккеренъ немедленно же явился въ русское посольство, имѣя между прочимъ въ виду показать, что онъ сохраняетъ добрыя отношенія съ русскими дипломатами, и тѣмъ поднять свой престижъ, сильно

¹ Пушкинъ. Документы Государственного и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданіе Н. А. Гастфрейнда, Спб., 1900 г., стр. 59—60.

² Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло. Спб., 1900 г., стр. 51—52. Требуемая письма были отправлены Нессельроде при письмѣ военного министра гр. Чернышева отъ 1-го мая 1837 года, за № 2701. См. Н. А. Гастфрейндъ, *op. cit.*, стр. 54—60.

скомпрометированный и на родинѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ обратился съ слѣдующимъ не лишеннымъ интереса письмомъ къ вице-канцлеру.

„Баронъ Геккеренъ прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ тотчасъ же попросилъ и получилъ аудіенцію у ихъ королевскихъ высочествъ, у принца Оранскаго и принцессы Оранской. Но только сегодня въ среду—обычный приѣмный день у короля—г. Геккеренъ долженъ предстать предъ его величествомъ. Не получая никакого увѣдомленія отъ вашего сіятельства относительно причины отозванія этого посланника и зная сверхъ того ваше всегдашнее благожелательное къ нему отношеніе, я полагалъ, что мой долгъ—отвѣчать сообразно той торопливости, съ которой онъ постарался меня видѣть тотчасъ... Геккеренъ, кажется, ожидалъ, найти у меня нѣкоторые документы, которые ваше сіятельство рассчитывали доставить ему при посредствѣ посольства, и которые въ его глазахъ, повидимому, представляютъ огромную важность“...

По этому поводу повѣренный въ дѣлѣ просилъ указаній графа.

Не дожидаясь результата сношеній посольства, баронъ Геккеренъ писалъ изъ Гааги 27-го мая н. ст. своему замѣстителю въ Петербургѣ Геверсу: „Будьте добры отправить отъ моего имени къ графу Нессельроде и скажите ему, что я не нашелъ здѣсь бумагъ, которыя онъ обѣщалъ мнѣ выслать, и которыя касаются событія, заставившаго меня покинуть Россію. Эти бумаги—моя собственность, и я не допускаю мысли, чтобы министръ, давшій мнѣ формальное обѣщаніе ихъ возвратить, пожелалъ меня обмануть. Потребуйте ихъ и пошлите ихъ мнѣ немедленно же: документовъ числомъ пять“.

Это письмо очень важно, потому что опредѣляетъ количество бумагъ, переданныхъ Геккереномъ графу Нессельроде. Ихъ было пять. Два изъ нихъ намъ извѣстны; остальные три неизвѣстны.

Но мы знаемъ, что военно-судной комиссiи они не были представлены. Почему? Объ этомъ можно только догадываться. Съ увѣренностью можно утверждать, что, если бы эти документы мало-мальски говорили въ пользу Пушкина, Геккеренъ ихъ не представилъ бы. Но разъ Нессельроде не передалъ ихъ въ судъ, то не потому ли, что они заключали въ себѣ что либо компрометирующее Пушкина?

Пакетъ съ бумагами былъ присланъ въ русское посольство въ Гаагу для выдачи барону Геккерену при письмѣ графа Нессельроде 26-мая (7-го iюня) 1837 года.

III.

Объясненiя, данныя Геккереномъ своему министру иностранныхъ дѣлъ.—Сообщенiе нѣмецкаго посланника Либерманна о дуэли Пушкина.—Свидѣтельства Либерманна и Геккерена объ отношенiи русскаго общества къ смерти Пушкина.—Новыя объясненiя Геккерена, письмо его къ принцу Ораискому.

Геккеренъ очень скоро сообразилъ, что его фонды при русскомъ дворѣ стоятъ очень невысоко, хотя на первыхъ порахъ онъ и не уразумѣлъ всей значительности событiй. Сначала онъ не представлялъ даже, чтобы смерть африкански метительнаго Пушкина могла явиться такимъ важнымъ событiемъ и возбудить столь глубокое общественное негодованiе. Нужно было подумать о томъ, чтобы сохранить за собой положенiе на родинѣ, при дворѣ нидерландскомъ. Какъ посланникъ, онъ обязанъ былъ дать отчетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолку. Геккеренъ отправилъ свой отчетъ 30-го января.

Если бы мы и не имѣли отчета Геккерена, мы могли бы все-таки а priori составить довольно опредѣленное представленiе о его содержанiи. Отчетъ сводился къ слѣдующей схемѣ. Ухаживанiй Дантеса за Натальей Николаевной и его увлеченiя Геккеренъ не могъ отрицать, но, понятно, онъ долженъ былъ подчеркнуть невинность

Пушкиной и отрицать существованіе преступной между ними связи. Первый вызовъ Пушкина Геккеренъ приписывалъ анонимнымъ письмамъ, а улаженіе дѣла съ первой дуэлью Геккеренъ относилъ на долю „общихъ друзей“. Объяснить же причины второй дуэли, поводы къ оскорбительному письму поэта Геккеренъ рѣшительно отказывался и все сводилъ къ характеру поэта и его африканскому происхожденію.

Но обратимся къ самому документу и приведемъ въ полномъ и буквальномъ переводѣ частное письмо посланника Геккерена къ своему министру.

„С.-Петербургъ, 11-го февраля (30-го января), 1837 г.

„Господинъ баронъ!

„Грустное событіе въ моемъ семействѣ заставляетъ меня прибѣгнуть къ частному письму, чтобы сообщить подробности о немъ вашему превосходительству. Какъ ни печаленъ былъ его исходъ, я былъ поставленъ въ необходимость поступить именно такъ, какъ я это сдѣлалъ, и я надѣюсь убѣдить въ томъ и ваше превосходительство простымъ изложеніемъ всего случившагося.

„Вы знаете, баронъ, что я усыновилъ одного молодого человѣка, жившаго много лѣтъ со мною, и онъ носить теперь мое имя.

„Ужъ годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину, жену поэта съ той же фамиліей. Честью могу завѣрить, что это расположеніе никогда не переходило въ преступную связь, все петербургское общество въ этомъ убѣждено, и г. Пушкинъ также кончилъ тѣмъ, что призналъ это письменно и при многочисленныхъ свидѣтеляхъ¹. Происходя отъ

---

¹ Это мѣсто неясно. О какомъ письменномъ признаніи невинности Пушкиной говорить Геккеренъ, мы не знаемъ; быть можетъ, что нибудь подобное находилось въ числѣ бумагъ, присланныхъ Геккереномъ графу Нессельроде.

одного африканскаго негра, любимца Петра Великаго, г. Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ предка свой мрачный и мстительный характеръ (caractere ombrageux et vindicatif).

„Полученныя имъ отвратительныя анонимныя письма, около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, разбудили его ревность и заставили его послать вызовъ моему сыну, который тотъ принималъ безъ всякихъ объясненій.

„Однако въ дѣло вмѣшались общіе друзья. Сынъ мой, понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жившей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполне приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разувѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы болѣе поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, клянусь честью, что онъ имъ никогда и не былъ), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла. Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ. Но мой сынъ, какъ порядочный человѣкъ и не трусь, хотѣлъ сдѣлать предложеніе только послѣ поединка, несмотря на то, что зналъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Секунданты были выбраны обѣими сторонами, какъ вдругъ г. Пушкинъ написалъ имъ, что, будучи освѣдомленъ общей мольбой о намѣреніяхъ моего сына, онъ не имѣетъ болѣе причинъ его вызывать, что считаетъ его человѣкомъ храбрымъ и беретъ свой вызовъ обратно, прося г. Геккерена возвратить ему

А многочисленные свидѣтели, о которыхъ упоминаетъ Геккеренъ, уже не были ли это свидѣтели кончины поэта, въ предсмертныя часы повторявшаго о виновности жены?

его слово и вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочивая секундантовъ воспользоваться этимъ письмомъ по ихъ усмотрѣнію

„Когда это дѣло было, такимъ образомъ, покончено, я какъ это принято между порядочными людьми, просилъ руки г-жи Гончаровой для моего сына.

„Два мѣсяца спустя, 10-го (22-го) января, бракъ былъ совершенъ въ обѣихъ церквахъ въ присутствіи всей семьи. Графъ Григорій Строгановъ съ супругой, родные дядя и тетка молодой дѣвушки, были ея посаженными отцомъ и матерью, а съ моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидѣтелями ².

„Съ этого времени мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и мстительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

¹ Геккеренъ излагаетъ письмо Пушкина къ секундантамъ, посланное графу Соллогубу на квартиру Дантеса, далеко неточно, пожалуй, даже рассчитанно неточно. Пушкинъ вовсе не просилъ Геккерена возвратить ему слово и не называлъ Дантеса храбрымъ человѣкомъ. Вотъ это письмо: „Я не затрудняюсь написать то, что могу заявить устно. Я вызвалъ г. Ж. Геккерена на дуэль, и онъ принялъ это, не вступая ни въ какія объясненія. Я же и прошу господъ свидѣтелей этого дѣла, чтобы они соблагволили смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на не бывшій, узнавъ по общему голосу (*la voix publique*), что г. Жоржъ Геккеренъ рѣшился объявить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ г-жой Гончаровой послѣ дуэли. Я не имѣю никакого повода приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка. Я прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое сочтете нужнымъ“.

² И тутъ Геккеренъ допускаетъ неточность. Выше мы привели справку о бракосочетаніяхъ: ни князь, ни княгиня Бутера не были свидѣтелями при бракосочетаніи, по крайней мѣрѣ, они не расписывались въ книгѣ.

„Не знаю, чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ въ частности зависти, или какому либо другому невѣдомому побужденію, — но только прошлый вторникъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собрались на обѣдъ къ графу Строганову, и безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести все отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

„Все же я готовъ представить вашему превосходительству копію съ него, если вы потребуете, но на сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самые презрѣнныя эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

„Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, во-первыхъ, общественное званіе, которымъ королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ мой сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посовѣтывался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ.

„Встрѣча противниковъ произошла на другой день въ прошлую среду. Дрались на пистолетахъ. У сына была прострѣлена рука навзлетъ, и пуля остановилась въ боку, причинивъ сильную кон-

тузію. Господинъ Пушкинъ былъ смертельно раненъ и скончался вчера среди дня. Такъ какъ его смерть была неизбѣжна, то императоръ убѣдилъ его умереть христіаниномъ, послалъ ему свое прощаніе и общалъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ.

„Нахожусь пока въ неизвѣстности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что императоръ, сообщая эту роковую вѣсть императрицѣ, выразилъ увѣренность, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе. Его жена находится въ состояніи, достойномъ всякаго сожалѣнія. О себѣ ужъ не говорю.

„Таковъ, баронъ, быстрый ходъ изложеннаго здѣсь событія. Со слѣдующей почтой сочту своимъ долгомъ прислать вашему превосходительству новыя данныя, могущія окончательно освѣтить въ вашемъ сознаніи происшедшее, на тотъ случай, если бы вы пожелали довести до его величества этотъ отчетъ, вполне точный и безпристрастный. Если что нибудь можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, такъ же, какъ и графъ и графиня Строгановы, оставили мой домъ только въ часъ пополуночи“.

Въ этомъ объясненіи Геккерена бросается въ глаза крайняя краткость его сообщенія о первомъ вызовѣ. „Вмѣшались общіе друзья“... и только! О своихъ же стараніяхъ и хлопотахъ Геккеренъ умалчиваетъ. Въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу роль Геккерена выяснена достаточно ярко, и мы не имѣемъ основаній не довѣрять кн. Вяземскому. Геккеренъ самъ поѣхалъ къ Пушкину, самъ просилъ его объ отсрочкѣ, самъ убивался передъ нимъ и говорилъ, что „видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца“, и т. д. Для насъ остается неясной роль Дантеса. Кн. Вяземскій сообщаетъ, что „вызовъ Пуш-

кина не попалъ по назначенію“. Зналъ ли Дантесъ о вызовѣ и о тѣхъ махинаціяхъ, которыя предпринималъ Геккеренъ? Въ связи съ тѣмъ или инымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ находится и рѣшеніе вопроса о характерѣ сдѣланнаго Дантесомъ предложенія Екатерины Гончаровой. Дѣйствія Геккерена и Дантеса нужно раздѣлять: если для перваго неожиданная свадьба съ Екатериной Гончаровой являлась средствомъ избѣжать дуэли, то вѣдь для втораго, если онъ былъ искренно увлеченъ Натальей Николаевной, предложеніе было благороднымъ выходомъ и дѣйствительно могло вытекать изъ искренняго стремленія охранить честь женщины. Во всякомъ случаѣ, для будущихъ соображеній просимъ запомнить, что въ объясненіи своему министру Геккеренъ подчеркиваетъ благородный характеръ дѣйствій Дантеса.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ объясненіямъ Геккерена, остановимся на одномъ сообщеніи объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ дуэли. Оно близко совпадаетъ съ донесеніемъ Геккерена и даетъ, между прочимъ, нѣсколько новыхъ и не расходящихся съ версіей Геккерена подробностей. Эти совпаденія, а также дипломатическое происхожденіе этого сообщенія свидѣлствуютъ о томъ, что оно идетъ изъ сферъ, близкихъ нидерландскому посланнику, и должно быть сопоставлено съ его объясненіями. Это сообщеніе было сдѣлано нѣмецкимъ посланникомъ Либрманномъ своему двору. Приводимъ изъ него лишь отрывокъ, относящійся до исторіи дуэли: „Статскій совѣтникъ А. Мусинъ-Пушкинъ (sic!), по общему признанію, занимавшій первое мѣсто среди современныхъ русскихъ поэтовъ и пользовавшійся огромною популярностью, хотя, какъ человѣкъ, онъ былъ характера грубаго, насмѣшливаго и задирающаго (*d'un caractere violent, satyrique et offensif*), былъ жепать уже нѣсколько лѣтъ на молодой женщинѣ замѣчательной красоты; она, находясь въ родствѣ со многими знат-

ными семействами этой столицы, являлась однимъ изъ главныхъ украшеній баловъ высшаго общества. Превозносимая свѣтомъ m-me Пушкина была также предметомъ очень пылаго обожанія со стороны одного молодого человѣка, француза по происхожденію, который состоитъ на русской службѣ, какъ офицеръ Кавалергардскаго полка. Его имя—Дантесъ, но будучи усыновленъ въ прошломъ году нидерландскимъ министромъ, носить теперь фамилію барона Геккерена. Кажется, эти ухаживанія съ нѣкоторыхъ поръ вызывали безпокойства въ г. Пушкинѣ, у котораго была крайне некрасивая фигура, и ревность котораго вошла въ пословицу,—и вся его африканская ярость (потому что онъ былъ внукомъ негра, привезеннаго въ Россію) разразилась противъ этого офицера изъ-за какихъ-то анонимныхъ писемъ, которыя были адресованы ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ, и заключали что-то въ родѣ патента на званіе обманутаго мужа и т. д... Не входя ни въ какія предварительныя объясненія, Пушкинъ отправилъ молодому Геккерену вызовъ, написанный въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Они сдѣлали бы дуэль неизбежной, если бы письмо пришло прямо по назначенію; но случайно оно попало въ руки пріемнаго отца, который, не скрывъ отъ сына факта вызова, не сообщилъ ему всего содержанія обиднаго письма. Такъ какъ молодой человѣкъ, заявляя, что онъ готовъ драться съ Пушкинымъ, если послѣдній можетъ считать себя обиженнымъ имъ, въ то же время самымъ торжественнымъ образомъ заявилъ своему отцу, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго посягательства на честь вызвавшаго и что жена его совершенно невинна, то нидерландскій министръ сдѣлалъ нѣсколько примирительныхъ попытокъ передъ родственниками и друзьями семьи Пушкиныхъ, въ результатѣ которыхъ убѣдилъ въ истинѣ Пушкина, который къ тому же съ самаго начала всегда заявлялъ, что онъ совершенно убѣжденъ въ невинности жены.

Вызовъ Пушкинымъ былъ формально взятъ обратно, и его честь, какъ и честь его жены, были въ безопасности отъ всякихъ нападокъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ, чтобы положить конецъ поднявшемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-me Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, пріемный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ... Г-жа Пушкина, какъ прежде, появлялась на всѣхъ балахъ, окруженная, какъ всегда, поклонниками, и никто не могъ тогда подумать, что это дѣло такъ трагически кончится. Узналъ ли Пушкинъ какія-нибудь новыя свѣрныя шутки на свой счетъ, или по какому-либо другому мотиву, но въ прошлый понедѣльникъ онъ отправилъ нидерландскому министру новое письмо, которое заключало въ себѣ самыя грубыя оскорбленія не только молодого барона Геккерена, но и его пріемнаго отца. Все содержаніе этого письма полно такого бѣшенства, такой гнусности, какую трудно себѣ вообразить. Констатировавъ авторство этого невѣроятнаго посланія, молодой баронъ не могъ колебаться въ рѣшеніи, и его пріемный отецъ отвѣтилъ Пушкину“ и т. д.

Схема сообщенія нѣмецкаго посланника и донесенія Геккерена одинакова. Та же корректность Дантеса, та же необъяснимость причинъ второй дуэли... Даже опредѣленіе характера Пушкина въ письмѣ Либерманна удивительно напоминаетъ манеру Геккерена. Для послѣдняго характеръ поэта былъ „*ombrageux et vindicatif*“, а для Либерманна „*violent, satyrique et offensif*“. Подобно Геккерену, и Либерманнъ не упускаетъ случая отмѣтить африканское происхожденіе Пушкина и его „*fureur africaine*“.

По письму Геккерена своему министру видно, что 30 января Геккеренъ не предполагалъ, что ему придется ставить вопросъ о

своемъ отозваніи. Но событія развивались быстро, и ко дню похоронъ Пушкина волна общественнаго негодованія поднялась высоко. Недовольство общества вышло за предѣлы, дозволенные начальствомъ. Не будетъ парадоксомъ утверженіе, что Геккерена заставило удалиться изъ Россіи вовсе не это непріязненное отношеніе къ нему Николая Павловича, а негодованіе, поднявшееся изъ интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества. Ниже мы приведемъ документальныя доказательства этого положенія. Дѣйствительно, послѣ событій 14 декабря 1825 года русское общественное мнѣніе имѣло первую и серьезную побѣду въ дѣлѣ смерти Пушкина. Кто же являлся представителемъ этого общественнаго мнѣнія? Конечно, не люди двора, не ближайшіе друзья Пушкина. Весьма любопытныя данныя на этотъ счетъ находимъ въ донесеніяхъ извѣстнаго намъ Либерманна. 2 февраля онъ писалъ своему правительству слѣдующее:

„Военный судъ, учрежденный надъ барономъ Геккереномъ, еще не вынесъ приговора, и еще менѣе извѣстно, каково будетъ то наказаніе, какое императоръ признаетъ справедливымъ наложить на молодого офицера. Правда, его величество высказался въ началѣ довольно благопріятно на его счетъ, признавая, что онъ совершенно не могъ отказаться отъ вызова своего бѣшенаго противника, и что во время дуэли, которая, по всегдашнимъ заявленіямъ Пушкина, должна быть во всякомъ случаѣ смертельнымъ поединкомъ, поведеніе его было и честно и смѣло. Но между тѣмъ начинаютъ думать, что императоръ не пожелаетъ, а, быть можетъ, не сможетъ всецѣло слѣдовать своимъ первымъ впечатлѣніямъ, но подвергнетъ барона Геккерена, по меньшей мѣрѣ, на нѣкоторое время достаточно суровому наказанію, хотя бы для того, чтобы успокоить раздраженіе и крики о возмездіи или, если угодно, горячую жажду публичнаго обвиненія, которую вызвало печальное происшествіе.

Это чувство проявилось въ низшихъ слояхъ населенія столицы съ гораздо большей силою, чѣмъ въ рядахъ высшаго общества, потому что, съ одной стороны, въ послѣднихъ лучше знаютъ истинный ходъ и сущность дѣла, а съ другой стороны, понятно, Пушкинъ былъ болѣе популяренъ и встрѣчалъ большее поклоненіе у русскихъ низшихъ слоевъ, которые совсѣмъ не знаютъ иностранныхъ литературъ и, не имѣя влѣдствіе этого критерія для справедливаго сравненія, создавали преувеличенную оцѣнку его литературныхъ заслугъ. Смерть Пушкина представляется здѣсь, какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе. Національное самолюбіе возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта,—иноземнаго происхожденія. Громко кричатъ о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить челоуѣка, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ. Эти чувства проявились уже во время похоронныхъ церемоній... Думаютъ, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ перебивало до 50.000 лицъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили о разрѣшеніи нести останки умершаго. Шель даже вопросъ о томъ, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу.

„Наконецъ, демонстраціи и оваціи, вызванныя смертю челоуѣка, который былъ извѣстенъ за величайшаго атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушенія общественнаго порядка, приказала внезапно переимѣнить мѣсто, гдѣ должны были состояться торжественныя похороны, и перенести тѣло въ церковь ночью“.

Правда, Либерманнъ не ограничился констатированіемъ факта и попробовалъ подыскать объясненіе такому отношенію народа къ Пушкину съ космополитически реакціонной точки зрѣнія. Вспом-

нимъ, что въ 1837 году правительства были насторожѣнны противъ всякихъ революціонныхъ посягательствъ и въ ненависти къ идеаламъ новой свободы всѣ они сходились. „Но я не считаю своимъ долгомъ скрыть, — заканчивалъ свое донесеніе нѣмецкій посланникъ, — что, къ несчастію, есть основанія думать, что значительная доля овацій, которымъ дала поводъ смерть Пушкина, можетъ и должна быть поставлена также за счетъ той специфической популярности, которую покойный снискалъ у нѣкоторыхъ лицъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества идеями сѣвременнаго либерализма. Эти идеи ему угодно было исповѣдывать, и онѣ побудили его не только писать позорные стихи по адресу покойнаго императора Александра, но и принять участіе въ политическихъ проискахъ, весьма наказуемыхъ. Я знаю положительно, что подъ покровомъ горячаго патріотизма въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Петербургѣ держатъ весьма необычныя рѣчи, утверждая, между прочимъ, что Пушкинъ былъ еще единственной опорой, единственнымъ представителемъ вольностей народа“ и т. д.

Будемъ ли мы возражать противъ утвержденій Либерманна, аналогичныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, и мнѣніямъ Геккерена? Для своего времени подобныя сообщенія носили явно доносительный характеръ. Мы знаемъ о тѣхъ совмѣстныхъ усиліяхъ, которыя вложили гг. Вяземскій и Жуковскій въ исполненіе неблагодарной задачи реабилитировать политическую репутацію поэта. Они имѣли дѣло съ донесеніями, витавшими, такъ сказать, вокругъ особы Бенкендорфа; въ сообщеніяхъ же пословъ на сцену выступаетъ космополитическій сыскъ правительственной реакціи. Въ настоящее время мы можемъ безъ особаго риска разыскать въ этихъ донесеніяхъ зерно истины. Доносы тѣмъ и характеризуются, что они извращаютъ факты, но они могутъ вѣрно улавливать тенденціи. Эта возможность объясняется крайней противоположностью психологіи до-

носчика и того, кто является объектомъ доноса. Тутъ—враждебная противоположность психологій, и она-то и помогаетъ вѣрно уловить намѣренія и тенденціи. Что же? Былъ ли Пушкинъ революціонеромъ? Если этотъ вопросъ мы и оставимъ безъ отвѣта, то во всякомъ случаѣ при рѣшеніи вопроса объ общественныхъ взглядахъ Пушкина мы должны вспомнить всѣ обвиненія его въ неблагонадежности и революціонности. Мы не будемъ перебирать всѣхъ аргументовъ изъ исторіи жизни и творчества, направленныхъ на доказательство того положенія, что Пушкинъ по своему міровоззрѣнію, по своимъ общественнымъ взглядамъ былъ прогрессивнымъ человѣкомъ. Еще такъ недавно эти аргументы были перебраны В. Е. Якушкинымъ въ его статьѣ „Общественные взгляды Пушкина“¹. Для насъ достаточно только указанныхъ посмертныхъ обвиненій и доносовъ на Пушкина, чтобы констатировать, что по всему своему міровоззрѣнію, по всему складу своей жизни, по характеру работы Пушкинъ для Бенкендорфа, а за нимъ и для всего правительственнаго режима, для Либерманна и Геккерена, а за ними и для высшей части русскаго общества, консервативнаго и буржуазнаго, былъ человѣкъ враждебной психики, былъ полной противоположностью ихъ самимъ. Но психикѣ, по тенденціямъ своимъ онъ былъ для всѣхъ нихъ революціонеръ. И это доносительное признаніе является, по нашему мнѣнію, лучшимъ доказательствомъ прогрессивности его общественныхъ взглядовъ.

Но вернемся къ Геккерену. Мы оставили его послѣ отправленія объясненія въ Нидерланды. 2 февраля онъ пишетъ новое письмо, но уже совершенно иного характера. Онъ прямо призываетъ объ отозваніи. Сдержанный и полный самообладанія тонъ перваго письма

---

¹ „Наши Дни“, 1904, декабрь.

мѣняется на совершенно растерянный. По освѣщенію событій онъ всецѣло примыкаетъ къ донесенію Либерманна. Геккеренъ писалъ:

„Долгъ чести повелѣваетъ мнѣ не скрыть отъ васъ того, что общественное мнѣніе высказалось при кончинѣ г. Пушкина съ большей силой, чѣмъ предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнѣніе принадлежитъ не высшему классу, который понималъ, что въ такихъ роковыхъ событіяхъ мой сынъ по справедливости не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека; его поведеніе было достойно честнаго человѣка и обнаруживаетъ осмотрительность несвойственную обыкновенно его возрасту, и на которую самъ онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, неспособенъ при другихъ обстоятельствахъ.

„Чувства, о которыхъ я теперь говорю, принадлежать лицамъ изъ третьяго сословія, если такъ можно назвать въ Россіи классъ промежуточный между настоящей аристократіей и высшими должностными лицами, съ одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событію, о которомъ она и судить не можетъ,—съ другой. Сословіе это состоитъ изъ литераторовъ, артистовъ, чиновниковъ нисшаго разряда, національныхъ коммерсантовъ высшаго полета и т. д. Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мѣрѣ, власти существованіе цѣлой партіи, главой которой онъ былъ, можетъ быть, исключительно благодаря своему таланту, въ высшей степени народному. Эту партію можно назвать реформаторской: этимъ названіемъ пользуются сами ея члены.

„Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ замѣшанъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ 1825 году, то можно заключить, что такое предположеніе не лишено основаній.

„Выносъ тѣла почившаго въ церковь долженъ былъ состояться вчера днемъ, но чтобы избѣжать манифестацій при выраженіи чувствъ, обнаружившихся уже въ то время, какъ тѣло было выставлено въ домѣ покойнаго,—чувствъ, которыя подавить было бы

невозможно, а поощрять ихъ не хотѣли,—погребальная церемонія была совершена въ часъ пополуночи. По этой же причинѣ участвующіе были приглашены въ церковь при Адмиралтействѣ, а отпѣваніе происходило въ Конюшенной церкви.

„Очень можетъ быть, что нѣсколькихъ дней будетъ достаточно, чтобы утишить это волненіе, тѣмъ болѣе, что оно не выразилось ни разу угрожающимъ образомъ; однимъ словомъ, это былъ просто взрывъ чувства и гордости народной, затронутыхъ личностью поэта самаго популярнаго въ Россіи. Въ то время, какъ честь литератора охранялась почитателями, честь частнаго человѣка считывала лишь немногихъ друзей. Сказанное мною есть дань, которую я, думается, могу отдать истинѣ, не нарушая тѣмъ уваженія къ могилѣ.

„Все-таки, ваше превосходительство, признаете, что я ничего не скрываю, даже, можетъ быть, самъ склоненъ преувеличивать значеніе происходящаго. Какъ бы то ни было, считаю своимъ суровымъ долгомъ поставить васъ въ извѣстность объ истинномъ положеніи вещей въ ту минуту, какъ я могу опасаться, что уже буду не въ состояніи служить моему монарху здѣсь такъ, какъ моя честь и мои чувства къ родинѣ мнѣ повелѣваютъ, и какъ, смѣю надѣяться, я имѣлъ счастье служить до сихъ поръ.

„Его величество рѣшить, долженъ ли я быть отозванъ, или могу помѣняться мѣстами съ однимъ изъ моихъ коллегъ. Если мнѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я лично заинтересованъ, позволено будетъ высказаться, то осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, что немедленное отозваніе меня было бы громогласнымъ выраженіемъ неодобренія моему поведенію. Я былъ бы этимъ глубоко огорченъ, а что касается настоящаго печальнаго событія, совѣсть моя говоритъ, что я не заслуживаю такого приговора, который сразу погубилъ бы всю мою карьеру, какъ общественнаго

дѣятеля. Моимъ желаніемъ было бы перемѣнить резиденцію; эта мѣра, удовлетворяя настоящей необходимости, доказала бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не лишился довѣрія короля, моего августѣйшаго повелителя, которымъ онъ удостоивалъ меня въ теченіе столькихъ лѣтъ, и потери котораго, осмѣлюсь повторить, я не заслужилъ.

„Какъ вѣрный и преданный слуга, я буду ожидать приказаній его величества, будучи увѣренъ, что отеческое попеченіе короля приметъ во вниманіе при данныхъ обстоятельствахъ, которыхъ ни измѣнить, ни предвидѣть я не могъ, тридцать одинъ годъ моей безпорочной службы, крайнюю ограниченность моихъ личныхъ средствъ и заботы о семьѣ, для которой я служу въ настоящее время единственной опорой; заботы эти въ виду положенія молодой жены моего сына не замедлятъ еще увеличиться.

„Такъ какъ уже много лѣтъ я пользовался указаніями вашего превосходительства, то смѣю рассчитывать, господинъ баронъ, на вашу поддержку въ настоящемъ случаѣ. Ваше благоволеніе непрестанно придавало мнѣ силъ для служенія государю; мнѣ хотѣлось бы надѣяться, что еще долго я смогу помогать вамъ въ исполненіи предначертаній нашего монарха къ чести и благу нашей родины. Вы обладаете, баронъ, такой великой душой, что я могу быть увѣреннымъ въ вашемъ одобреніи моего поведенія относительно этого рокового событія, гдѣ чувство чести должно было заставить смолкнуть всѣ другія соображенія. Тотъ, кто не смогъ бы самъ заставить себя уважать, имѣлъ ли бы право быть представителемъ государя, который являетъ собою нашей эпохѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей и самой изумительной твердости?

„Ваше превосходительство поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать распоряженій, которыхъ я теперь домогаюсь“.

Не ограничиваясь письмами къ Верстолку, Геккеренъ 3-го

февраля обратился еще къ принцу Оранскому тоже съ просьбами о защитѣ и помощи. Ему онъ писалъ слѣдующее:

„Ваше высочество!

Въ ту минуту, когда меня поразило событіе, роковое и неожиданное въ одно и то же время, благоволеніе и, смѣю сказать, благорасположеніе, которымъ вашему королевскому высочеству угодно было меня удостоить, позволяетъ и даже вмѣняетъ мнѣ въ обязанность ничего не скрывать отъ васъ, что касается поводовъ и послѣдствій дуэли моего сына съ г. Пушкинымъ.

Чтобы не утруждать ваше королевское высочество подробностями, которыя, будучи, однако, необходимыми, слишкомъ бы растянули это письмо, я беру на себя смѣлость приложить къ нему копию писемъ, посланныхъ мною по этому предмету министру иностранныхъ дѣлъ¹. Пусть ваше королевское высочество соблаговолитъ забыть на минуту свой высокій санъ и въ качествѣ только военнаго, только порядочнаго человѣка рѣшить: возможно ли было какъ-либо иначе отразить подобныя оскорбленія? Еще разъ прибѣгну къ мнѣнію вашего высочества для того, чтобы судить, могу ли я оставаться при императорскомъ дворѣ послѣ всего случившагося. Въ петербургскомъ обществѣ у меня есть и сторонники и хулители. Какъ частный человѣкъ, я бы остался, такъ какъ увѣренъ, что правда рано или поздно восторжествуетъ и привлечетъ общество на мою сторону, но какъ должностное лицо, имѣющее счастье быть представителемъ своего государя, я не въ правѣ допустить ни малѣйшаго порицанія своему образу дѣйствій.

Итакъ, смѣю надѣяться, что ваше королевское высочество поддержитъ передъ королемъ мою просьбу о переводѣ и назначеніи меня посланникомъ при другомъ дворѣ, гдѣ бы я могъ про-

---

¹ Это—тѣ два письма, которыя мы только что привели.

должать службу моему монарху и отечеству, посвящая имъ всѣ свои силы.

Ваше королевское высочество одобрить меня, смѣю надѣяться, и эта увѣренность есть самое лучшее утѣшеніе въ горѣ, при обстоятельствахъ, отъ которыхъ страдала и страдаетъ моя любовь къ семьѣ, а карьерѣ угрожаетъ опасность, именно въ ту минуту, когда я менѣе всего могъ этого ожидать.

Благосклонность вашего королевскаго высочества всегда драгоцѣнна и почетна, но теперь я особенно живо чувствую, сколько утѣшенія заключается въ сознаніи, что можешь надѣяться на чувство дружескаго расположенія въ лицѣ судьи, такъ высоко поставленнаго благодаря своему сану, своимъ заслугамъ и благородству своей души“.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о томъ, какъ отнеслось къ Геккерену его правительство, въ какой мѣрѣ оно сочло его виновнымъ. Но мы знаемъ, что по выѣздѣ изъ Россіи онъ сразу не получилъ мѣста, а нѣкоторое время жилъ съ семьей Дантеса и въ службѣ не состоялъ.

IV.

Объясненія, данныя Геккереномъ графу Нессельроде.—Геккеренъ приподнимаетъ покровъ тайны и призываетъ къ отвѣту жену Пушкина.—Схема обвиненій, выдвинутыхъ друзьями Пушкина противъ Геккерена, и его возраженія.

Въ объясненіяхъ своихъ, представленныхъ 30-го января 1837 года нидерландскому двору, баронъ Геккеренъ ограничивается сухимъ изложеніемъ фактовъ, хорошо извѣстныхъ даже лицамъ, не

близко прикосновеннымъ къ обстоятельствамъ печальной дуэли. Онъ даетъ, такъ сказать, официальную версію разсказа о причинахъ и поводахъ дуэли, тщательно избѣгая оглашать факты и событія, интимныя и закулисныя. „Дантесъ, дѣйствительно, ухаживалъ за Пушкиной, но эта связь никогда не переходила въ преступную... Всею виной року, да еще африканскій характеръ Пушкина. Онъ, Геккеренъ, совсѣмъ не причемъ въ этомъ дѣлѣ“, — вотъ официальная схема, идущая со стороны Геккереновъ. Другая официальная схема идетъ со стороны друзей Пушкина: этой схемой друзья поэта расчитываютъ оградить память поэта и честь его семьи, и ихъ версія тоже не касается интимныхъ происшествій и оставляетъ нѣкоторые эпизоды совершенно не разъясненными, такъ сказать, ирраціональными. „Дантесъ, дѣйствительно, ухаживалъ за Пушкиной, но эта связь никогда не переходила въ преступную, и честь жены поэта выше всякихъ подозрѣній... Она сама разсказала мужу объ ухаживаніяхъ за ней Дантеса. А старый Геккеренъ нашептывалъ ей о томъ, что его сынъ сгораетъ отъ любви къ ней, старый Геккеренъ игралъ роль сводника въ этомъ дѣлѣ... Объ этомъ мужу она сама сказала, когда пришлось объясняться“, — вотъ версія, выставленная друзьями Пушкина. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникомъ фактической части этой версіи являются показанія Натальи Николаевны Пушкиной. Въ упомянутомъ выше письмѣ Николая Павловича къ Михаилу Павловичу отъ 3-го февраля 1837 года эта версія находитъ точное изложеніе. „Геккеренъ самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна“, — писалъ Николай Павловичъ.

Понятно, баронъ Геккеренъ былъ освѣдомленъ о сущности обвиненій, предъявляемыхъ къ нему и къ его пріемному сыну. Мы уже видѣли, что его положеніе въ свѣтѣ, въ обществѣ стало невозможнымъ. Дворъ относился къ нему совершенно отрицательно. Вопросъ объ отставкѣ былъ рѣшенъ. Его фонды у себя на родинѣ тоже пали. И такое положеніе дѣлъ опредѣлилось уже въ теченіе февраля мѣсяца. Перваго марта онъ обратился съ откровенными объясненіями къ графу Нессельроде. Онъ самъ — нужно думать — сознавалъ, что никакія уже объясненія не помогутъ и не принесутъ практической пользы лично ему. Поэтому его письмо пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ. Оставляя въ сторонѣ ту официальную версію, которую онъ изложилъ въ письмѣ къ барону Верстолюку, баронъ Геккеренъ приподнимаетъ завѣсу и сообщаетъ новыя и неожиданныя подробности. Геккеренъ начинаетъ свое письмо съ изложенія мотивовъ, заставляющихъ его обращаться къ графу Нессельроде.

„Неофициально.

1-го (13) марта 1837 г.

„Многоуважаемый графъ!

„Послѣ событія, роковой исходъ котораго я оплакиваю болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, я не предполагалъ, что долженъ буду обратиться къ вамъ съ письмомъ, подобнымъ настоящему. Но разъ я вижу, что вынужденъ сдѣлать это, у меня мужества хватить. Честь моя, и какъ частнаго человѣка, и какъ члена общества, оскорблена, и я не замедлю дать вамъ нѣкоторыя объясненія.

„Когда послѣ кончины Пушкина мой сынъ былъ арестованъ, какъ совершившій уголовное преступленіе, предусмотрѣнное закономъ, чувства самой элементарной порядочности не допускали меня бывать въ обществѣ. Такое поведеніе, вполне естественное при данныхъ обстоятельствахъ, было невѣрно истолковано; его сочи

за молчаливое сознаніе какой-то вины, которую я будто бы чувствовалъ за собою во всемъ совершившемся. Многоуважаемый графъ! Моя совѣсть смѣло заявляетъ, что я ни на одну минуту не переставалъ поступать такъ, какъ должно, и ваше сіятельство раздѣлите это убѣжденіе, если пожелаете удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ своего вниманія. Итакъ, общество не нашло бы неприличнымъ, если бы я при подобныхъ обстоятельствахъ сталъ принимать участіе во всѣхъ его развлеченіяхъ, посѣщалъ всѣ балы, привлекалъ на себя всеобщее вниманіе и тѣмъ поддерживалъ живость воспоминаній, еще не успѣвшихъ улечься.

„Значитъ, меня упрекаютъ въ томъ, за что должны были бы, казалось, чувствовать признательность.

„Единственнымъ моимъ отвѣтомъ на подобныя инсинуаціи могло бы быть появленіе снова въ обществѣ. Я заставилъ бы умолкнуть въ себѣ голосъ крови; я сумѣлъ бы не отдаться во власть своему семейному горю и тревогамъ. Вооруженный сознаніемъ исполненнаго долга, я явился бы, чтобы лично отражать нападки, на которыя мнѣ нельзя долѣе отвѣчать презрѣніемъ, хотя онѣ порождены лишь праздностью или недоброжелательствомъ, отъ котораго меня могло бы избавить мое прошлое во время столь долгаго пребывания въ столицѣ.

„Но клевета могла дойти до свѣдѣнія государя; она могла поселить на мой счетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ умѣ августѣйшаго монарха; боязнь этого оправдываетъ объясненія, которыми я хочу отразить обвиненія, павшія на меня“.

Геккеренъ переходитъ къ разбору обвиненій, выставленныхъ противъ него, къ разбору версіи, поддерживаемой друзьями поэта и идущей отъ его жены. Но и тутъ Геккеренъ не считаетъ возможнымъ рассказать правдиво все то, что было, дѣлаетъ лишь намеки и останавливается лишь на выясненіи своей роли во всемъ

этомъ дѣлѣ. Обвиняють его въ томъ, что онъ старался сводить своего сына съ Натальей Николаевной Пушкиной. „Она раскрыла мужу,—сообщалъ князь Вяземскій Михайлу Павловичу,—все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть“. Со словъ жены Пушкинъ писалъ Геккерену: „Подобно старой развратницѣ, вы караулили мою жену по всѣмъ угламъ, чтобы говорить ей о нашемъ сынѣ; и когда, больной любовстрастной болѣзнью, онъ сидѣлъ дома за лѣкарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: „верните мнѣ моего сына“. Геккеренъ не отрицаетъ факта частыхъ своихъ бесѣдъ съ женой поэта, но даетъ ему неожиданное объясненіе.

Въ виду крайней важности свидѣтельства Геккерена, позволяемъ себѣ привести эту часть письма въ подлинникѣ.

„C'est ici que je vins que j'ai besoin de me commander a moi-meme pour retracer les accusations dont je me suis vu l'objet.

„J'aurais encourage les assiduités de mon fils aupres de m-me de Pouchkin. C'est a madame Pouchkin elle-meme que j'en appelle a cet egard. Qu'elle soit interpellée sous la foi du serment, et l'on verra tomber cette accusation. C'est d'elle qu'on apprendra tout ce que je lui ai dit si souvent *pour lui faire reconnaitre l'abime au devant duquel elle marchait*. Si elle n'est pas retenue par quelques considerations d'amour propre, elle dira, que dans mes entretiens avec elle j'ai pousse la franchise jusqu'a me servir d'expressions qui devaient la blesser, mais aussi lui ouvrir les yeux: je l'esperais du moins.

„Si l'aveu de m-me de Pouchkin me manquait, j'invoquerais le temoignage de deux perssonnes, de deux dames de la plus haute distinction qui furent les confidants de toutes mes inquietudes et aux quelles je rendais compte jour par jour de *tous mes efforts pour rompre cette funeste liaison*.

„Dira-t-on enfin, que je devais user de mon autorité sur mon fils? M-me de Pouchkin pourrait encore fournir une réponse péremptoire à ce sujet en reproduisant une lettre que j'ai érigée de mon fils, lettre à elle adressée et par laquelle il déclarait renoncer à poursuivre toutes prétentions sur elle. Et le porteur de cette lettre ce fut moi-même qui la remis en mains propres. M-me de Pouchkin s'en est servie auprès de son mari et de sa famille, comme preuve, qu'elle n'avait jamais complètement oublié ses devoirs.

„Итакъ, я долженъ положиться только на самого себя, чтобы опровергнуть клевету, предметомъ которой я сдѣлался.

„Я якобы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть [она покажетъ подъ присягой, что ей извѣстно, и обвиненіе падеть само собой.

„Она сама сможетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пропасти, въ которую она летѣла, она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся.

„Если г-жа Пушкина откажетъ мнѣ въ своемъ признаніи, то я обращусь къ свидѣтельству двухъ особъ, двухъ дамъ, высокопоставленныхъ и бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь (pour rompre cette funeste liaison).

„Мнѣ возразятъ, что я долженъ бы былъ повліять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ, воспроизведя письмо, которое я потребовалъ отъ сына, — письмо, адресованное къ ней, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ какихъ бы то ни было видовъ на нее. Письмо отнесъ я самъ и вручилъ его въ собственныя руки. Г-жа Пушкина воспользова-

лась имъ, чтобы доказать мужу и роднѣ, что она никогда не забывала вполнѣ своихъ обязанностей“.

Геккеренъ раскрываетъ тайны, приподнимаетъ уголокъ завѣсы. Онъ возлагаетъ отвѣтственность на Наталью Николаевну, онъ не падить ея. Въ нѣсколько неопредѣленныхъ выраженіяхъ онъ утверждаетъ существованіе „несчастной связи“ (funeste liaison). Кажется, послѣднее выраженіе свидѣлствуетъ о матеріальномъ характерѣ этой связи. Для насъ не ясна фраза Геккерена: „доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза“. Дѣло представляется такъ, что не столько Дантесъ былъ влюбленъ въ нее, сколько она въ него. И по рассказамъ друзей Пушкина выходитъ, что Наталья Николаевна даже послѣ разговоровъ и объясненій съ мужемъ не могла оторваться отъ увлекательнаго Дантеса: ее тянуло къ нему неодолимая, сладкая сила. Вспомнимъ, что князь П. А. Вяземскій сообщалъ великому князю Михаилу Павловичу о „легкомыслии и вѣтренности“ Натальи Николаевны: онъ писалъ, что „она должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много ненослѣдовательности и безпечности“. Но правдивъ ли князь Вяземскій, изображая почти воздушными штрихами отношенія Натальи Николаевны къ Дантесу, и не приписываетъ ли онъ ей такую безпечность и непослѣдовательность, какой въ дѣйствительности не бываетъ? Но вѣдь вокругъ ея мужа собиралась гроза, и она не могла не чувствовать ея приближенія, и... все же ее тянуло къ Жоржу Дантесу неодолимая и сладкая сила.

Геккеренъ какъ будто и не обвиняетъ Пушкину, онъ только переноситъ центр тяжести всего дѣла на нее. „Спросите ее подь

присягой, пусть она скажетъ, пусть она покажетъ письмо“—говорить Геккеренъ. По содержанію письма можно сдѣлать лишь два предположенія.

Или Геккеренъ — правъ: ему, дѣйствительно, не въ моготу стало, и онъ рѣшилъ приподнять завѣсу съ интимныхъ происшествій, привлекая этими признаніями къ отвѣтственности новое лицо, да притомъ еще и женщину. Если Геккеренъ говорилъ правду, то и тогда онъ совершалъ дѣяніе съ нравственной точки зрѣнія осуждаемое. Была дуэль, былъ убитъ человекъ. Въ дѣлѣ замѣшана женщина. Не принято, чтобы лица, призванныя къ отвѣту, называли ея имя. Они не должны называть ее: къ этому обязываютъ и правила условной порядочности, и долгъ благородства.

Или Геккеренъ—не правъ въ своихъ утвержденіяхъ. Тогда его дѣяніе—мерзко и отвратительно. Видя, что онъ скандализованъ и потерялъ свою репутацію, онъ считаетъ возможнымъ не шадить другихъ и взводитъ клевету на женщину.

Мы стоимъ передъ этими двумя предположеніями. Какое выбрать: правъ или не правъ Геккеренъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могла дать Наталья Николаевна Пушкина. „Спросите ее, и пусть она скажетъ!“ Ее не спросили.

А въ комиссіи военнаго суда, судившей Дантеса и Данзаса, аудиторъ 13 класса Масловъ, обязанный слѣдить за правильностью процесса, подалъ 14 февраля рапортъ. „По лежащей на мнѣ обязанности,—доносить аудиторъ комиссіи,—я по обстоятельствамъ означеннаго дѣла считалъ бы неизлишнимъ потребовать чрезъ с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера отъ жены камергера Пушкина объясненіе... о поведеніи гг. Геккереновъ въ отношеніи обращенія ихъ съ Пушкиной“. Комиссія постановила не допрашивать Пушкину, „дабы безъ причины не оскорбить“ ея ¹.

¹ Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военносудное дѣло 1837 г. Спб. 1900 г., стр. 76—78.

Итакъ, Пушкина не была спрошена. Но вѣдь Геккеренъ въ своемъ письмѣ не ограничился голословной ссылкой на нее. Онъ привелъ факты, существующіе и требующіе того или иного разъясненія. Онъ упомянулъ о письмѣ, которымъ будто бы Пушкина воспользовалась для доказательства своей невинности, онъ упомянулъ о двухъ дамахъ, которымъ онъ давалъ ежедневный отчетъ о своихъ попыткахъ разорвать преступную связь.

Покончивъ съ обвиненіями въ подстрекательствѣ, Геккеренъ переходитъ къ разбору обвиненія его въ составленіи анонимныхъ писемъ.

„Есть и еще оскорбленіе, относительно котораго, вѣроятно, никто не думаетъ, чтобы я снизошелъ до оправданій, а потому его никто и не нанесъ мнѣ прямо; однако примѣшали мое имя и къ другой подлости — анонимнымъ письмамъ!

„Въ чьихъ же интересахъ можно было бы прибѣгнуть къ этому оружію, оружію самаго низкаго изъ преступниковъ, отравителя? Въ интересахъ моего сына, или г. Пушкина, или его жены? Я краснѣю отъ сознанія одной необходимости ставить такіе вопросы. Кого же задѣли, кромѣ того, эти инсинуаціи, нелѣпыя и подлая вмѣстѣ? Молодого человѣка, который обвиняется въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, и о которомъ я далъ себѣ слово молчать, такъ какъ его участь зависитъ отъ милосердія монарха.

„Мой сынъ, значитъ, тоже могъ бы быть авторомъ этихъ писемъ? Спрошу еще разъ: съ какою цѣлью? Развѣ для того, чтобы добиться большаго успѣха у г-жи Пушкиной, для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта отвергнутой мужемъ? Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высоко-нравственнымъ чувствомъ, которое заставляло моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины. Или

онъ хотѣлъ вызвать тѣмъ поединокъ, надѣясь на благопріятный исходъ? Но три мѣсяца тому назадъ онъ рисковалъ тѣмъ же, однако, будучи далекъ отъ подобной мысли, онъ предпочелъ безвозвратно себя связать съ единственной цѣлью—не компрометировать г-жу Пушкину; я не думаю, чтобы можно было дойти до отрицанія личной его храбрости; ему суждено было дать тому печальное доказательство“.

Геккерену остается еще объяснить, почему пошелъ на дуэль не онъ, а его сынъ.

„Я покончилъ съ этимъ чудовищнымъ собраніемъ гнусностей, которымъ не удалось отнять у меня мужества отвѣтить на все. Мнѣ остается, графъ, только доказать, что дуэль не могла не состояться.

„Изъ уваженія къ могилѣ я не хочу давать оцѣнку письма, которое я получилъ отъ г. Пушкина; если бы я представилъ его содержаніе, то было бы видно, какъ онъ, съ одной стороны, приписываетъ мнѣ позорное потворство, а съ другой—запрещаетъ мнѣ дѣлать родительскія внушенія его женѣ; можно пожелать, ради памяти Пушкина, чтобы это письмо не существовало. Могъ ли я оставить его безъ отвѣта или спуститься на уровень подобнаго посланія? Повторяю, что дуэль была неизбежна. Теперь, кто же долженъ былъ быть противникомъ г. Пушкина? Если я самъ, то, какъ побѣдитель, я обезпечивалъ бы своего сына; злословіе распространило бы повсюду, что я самъ вызвался, что уже разъ я улаживалъ дѣло, въ которомъ сынъ мой обнаружилъ недостатокъ мужества; если же я былъ бы жертвою, то мой сынъ не замедлил бы отомстить мою смерть, и его жена осталась бы безъ опоры. Я это понималъ, а онъ просилъ у меня, какъ доказательства моей любви, позволенія заступитъ мое мѣсто. Каждый порядочный человѣкъ былъ бы вполне убѣжденъ въ роковой необходимости этой встрѣчи“.

Геккеренъ заканчиваетъ свое письмо просьбой о разслѣдованіи дѣла.

„Кончаю, графъ, мое письмо, и такъ уже слишкомъ длинное. Если всего того, что я изложилъ вашему сіятельству, недостаточно, чтобы выставить всю презрѣнность взведенныхъ на меня обвиненій, я соглашаюсь, вручивъ мои отзывныя грамоты, остаться въ странѣ, какъ частный человѣкъ, и все мое поведеніе поставить въ зависимость отъ результата слѣдствія, просить о назначеніи котораго прямо въ моихъ интересахъ. Не обладая собственными средствами, я безъ жалобъ оставляю почетный и выгодный постъ. Хотя моя будущность и не обезпечена, я ничего не требую, я не надѣюсь ни на что, но я не могу добровольно согласиться на потерю уваженія монарха, передъ которымъ я такъ долго имѣлъ счастье быть представителемъ интересовъ моего государя и моей страны. Единственно съ этой цѣлью я рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ.

„Я не имѣю правъ на благоволеніе его императорскаго величества, хотя я и получалъ тому доказательства, исполнившія меня признательностью, но совѣсть моя мнѣ говоритъ, что я никогда не переставалъ быть достойнымъ его уваженія; въ этомъ все мое честолюбіе; оно велико, конечно, но я осмѣливаюсь сказать, что все мое поведеніе всегда его оправдывало, и я осмѣливаюсь надѣяться, многоуважаемый графъ, что вы соблаговолите довести о немъ до свѣдѣнія государя.

„Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашимъ почтительнымъ и покорнымъ слугой.

„Баронъ де-Геккеренъ“.

Не сочли нужнымъ удовлетворить Геккерена и привлечь къ слѣдствію по дѣлу. Даже изъ тѣхъ документовъ, которые онъ представилъ графу Нессельроду, далеко не всѣ были представлены въ военносудную комиссію.

V.

Переписка родныхъ Дантеса о немъ и о его дѣлѣ во время слѣдствія.—Дантесъ при своемъ характерѣ и не могъ бы поступить иначе.—Высылка Дантеса за границу.

Родные Дантеса жили въ 1837 году въ Сульцѣ. Здѣсь были отецъ его Конрадъ, братъ Альфонсъ, сестра Нанина. Первыя извѣстія о дуэли Жоржа Дантеса съ Пушкинымъ они прочли въ газетахъ. Геккеренъ собрался написать имъ не такъ скоро. Болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія они получили отъ д'Аршпака. Братъ Дантеса, Альфонсъ, нарочно отправился изъ Эльзаса въ Парижъ съ специальной задачей повидать д'Аршпака. Письмо Геккерена было получено въ Сульцѣ 4—5 марта (н. ст.). Затѣмъ до отъѣзда Геккереновъ изъ Россіи родственники обмѣнялись нѣсколькими письмами. Эти письма въ настоящее время находятся въ нашемъ распоряженіи, и мы считаемъ небезынтереснымъ познакомить читателя съ ихъ содержаніемъ. Они обрисовываютъ строй и настроеніе семьи Дантесовъ, характеризуютъ отношеніе Дантесовъ къ Геккерену и, наконецъ, заключаютъ ту санкцію, которую вынесла семья Дантесу. Въ узкомъ себялюбіи благополучной семьи, всѣ эти Дантесы, совѣмъ не ставя въ вину своему родственнику его поведеніе, считаютъ долгомъ поддержать настроеніе родныхъ въ Нетербургѣ. Въ наивности своего эгоизма они готовы представлять Пушкина чуть ли не самоубійцей.

Первое письмо Геккерена въ Сульцѣ неизвѣстно. Мы имѣемъ лишь отвѣтъ на него отца Дантеса 6-го марта 1837 г. (н. ст.). Онъ писалъ Геккерену:

„Дорогой баронъ, ваше письмо совершенно успокоило насъ за участь Жоржа. Объ этомъ печальномъ происшествіи возвѣстили всѣ газеты, весь городъ зналъ о немъ, одинъ я оставался въ невѣдѣннн. Не далѣе, какъ вчера, письмо m-me Igène возвѣстило о

пріѣздѣ г. д'Аршака въ Парижъ и о томъ, что рана Жоржа не такъ опасна, какъ о ней сообщали. Всѣ газеты выказываютъ расположеніе моему сыну, объявляя г. Пушкина зачинщикомъ; „Journal des Débats“ утверждаетъ даже, что клевета и анонимныя письма вынудили г. Пушкина на такой поступокъ, приведшій его къ гибели ¹. Жоржъ, мой дорогой баронъ, поступилъ такъ, какъ должно; зная его характеръ и его сердце, я удивился бы тому, если бы онъ поступилъ иначе... Нѣтъ, вы не могли бы дѣйствовать иначе, и я приглашаю васъ, дорогой баронъ, быть бодрымъ. Это несчастное происшествіе не могло не случиться, рано или поздно, и я благодарю Провидѣніе, покровительствовавшее Жоржу. Мои дѣти и я обнимаемъ васъ, а также Жоржа и его жену. Сообщайте намъ новости о бѣдномъ Жоржѣ“.

21-го марта Нанина Дантесъ писала изъ Сульца барону Геккерену: „Альфонсъ съ вечера 10-го—въ Парижѣ, но онъ могъ видѣть д'Аршака только въ понедѣльникъ 12-го; послѣдній отправлялся за новостями изъ Петербурга; оказалось, что Жоржъ разжалованъ въ рядовые. Д'Аршакъ находитъ, что это пустяки, но мнѣ кажется, что это чрезмѣрно. Вѣдь зачѣмъ же наконецъ подвергать наказанію, когда всѣ согласно одобряютъ его поведение: понятно, что онъ не могъ дѣйствовать иначе. Но если, къ несчастію для него, онъ былъ бы русскимъ подданнымъ, то его карьера была

¹ Въ „Journal des Débats“ (3 Mars 1837) появилась одна изъ лучшихъ заграничныхъ статей о Пушкинѣ, принадлежащая перу его знакомаго Леве-Веймара. О причинахъ дуэли авторъ не распространяется. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Les propos calomnieux et les lettres anonymes qui ont tué tout de gens de coeur avant Pouschkine, et qui en tueront encore après lui, ont aussi causé sa mort à l'âge, où il s'appretait par le travail à un grand oeuvre à l'histoire de Pierre le Grand. Nous laisserons dans le silence et dans l'oubli qu'il a demandé lui-même en mourant, les motifs qui l'ont porté à l'acte violent qui a terminé sa vie, car il se croyait l'offensé et il s'était fait l'agresser“...

бы разбита. Русскіе, проводящіе зиму въ Баденѣ, произносятъ похвальныя рѣчи въ честь своего поэта. Но, что васъ должно успокоить въ этомъ печальномъ дѣлѣ, такъ это увѣренность, что всѣ благомыслящіе люди не находятъ вины за Жоржемъ. Но все-таки я буду болѣе спокойна лишь тогда, когда вы будете внѣ Россіи. Признаюсь, я опасаюсь единственно того, не будете ли вы тосковать, покидая Россію“.

Въ отвѣтъ на эти письма баронъ Геккеренъ 29-го марта отправилъ г-жѣ Дантесъ успокоительное посланіе. Онъ выступилъ въ немъ рѣшительнымъ сторонникомъ Панглоссовой системы: „все къ лучшему въ этомъ мірѣ“. Пушкинъ оказывался у него безумцемъ, которому надоѣла жизнь, который рѣшился покончить съ собой, избравъ для этого руку Дантеса. Чудовищность такой постановки вопроса бросаетъ яркій свѣтъ на нравственную личность Геккерена, а все письмо заключаетъ прелюбопытныя черты для его характеристики. Приведемъ его цѣликомъ:

„Ваши послѣднія письма. моя дорогая Нанина, очень меня обрадовали тѣмъ, что успокоили насъ совершенно относительно тревоги, перенесенной вами до полученія моего перваго письма; письмо же вашего отца меня просто осчастливило; я и не ожидалъ ничего другого отъ его прямого образа мыслей и его благороднаго и возвышеннаго характера; иначе поступить мы и не могли; Жоржу не въ чемъ себя упрекнуть; его противникомъ былъ безумецъ, вызвавшій его безъ всякаго разумнаго повода; ему просто жизнь надоѣла, и онъ рѣшился на самоубійство, избравъ руку Жоржа орудіемъ для своего переселенія въ иной міръ. Вы легко поймете, что послѣ подобнаго событія я не могу оставаться въ Россіи и просилъ позволенія, которое мнѣ и было дано, уѣхать изъ С.-Петербурга; рассчитываю выѣхать въ скоромъ времени, жду только приѣзда моего преемника; Жоржъ также оставляетъ русскую службу

и вмѣстѣ съ женой явится прямо въ Сульцъ, а я ѣду сперва въ Голландію, гдѣ мнѣ надо устроить кое-какія дѣла, а потомъ къ вамъ; вы видите, что нѣтъ худа безъ добра: мы увидимся раньше, чѣмъ могли надѣяться; я не знаю, какой постъ мнѣ предназначаютъ, но все равно мы будемъ ближе другъ къ другу и сможемъ чаще видѣться. Какъ только я получу назначеніе, Жоржъ пріѣдетъ ко мнѣ съ женой. Они оба совсѣмъ здоровы; вашъ братъ совершенно оправился отъ раны: поведеніе его жены было безукоризненно при данныхъ обстоятельствахъ; она ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью и радуется возможности покинуть страну, гдѣ счастливой уже быть не можетъ. Что меня касается, то я также очень доволенъ, мнѣ и безъ того надоѣла страна, гдѣ я разстроилъ свое здоровье, и, приближаясь къ старости, я радъ поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ и всецѣло посвятить себя своей новой семьѣ; если Catherine будетъ умницей, то подаритъ насъ маленькимъ Жоржемъ, который утѣшитъ насъ во всѣхъ пережитыхъ тревоженіяхъ. Какъ только день нашего отъѣзда будетъ назначенъ, мы васъ извѣстимъ. А пока шлемъ вамъ всѣ три тысячи привѣтствій и просимъ васъ совершенно успокоиться на нашъ счетъ“.

Мы знаемъ, что въ дѣйствительности дѣла Геккерена сложились совсѣмъ плохо. 19-го марта (1-го апрѣля) въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера былъ вывезенъ изъ Петербурга Дантесъ. Самъ Геккеренъ былъ, по его просьбѣ, отозванъ, но онъ получилъ отпущь и не получилъ новаго назначенія. Совсѣмъ въ иномъ тонѣ писалъ онъ 23-го марта (5-го апрѣля) одному изъ Геккереновъ, Генриху въ Соксбекъ.

„Ужъ давно, мой милый Генрихъ, долженъ былъ я вамъ написать, но я былъ не въ состояніи взять перо въ руки, чтобы заговорить съ вами о роковомъ событіи, происшедшемъ въ моемъ домѣ; ни Жоржъ,

ни я были тутъ ни причеми; все это свалилось мнѣ, какъ свѣтъ на голову; все, что было въ человѣческихъ силахъ, было сдѣлано, чтобы избѣжать, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ правилъ чести, дуэли; въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ; изъ газетъ вы могли узнать объ ея исходѣ. На другой же день я писалъ королю, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ оставить Россію, потому что я не желалъ оставаться въ Петербургѣ послѣ этой катастрофы; отвѣтъ его величества былъ вполне удовлетворителенъ; король даетъ мнѣ отпускъ;—это все, чего я желалъ, и я ѣду черезъ несколько дней; я продалъ всю свою обстановку, такъ какъ ни подъ какимъ видомъ не соглашусь когда-либо вернуться сюда; хотя вообще мнѣ отдають дань справедливости, но мнѣ пришлось бы бороться съ цѣлой партіей, главой которой покойный былъ; борьба съ нею отравила бы со временемъ все мое существованіе; вслѣдъ за этимъ письмомъ явлюсь и я и лично расскажу вамъ все подробно; одно могу сказать, что если бы мнѣ пришлось дѣйствовать опять съ начала, я поступилъ бы точно также. Передайте мой привѣтъ Everdine; я ей не пишу, такъ какъ не стоитъ говорить съ ней о дѣлѣ, о которомъ мнѣ такъ тяжело вспоминать. Жоржъ больше не на русской службѣ; онъ уже уѣхалъ: я отправляю его вмѣстѣ съ женой къ его отцу, гдѣ онъ обождетъ новаго моего назначенія“...

Одновременно съ этимъ письмомъ, въ этотъ же день Геккеренъ сообщалъ Нанинѣ Дантесъ въ Сульцъ: „Это—последнее письмо, которое я вамъ пишу отсюда. Для того, чтобы васъ совершенно успокоить, я скажу вамъ, что я очень радъ; прежде всего мое здоровье не могло бы слишкомъ долго сопротивляться пребыванію въ этой странѣ. Событіе, которое удаляетъ меня въ настоящее время отсюда, нѣсколько ускорило мой отъѣздъ—вотъ и все. Жоржъ уже уѣхалъ; онъ покинулъ насъ пять дней тому назадъ, это было немного

рѣзко, какъ и все въ этой странѣ, но онъ чувствуетъ себя хорошо; мы имѣли отъ него извѣстія съ дороги, онъ сообщаетъ намъ, что ждетъ насъ въ Кенигсбергѣ. Катерина и я отправляемся черезъ нѣсколько дней... Мы поѣдемъ медленно: дорога ужасна, а Катерина нуждается въ предосторожностяхъ. Разжалованіе въ солдаты, о которомъ сообщилъ вамъ д'Аршіакъ, не имѣетъ никакого значенія, это—проформа. Такъ какъ дуэль запрещена, то необходима кара. Но всякій честный человѣкъ пойметъ, что Жоржъ не могъ поступить иначе“.

VI.

Баронъ Геккеренъ послѣ отъѣзда Жоржа Дантеса.—Положеніе Е. Н. Дантесъ, урожденной Гончаровой.—Ея отношенія къ Россіи, Пушкинымъ и Дантесу.—Отъѣздъ Геккерена изъ Петербурга.—Высочайше пожалованная табакерка.

Баронъ Геккеренъ и m-me Дантесъ проводили своего Жоржа 19-го марта (ст. ст.). Геккеренъ спѣшно распродалъ свои позитки и ждалъ только своего замѣстителя, чтобы уѣхать. Мы уже видѣли, какъ натянуты были его отношенія къ петербургскому обществу. Онъ приписывалъ все это „проискамъ“ партіи, главой которой былъ покойный Пушкинъ. Послѣ отъѣзда Дантеса Геккеренъ съ своей невѣсткой пробыли въ Петербургѣ безъ двухъ дней двѣ недѣли. За это время Геккеренъ успѣлъ послать своему пріемному сыну три письма. Первое онъ отправилъ сейчасъ же послѣ отправления Дантеса. Это письмо прибавляетъ еще нѣсколько черточекъ для обрисовки положенія Геккереновъ въ Петербургѣ, указываетъ на трогательную заботливость старика о своемъ пріемномъ сынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ нѣкоторые намеки на то, что отношенія Геккерена и Дантеса не были особенно дружественными и не отличались взаимнымъ довѣріемъ. Геккеренъ жалуется въ письмѣ на то, что Дантесъ не платилъ ему желаннымъ довѣріемъ. Вотъ что писалъ Геккеренъ:

„Я пишу тебѣ только пару словъ, милый мой Жоржъ; судя по способу, которымъ тебя выслали, ты легко поймешь мою сдержанность; разъ твоя жена и я еще здѣсь, надо соблюдать осторожность; дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось много пострадать во время твоего ужаснаго путешествія,—тебѣ, больному съ двумя открытыми ранами; позволили ли, или, вѣрнѣе, дали ли тебѣ время въ дорогѣ, чтобы перевязать раны? Не думаю и сильно беспокоюсь о томъ; береги себя въ ожиданіи насъ и, если хочешь, поѣзжай въ Кенигсбергъ, тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ въ Тильзитѣ. Не называю тебѣ лицъ, которыя оказываютъ намъ вниманіе, чтобы ихъ не компрометировать, такъ какъ рѣшительно мы подвергаемся нападкамъ партіи, которая начинаетъ обнаруживаться, и нѣкоторые органы которой возбуждаютъ преслѣдованіе противъ насъ. Ты знаешь, о комъ я говорю; могу тебѣ сказать, что мужъ и жена¹ относятся къ намъ безукоризненно, ухаживаютъ за нами, какъ родные, даже больше того,—какъ друзья. Какъ только прибудетъ Геверсъ, мы уѣдемъ. Все же пройдетъ недѣли двѣ прежде, чѣмъ мы будемъ съ тобой, если ты не останешься въ Тильзитѣ; оставь намъ на почтѣ вѣсточку о твоёмъ здоровьѣ. Во всякомъ случаѣ, вотъ паспортъ Баранта съ прусской визой. Твоей женѣ сегодня лучше, но докторъ не позволяетъ ей встать; она должна пролежать еще два дня, чтобы не вызвать выкидыша: была минута въ эту ночь, когда его опасались. Она очень мила, кротка и послушна и очень благоразумна. Каждую почту я буду тебя извѣщать о состояніи ея здоровья. Положись на меня, я позабочусь о ней. Прощай; Баранты очень тебѣ кланяются, они прекрасно относятся къ твоей женѣ; отъ души обнимаю тебя; до скорого свиданія. Старуха Загряжская умерла вчера вечеромъ. М-ше Л., тетка, сварливая и

---

¹ Не идетъ ли тутъ рѣчь о графѣ и графинѣ Нессельроде?

упрямая личность; но я употребилъ въ дѣло свой авторитетъ и запретилъ твоей женѣ проводить цѣлые дни за письмами къ ней, лишь бы удовлетворить ея любопытство, потому что ея заботы и расположеніе—только одно притворство. Сейчасъ выходитъ докторъ отъ твоей жены и говоритъ, что все идетъ хорошо... Офицеръ G. (Г.) хотѣлъ меня видѣть; Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрія съ твоей стороны. Не скрою отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ я, что заслужилъ отъ тебя такое отношеніе“.

Нѣсколько словъ этого письма переносятъ наше вниманіе къ третьему лицу въ семьѣ Геккереновъ—къ Катеринѣ Николаевнѣ, урожденной Гончаровой. До сихъ поръ мы говорили о Геккеренѣ и Дантесѣ, но каковы были переживанія жены Дантеса? „Она очень мила, кротка, послушна и очень благоразумна“,—характеризуетъ ее Геккеренъ. Мы знаемъ, что до свадьбы она была безумно влюблена въ Дантеса. Съ свадьбой порвались ея связи и съ семьей Гончаровыхъ, и съ домомъ Пушкина.. „Она радуется возможности покинуть страну, гдѣ уже счастливой быть не можетъ“,—писалъ о ней Геккеренъ. Новая семья завладѣла всѣми ея интересами. Въ трагедіи, разыгравшейся на ея глазахъ, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ мужа. Мы можемъ привести одно замѣчательное письмо, написанное Катериной Дантесъ мужу, 20-го марта, на другой день послѣ его отъѣзда. Для освѣщенія ея отношеній къ мужу, ея отношеній къ свѣту и къ обществу намъ не нужно уже никакихъ матеріаловъ. Оно замѣчательно искренне. Катерина Николаевна писала мужу:

„Не могу пропустить почту и не написать тебѣ хоть нѣсколько словъ, мой добрый и дорогой другъ. Я очень огорчена твоимъ отъѣздомъ, не могу привыкнутьъ къ мысли, что не увижу тебя двѣ недѣли; считаю часы и минуты, которые осталось мнѣ провести

въ этомъ проклятомъ Петербургѣ; я хотѣла бы быть уже далеко отсюда. Жестоко было такъ отнять у меня тебя, мое сердце; теперь тебя заставляютъ трястись по этимъ ужаснымъ дорогамъ, всѣ кости можно на нихъ переломать; надѣюсь, что хоть въ Тильзитѣ ты отдохнешь, какъ слѣдуетъ; ради Бога, береги свою руку; я боюсь, какъ бы ей не повредило путешествіе. Вчера, послѣ твоего отъѣзда, графиня Строганова оставалась еще нѣсколько времени съ нами; какъ всегда, она была добра и нѣжна со мной; заставила меня раздѣться, снять корсетъ и надѣть капоть; потомъ меня уложили на диванъ и послали за Раухомъ, который прописалъ мнѣ какую-то гадость и велѣлъ сегодня еще не вставать, чтобы побережь маленькаго: какъ и подобаетъ почтенному и любящему сыну, онъ сильно капризничаетъ, оттого что у него отняли его обожаемаго папашу; все-таки сегодня я чувствую себя совсѣмъ хорошо, но не встану съ дивана и не двинусь изъ дому; баронъ окружаетъ меня всевозможнымъ вниманіемъ, и вчера мы весь вечеръ смѣялись и болтали. Графъ меня вчера навѣстилъ; я нахожу, что онъ дѣйствительно сильно опустился; онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося съ тобой и возмущенъ до бѣшенства глупымъ поведеніемъ моей тетюшки и не сдѣлалъ ни шага къ сближенію съ ней; я ему сказала, что думаю даже, что это было бы и бесполезно. Вчера тетка мнѣ написала пару словъ, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ и сказать мнѣ, что мысленно она была со мною; она будетъ теперь въ больномъ затрудненіи: такъ какъ мнѣ запретили подниматься на ея ужасную лѣстницу, я у нея быть не могу, а она, разумѣется, сюда не придетъ; но, зная, что мнѣ нездоровится, и что я въ горѣ по случаю твоего отъѣзда, у нея не хватитъ духу признаться въ обществѣ, что не видится со мной; мнѣ чрезвычайно любопытно посмотрѣть, какъ она поступитъ; я думаю, что ограничится ежедневными письмами, чтобы справляться

о моемъ здоровьѣ. *Idalie*¹ приходила вчера на минуту съ мужемъ; она въ отчаяніи, что не простилась съ тобой; говорить, что въ этомъ виноватъ Бетанкуръ: въ то время, когда она собиралась итти къ намъ, онъ ей сказалъ, что ужъ будетъ поздно, что ты, по всей вѣроятности, уѣхалъ; она не могла утѣшиться и плакала, какъ безумная. М-ше Загряжская умерла въ день твоего отъѣзда, въ семь часовъ вечера.

„Одна горничная (русская) восторгается твоимъ умомъ и всей твоей особой, говорить, что тебѣ равнаго она не встрѣчала во всю свою жизнь и что никогда не забудетъ, какъ ты пришелъ ей похвастаться своей фигурой въ скюртукѣ². Не знаю, разберешь ли ты мои каракули, во всякомъ случаѣ, немного потерялъ бы, если бы и не разобралъ, не могу сообщить тебѣ ничего интереснаго; единственную вещь, которую я хочу, чтобы ты зналъ ее, въ чемъ ты уже вполне увѣренъ, это—то, что тебя крѣпко, крѣпко люблю и что въ одномъ тебѣ все мое счастье, только въ тебѣ, тебѣ одномъ, мой маленькій *s-r Jean-Baptiste*. Цѣлую тебя отъ всего сердца такъ же крѣпко, какъ люблю. Прощай, мой добрый, мой дорогой другъ; съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда смогу обнять тебя лично“.

И Геккеренъ, и Катерина Николаевна ошиблись въ своихъ расчетахъ на сына. 19-го октября (н. ст.) 1837 года, когда она была въ Сульцѣ, у нея родилась дочка Матильда-Евгенія³.

Второе письмо Геккерена отъ 24-го марта (5-го апрѣля) къ Дантесу не лишено интереса. „Мы заняты по горло приготовлениями къ отъѣзду,—писалъ между прочимъ Геккеренъ,—сейчасъ упаковываютъ мебель. Я хочу быть совершенно готовымъ, когда приѣдетъ

¹ *Idalie*—Идалія Полетика.

² Дантесъ, дѣйствительно, былъ побѣдитель женщинъ!

³ Она вышла замужъ 15-го мая 1861 года за генерала (*général de division français*) Жана-Луи Метмана. Она умерла въ 1893 году.

Геверсъ; нѣтъ никакихъ отъ него извѣстій, нѣтъ никого изъ Гааги. ...Здѣсь тоже нѣтъ ничего новаго для меня, то же молчаніе и никакого отвѣта. Я оставляю за собой право распоряжаться моимъ поведеніемъ независимо отъ того, какъ на него посмотрятъ послѣ моего отъѣзда. Нельзя же видѣть дурное въ томъ, что я хочу оправдать себя въ то время, когда упорно не желаютъ сказать мнѣ, что нельзя сдѣлать никакого упрека, потому что я ни о чемъ больше не прошу“.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ Геккеренъ отправилъ третье письмо Жоржу: „Два слова, мой возлюбленный Жоржъ! Пріѣхалъ Геверсъ. Я жду только прощальной аудіенціи, чтобы отправиться; еще немного терпѣнія, и мы свидимся. Письма, привезенныя Геверсомъ, не даютъ мнѣ надежды на новое мѣсто. Я ничего не сказалъ объ этомъ твоей женѣ, чтобы не огорчать ея. Я полонъ бодрости и самоотверженія, и отъ тебя я жду того же. Останемся вмѣстѣ, и мы будемъ еще счастливы... Твоя жена чувствовала себя очень хорошо утромъ и жаловалась только на голову... Докторъ увѣрилъ меня, что путешествіе не будетъ для нея вредно, но я беру съ собой до Берлина горничную. Строгановъ написалъ мнѣ великолѣпное письмо, мнѣ и тебѣ“...

Пріѣхалъ замѣститель Геккерена Геверсъ, назначенный повѣреннымъ въ дѣлахъ, но Геккеренъ не добился прощальной аудіенціи. Государь отказался принять его. „На другой день послѣ моего пріѣзда,—сообщалъ 3-го апрѣля Геверсъ министру Верстолку,—баронъ Геккеренъ ходатайствовалъ о прощальной аудіенціи у царской фамиліи, но государь передалъ черезъ Нессельроде, что онъ желаетъ избѣжать объясненій, которыя могутъ быть только тягостными. Онъ предпочелъ не видѣть г. Геккерена и приказалъ по этому случаю пожаловать, какъ доказательство своего благоволенія, брилліантовую табакерку, украшенную портретомъ его ве-

личества. Не имѣя съ этого мгновенія никакихъ препятствій къ отправленію, г. Геккеренъ закончилъ необходимыя приготовленія къ отъѣзду и выѣхалъ въ Гаагу третьяго дня днемъ, сдавъ имѣ архивъ и бумаги посольства“.

Сохранились архивныя свѣдѣнія о пожалованіи подарка. 30-го марта 1837 года графъ Нессельроде сообщилъ князю Волконскому, министру двора, о томъ, что „государь императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ отъѣзжающему отсюда нидерландскому посланнику барону Геккерену золотую украшенную брилліантами табакерку съ портретомъ его величества въ 12.000 рублей“. 31-го марта табакерка была доставлена графу Нессельроде, и очевидно въ тотъ же день или утромъ 1-го апрѣля была имъ вручена Геккерену. 1-го апрѣля баронъ Геккеренъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Покинувъ Петербургъ и Россію, Геккеренъ не переставалъ интересоваться петербургскими разговорами. По крайней мѣрѣ, мы можемъ привести слѣдующую выписку изъ письма Геверса къ Геккерену, написаннаго въ отвѣтъ послѣднему 15-го мая 1837 года: „Здѣсь, господинъ баронъ, нѣтъ ничего новаго помимо того, о чемъ я писалъ вамъ раньше. Въ обществѣ не спрашиваютъ о смерти Пушкина. Съ перваго дня моего пріѣзда я избѣгалъ и прерывалъ всякій разговоръ по этому предмету; вражда общества, исчерпавъ весь свой ядъ, наконецъ стихла. Императоръ принялъ меня нѣсколько дней тому назадъ въ частной аудіенціи; все, что касалось до этого дѣла, было тщательно избѣгаемо“.

С. Петербургъ.
Январь-Мартъ 1905.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

I.

Письмо барона Геккерена къ барону Верстолку отъ 30 янв.
(11 февр.) 1837 г.

St. Pétersbourg le $\frac{11 \text{ Février}}{30 \text{ Janvier}}$ 1837.

Monsieur le Baron.

Un événement déplorable arrivé dans ma famille m'oblige à recourir à une lettre particulière pour en faire connaître les détails à V. E. Toute funeste qu'ait été l'issue, je me trouvais dans l'impossibilité l'agir autrement que je ne l'ai fait, et j'espère faire partager cette conviction à V. E. par le simple exposé de ce qui s'est passé.

Vous savez, M-r le Baron, que j'ai adopté un jeune homme qui déjà depuis plusieurs années demeurait avec moi et qui maintenant porte mon nom. Il y a un an à peu près que mon fils adoptif distingua dans le monde une jeune et belle dame, m-me Pouchkin, femme du poète de ce nom. Je puis affirmer sur l'honneur que cette inclination n'a jamais dégénéré en liaison criminelle; toute la société de St. Péterbourg en est également convaincue et M-r Pouchkin lui même a fini par le déclarer formellement par écrit et devant de nombreux témoins. Descendant d'un nègre africain, favori de Pierre le Grand, m-r P. en a conservé le caractère ombrageux et vindicatif.

D'odieuses lettres anonymes qui lui ont été adressées, il y a

---

¹ Французскій текстъ писемъ Геккерена въ этой книгѣ печатается впервые по стариннымъ копіямъ изъ собранія П. Я. Дашкова.

environ quatre mois, ont éveillé toute sa jalousie et l'ont déterminé à envoyer à mon fils un cartel qui a été accepté sans explications.

Cependant des amis communs sont intervenus. Et sentant bien qu'un duel avec m-r P. perdait son épouse de réputation et compromettrait l'existence de ses enfants, mon fils a cru pouvoir obéir à ses sentiments particuliers et me demander mon consentement à son mariage avec la soeur de m-me P., jeune et jolie personne demeurant dans la maison de époux. Ce mariage, très convenable sous le rapport des relations sociales, puisque la jeune personne est alliée aux premières familles de ce pays, arrangeait tout; la réputation de m-me Pouchkin restait intacte, le mari, détrompé sur le motif des assiduités de mon fils, n'avait plus aucune raison de se croire offensé (je le répète sur l'honneur et sous la foi de serment: *il ne l'a jamais été*) la rencontre devenait donc sans but. En conséquence, j'ai cru devoir donner mon consentement à cette union. Mais mon fils, homme d'honneur et de coeur, bien qu'il eut mon aveu, n'a voulu faire la demande de la main de la jeune personne, qu'après le duel. Les seconds avaient été nommés de part et d'autre, lorsque m-r P. leur adressa une lettre par laquelle il leur déclarait qu'informé par la *voix publique* des intentions de mon fils, il n'avait plus aucun motif de le provoquer, qu'il le considérait comme un homme de coeur et qu'il rétractait son défi, en priant m-r de Heeckeren de lui rendre sa parole, autorisant en outre les seconds à faire de sa lettre l'usage, qu'ils jugeraient convenable.

Cette affaire étant ainsi complètement arrangée et comme il convient entre gens d'honneur, j'ai demandé pour mon fils la main de m-lle de Gontscharoff qui m'a été accordée pour lui.

Deux mois après le ²²/₁₀ Janvier le mariage a été célébré dans les deux églises en présence de toute la famille. Le C-te et la C-tesse Grégoire Stroganoff, oncle et tante directs de la jeune per-

sonne, lui ont servi de père et de mère, et, de mon côté, la c-sse Nesselrode a représenté la mère. Le prince et la princesse de Butera étaient les témoins.

Depuis cette époque le bonheur domestique le plus complet régnait dans notre intérieur, nous vivions environnés de l'affection et de l'estime de toute la société qui s'empressait de nous en donner des preuves réitérées. Seulement nous évitions avec soin la maison de m-r P. dont le caractère sombre et vindicatif nous était bien connu. De part et d'autre on se bornait à se saluer.

Est-ce au démon de l'envie, est-ce à un sentiment de jalousie inexplicable pour tout le monde comme pour moi même, est-ce enfin à quelque autre motif inconnu qu'il faut attribuer ce qui advint ensuite? Je l'ignore, mais mardi dernier (c'est aujourd'hui samedi) au moment d'aller diner chez le c-te Stroganoff et sans que rien au monde ait pu y donner lieu, je reçois une lettre de m-r P. Ma plume se refuse à retracer ici les dégoûtantes injures que contient cette infâme lettre.

Je suis prêt, cependant, à en transmettre une copie à V. E. si elle l'exigeait, mais qu'elle me permette aujourd'hui de me borner à lui dire que les épithètes les plus odieuses y sont adressées à mon fils, que la réputation de sa vertueuse mère, morte depuis longtemps, y est foulée aux pieds, que mon honneur et ma conduite y sont calomniés de la manière la plus infâme.

Que me restait il à faire? Provoquer moi-même l'auteur de cet écrit? D'abord le caractère public dont le Roi a daigné me revêtir me le défendait; ensuite, cela ne terminait rien. Vainqueur, je déshonorais mon fils, car la malveillance aurait repandu partout, que je m'étais présenté parceque déjà une première fois j'avais été obligé d'arranger une affaire dans laquelle mon fils avait manqué de coeur; victime, mon fils m'aurait infailliblement vengé et, sa

femme restait sans appui. Cependant je ne voulus pas obéir à mon opinion seule et je consultai de suite le c-te Stroganoff, mon ami; son avis étant conforme au mien, je communiquai la lettre à mon fils, et un cartel fut adressé à m-r P. La rencontre a eu lieu le lendemain, Mercredi, dernier. On s'est battu au pistolet. Mon fils a eu le bras traversé de part en part et la balle s'est arrêtée sur une côte en occasionnant une forte contusion. M-r P. est tombé mortellement atteint, et il a succombé hier dans la journée. Sa mort étant inévitable, l'Empereur l'a fait exhorter à mourir en chrétien et lui a envoyé son pardon, lui promettant d'avoir soin de sa femme et de ses enfants.

J'ignore encore ce qui adviendra pour mon fils. Je sais seulement que l'Empereur, en annonçant cette fatale nouvelle à l'Impératrice, est convenu que le baron de H. n'avait pas pu agir autrement qu'il ne l'a fait. Sa femme est dans un état à inspirer la plus vive compassion. Je ne parle pas de moi-même.

Tel est, m-r le B-n, le rapide exposé de ce funeste événement. J'aurai sans doute à transmettre par la poste prochaine à V. E. de nouveaux renseignements qui achèveront d'éclaircir votre conscience, si vous jugez à propos de mettre sous les yeux de S. M. cette relation, aussi exacte qu'impartiale.

Si quelque chose peut apporter un soulagement à mon chagrin, ce sont les marques d'intérêt que je reçois de toute la société de St. Petersbourg. Le jour même de la catastrophe, le c-te et la c-tesse de Nesselrode ainsi que le c-te et la c-tesse Stroganoff n'ont quitté ma maison qu'à une heure du matin.

J'ai l'honneur d'être etc

B. de Heeckeren.

II.

Письмо барона Генкерепа къ барону Верстолку отъ 2 февраля
(14 февр.) 1837.

St.Pétersbourg 2 (14) Février 1837.

Monsieur le Baron,

Ainsi que j'ai eu l'honneur de le faire présenter à V. E. je me trouve dans la nécessité de revenir sur la déplorable affaire qui faisait le sujet de la lettre particulière que je vous ai adressée le 11 dernier.

L'honneur me fait un devoir de ne pas dissimuler que l'opinion s'est manifestée à l'occasion de la mort de m-r Pouchkin d'une manière plus éclatante qu'on ne le supposait. Cependant il importe d'établir que cette opinion n'est pas celle de la haute classe qui reconnaît que dans une circonstance si fatale aucun reproche ne peut être justement adressé à mon fils dont la conduite fut en tout celle d'un homme d'honneur, plus circonspect même qu'on ne l'est ordinairement à son âge, et qu'il ne l'eut sans doute été lui-même en toute autre occasion.

Les sentiments dont je constate ici l'existence sont ceux du tiers-état, si l'on peut donner ce nom à la classe intermédiaire en Russie entre la grande noblesse ou les hauts fonctionnaires et la masse de la population entièrement étrangère à un évènement qu'elle ne peut apprécier. Ce sont donc les hommes de lettres, les artistes, les employés civils de grade inférieur, le haut commerce *national*, etc. La mort de m-r Pouchkin a révélé, du moins l'autorité paraît

le croire, l'existence d'un parti dont il était le chef, peut-être par l'influence seule de son talent éminemment russe. On pourrait accepter pour cette opinion le nom de parti réformateur, qu'elle se donne elle-même. Si l'on se rappelle que m-r Pouchkin fut compromis dans les sociétés dont l'institution précéda les événements de 1825 on trouvera que la supposition de l'existence de ce parti n'est pas dénuée de fondement.

La translation du corps du défunt à l'église devait avoir lieu hier dans la journée, mais, pour éviter toute manifestation des sentiments qui s'étaient déjà révélés pendant l'exposition dans la maison mortuaire, sentiments qu'on n'aurait pu combattre et qu'on ne voulait pas encourager, cette cérémonie a été affectée à une heure de la nuit, par la même raison sans doute les invitations avaient été faites pour l'Eglise de l'Amirauté et le service a eu lieu à celle des Ecuries Impériales.

Il est très probable que quelques jours calmeront cette effervescence qui n'a donné lieu à aucun acte répréhensible, et qui est toute en un mot, de sentiment et d'orgueil national, touché dans la personne du poète le plus populaire du pays, champion dans cette circonstance d'une cause bien injuste! Si l'honneur des lettres était entouré d'admirateurs, l'honneur privé avait peu d'amis. Cette assertion est un hommage que je crois pouvoir rendre à la vérité sans troubler le respect dû à la tombe.

Cependant, m-r le baron, V. E. reconnaîtra que je ne dissimule rien, peut-être même, suis-je soumis moi-même à l'influence d'une pensée exagérée. Quoiqu'il en soit je regarde, en ce moment, comme un devoir rigoureux de vous mettre en position d'apprécier l'état des choses, dès que je puis craindre qu'il ne me soit pas possible de servir dorénavant ici mon prince et mon pays aussi bien que mon coeur et mes sentiments pour ma patrie me le

prescrivent, et que j'ose espérer avoir eu le bonheur de le faire jusqu'à présent.

S. M. décidera si Elle doit me rappeler, ou me faire permuter avec un de mes collègues. S'il m'était permis de faire valoir une considération respectueuse dans une circonstance où je suis personnellement intéressé, je dirais qu'un rappel sans emploi serait une éclatante désapprobation de ma conduite. J'en serais navré, et dans une circonstance aussi funeste pour moi ma conscience me dit que je n'ai pas mérité un blâme qui ternirait en un moment toute ma carrière publique. Mes vœux sont donc pour un changement de résidence qui, satisfaisant à une fatale nécessité, prouverait en même temps que je n'ai pas perdu la confiance dont le Roi, mon auguste maître, a daigné m'honorer pendant tant d'années, et que, j'ose le répéter, je n'ai pas mérité de perdre.

Serviteur fidèle et dévoué, j'attendrai les ordres de S. M., certain que, dans un événement que je n'ai pu ni empêcher, ni prévoir, la sollicitude paternelle du Roi prendra en considération trente et un ans de services irréprochables, l'extrême modicité de ma fortune personnelle et les charges que m'imposent maintenant une famille dont je suis le seul appui, et qui, par la position de la jeune épouse de mon fils, ne tarderont pas à augmenter encore.

Recevant depuis longtemps les directions de V. E. c'est sur votre appui, m-r le Baron, que j'ose compter en cette occasion. Votre bienveillance a constamment encouragé mes efforts pour le service du Roi, et j'aime à penser que longtemps encore je pourrai continuer à vous seconder dans l'exécution des volontés de votre souverain pour l'honneur et l'avantage de notre patrie. Vous avez l'âme trop élevée, m-r le Baron, pour que je ne me crois pas assuré de votre assentiment à ma conduite dans cette fatale circonstance où l'honneur devait imposer silence à toute

considération. Celui qui n'aurait pas su se faire respecter lui-même eut-il pu prétendre à l'honneur de représenter ici un souverain qui donne à notre époque l'exemple de toutes les vertus et de la plus admirable fermeté? V. E. comprendra avec quelle impatience j'attendrai les ordres que je sollicite aujourd'hui.

J'ai l'honneur d'être etc...

B. de Heeckeren.

III

Письмо барона Генкерена къ Его Высочеству Принцу Оранскому.

Monseigneur,

Au moment où je me trouve frappé par un événement aussi funeste qu'imprévu, la bienveillance constante, et j'oserai dire l'affection, dont Votre Altesse Royale a bien voulu m'honorer, me permettent, et me font même un devoir de ne Lui rien laisser ignorer sur l'origine et les conséquences du duel de mon fils avec monsieur Pouchkin.

Afin d'éviter à Votre Altesse Royale des détails qui seraient trop étendus ici, quoiqu'indispensables, je prends la liberté de joindre à ma lettre la copie de celles que j'ai adressées à ce sujet à Monsieur le Ministre des affaires étrangères; que Votre Altesse Royale daigne un moment oublier son rang, et, comme Militaire, comme homme d'honneur qu'Elle décide s'il était possible de repousser autrement de semblables injures? j'en appellerai encore à Votre opinion, Monseigneur, pour juger si je puis continuer à résider auprès de la Cour Impériale après un semblable événement.

Dans la société de St. Péterbourg j'ai à cette occasion des partisans et des détracteurs. Homme privé, je resterais, certain que le bon droit rallierait plus tard tout le monde à ma cause; homme public, ayant l'honneur de représenter son Souverain, il ne m'est pas permis d'admettre le plus léger dissentiment à mon égard.

J'ose donc espérer, Monseigneur, que Votre Altesse Royale voudra bien appuyer auprès du Roi ma demande d'un rappel et ma nomination auprès d'une cour où je puisse continuer à consacrer tous mes efforts au service de mon Prince et de mon pays.

Votre Altesse Royale m'approuvera, j'ose le croire, et cette conviction est le plus précieux adoucissement à mes peines dans une circonstance où mes affections de famille ont été et sont encore vivement menacées et ma carrière publique troublée au moment où je m'y attendais le moins.

La bienveillance de Votre Altesse Royale me fût toujours aussi chère qu'elle m'est honorable, mais c'est surtout aujourd'hui que je comprends tout ce qu'il y a de consolant à penser qu'on peut espérer trouver les sentiments de l'amitié dans la personne d'un juge aussi haut placé par son rang, son mérite et la noblesse de son âme.

Je suis avec un profond respect etc.

B. de Heeckeren.

le 15 (8) Février 1837.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

стр.

Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина.	196—225
Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 году.	226—265
Пушкинъ въ политическомъ процесѣ 1826—1828 гг.	266—306
Введеніе — 266. I. Дѣло Алексѣева и Пушкинъ—272. II. Дѣло о стихахъ изъ элегіи „Андрей Шенья“ въ Государственномъ Совѣтѣ—301.	
Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Новые матеріалы	307—402
Введеніе—307. I. Князь П. А. Вяземскій о дуэли Пушкина—309. II. Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жоржъ Дантесъ—340. Приложеніе: Письма барона Геккерена своему правительству—403.	

Статьи, собранныя въ этой книгѣ, появились разновременно на страницахъ изданія „Пушкинъ и его современники“ и журналовъ „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и „Историческій Вѣстникъ“. Текстъ статей при внесеніи ихъ въ книгу подвергся незначительнымъ измѣненіямъ. Французскій текстъ писемъ Геккерена появляется въ печати впервые.

РАБОТЫ П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

1. Очерки исторіи отреченной литературы. Спб. I—IV. 1899. V—VII. 1900. (Разошлись).
2. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. Изслѣдованіе по архивнымъ матеріаламъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905. Ц. 10 руб. (Разошлось).
3. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка. 2 изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1906. Ц. 30 коп.
4. Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева (1789 г.). Спб. 1908. Ц. 30 коп.
5. А. Н. Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Вступительныя статьи и редація Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1905. Ц. 2 руб.
6. П. И. Пестель. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Редація и предисловіе П. Е. Щеголева. Изд. кн-ва „Прометей“ Спб. 1906. Ц. 1 руб.
7. Бар. А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Редація П. Е. Щеголева. Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1906. Ц. 3 руб.
8. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. (Печатается).

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

